

И. И. УДАЛЬЦОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ

*1848–1849 гг.
в чешских землях*

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. И. УДАЛЬЦОВ

**ИСТОРИОГРАФИЯ
РЕВОЛЮЦИИ
1848–1849 гг.
в чешских землях**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. ФРЕЙДЗОН

МОСКВА
"НАУКА"
1989

Рецензенты

доктор исторических наук В.А. Дьяков,
доктор исторических наук В.Ю. Кузьмин

Удальцов И.И.

У 28 Историография революции 1848-1849 гг. в чешских землях:
новые чехословацкие исследования, (1950-1985) - М.: "Наука",
1989. - 136 с.
ISBN 5-02-009897-3

Книга посвящена столкновению сил революции и контрреволюции в чешских землях (Чехии, Моравии, Силезии) в 1848-1849 гг., классовым боям пролетариата и крестьянства, роли буржуазии в противоборстве классовых и национальных лагерей тех лет. Особое внимание уделено национальному вопросу в революции. Автором дается характеристика чехословацкой исторической литературы по этой проблематике.

Для историков.

У 0503000000-419 II 9-89 кн. I
042(02)-89

ББК 63.3(4 Че)

ISBN 5-02-009897-3

© Издательство "Наука", 1989

ВВЕДЕНИЕ

В рамках развернувшегося в 1848-1849 гг. в ряде европейских стран острого противоборства сил революции и контрреволюции национально-политическая и социальная борьба этих лет в чешских землях Австрийской империи занимает, хотя и относительно скромное по своим масштабам, но весьма важное в принципиальном плане место. Именно поэтому на протяжении всего истекшего с тех пор времени освещению и оценке событий тех бурных лет и исторической наукой, и политической мыслью придавалось большое значение. Это нашло свое выражение и в прямых высказываниях основоположников марксизма-ленинизма по различным аспектам общественных движений в чешских землях в революционные годы (1-15)^ж, и в постоянном стремлении ученых-обществоведов возможно полнее и глубже исследовать и определить характер и объективную историческую роль этих движений.

В 1951 г. автором этих строк была опубликована монография "Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г.", основанная на материалах (документальных публикациях и исследовательских работах), издававшихся в течение времени, прошедшего после революции 1848-1849 гг., вплоть до ее столетнего юбилея. В последующие три десятилетия появилось множество новых работ, посвященных как событиям самих революционных лет, так и особенно истории предшествовавшей им эпохи чешского национального возрождения, т.е. переходному от феодализма к капитализму периоду, процессам формирования чешской нации и национальной культуры, возникновения и развития национального движения, социальной борьбе крестьянства и пролетариата в предреволюционные десятилетия.

Попытка проанализировать и обобщить исследовательскую работу, проделанную по этой проблематике в ЧССР и СССР специалистами-обществоведами (историками, социологами, литературоведами, лингвистами, культурологами), была предпринята мною в опубликованной в 1984 г. книге "Историография чешского национального возрождения: новейшие чехословацкие и советские исследования (1950-1980)". В этой монографии при характеристике главных направлений исследований и наиболее важных

---

^жСправочный аппарат помещен в конце издания. Нумерация работ дана в порядке их упоминания в тексте.

научных работ автор стремился также суммировать в ряде случаев и основные выводы современной чехословацкой и советской историографии относительно социально-экономического, политического и культурного развития чешских земель во второй половине XVIII - первой половине XIX в. и формирования в этом регионе революционной ситуации.

В предлагаемой теперь вниманию читателей книге "Историография революции 1848-1849 гг. в чешских землях" предпринята попытка обобщить результаты проделанной чехословацкими авторами за последние три с лишним десятилетия работы по уточнению картины событий революционных лет в Чехии, Моравии и австрийской Силезии, сосредоточив внимание прежде всего на тех аспектах этих событий, которые отражали процесс формирования и становления социальных и национально-политических течений в чешском обществе, вступивших тогда во взаимодействие или противоборство между собой.

В первую очередь предполагается выяснить, что нового дает чехословацкая историография послевоенных десятилетий для характеристики реальной роли народных масс - крестьянства, пролетариата, мелкой буржуазии - в событиях 1848-1849 гг. степени и форм их политической активности. В связи с этим будет затронут вопрос о влиянии политической активизации пролетариата и крестьянства на формирование политических программ и политическую практику национально-либерального и радикально-демократического направлений в среде чешской буржуазии, а также вопрос о характере, формах и исторической роли чешского национального движения этих лет.

При этом автор сохраняет принятую им в опубликованных в 1951 г. "Очерках..." двухэтапную периодизацию событий революционных лет в чешских землях: (1) от мартовских дней до восстания в Праге 12-17 июня 1848 г.; (2) со времени подавления Пражского восстания до мартовской конституции 1849 г. и ликвидации "майского заговора" радикальных демократов.

Чехословацкими авторами в 1950-х - 1980-х годах осуществлено по этой проблематике около двухсот различных публикаций, из которых лишь относительно небольшая часть (около тридцати работ) посвящена общей характеристике событий 1848-1849 гг. во всех чешских землях или в каждой из них в отдельности и теоретическому анализу этих событий. В остальных работах исследуются различные конкретные события или проблемы революционных лет, такие прежде всего, как социальная борьба трудящихся города и деревни, национальный вопрос и национальное движение, деятельность и историческая роль радикальных демократов и национал-либералов, Славянский съезд в Праге и т.п.

Наиболее полное обобщенное изложение и характеристика событий 1848-1849 гг. в чешских землях в целом содержатся в книгах А. Климь (16, 17), Ф. Червинки (18), в новейшей (1982 г.) работе О. Урбана о развитии чешского общества в 1848-1918 гг. (19), а также

в публикациях В. Чейхана (20), Й. Полишенского (21), З. Шолле (22, 23)^{1ж}.

Из работ, освещающих революционные процессы в различных районах собственно Чехии, должны быть упомянуты обстоятельная монография Й. Белды "Либерец в революционном 1848 году" (24), а также статьи и главы Р. Рандисека о событиях в Страконицах (25), А. Робека - в Центральной Чехии (26, 27), З. Шолле - в Праге (28).

История революционных лет в Моравии освещается в работах М. Трапла (29-30), Б. Шинделаржа (31-34), Й. Колейки (35), Й. Драбека (36), события в Силезии - в статьях А. Гробельного (37), В. Жачека (38), Б. Шинделаржа (39).

Относящимся к нашей теме теоретическим вопросам, в том числе дискуссионным, посвящен опубликованный в 1974 г. сборник материалов международного научного симпозиума историков в Бехине (ЧССР, 1973 г.), в котором наибольший интерес для нас представляют доклады Й. Кочи и В. Матулы о чешском и словацком национальных движениях в период революции, Б. Шинделаржа о характере буржуазных и буржуазно-демократических революций 1848-1849 гг. в регионе, К. Новотного и Ф. Йордана о рабочем движении в чешских землях в эти годы (40-44). В разработке теоретических аспектов событий и социально-политических процессов революционных лет в чешских землях приняли активное участие также М. Грох (45), Я. Новотный (46-47), О. Урбан (48).

Особенно активно различные аспекты рабочего движения в чешских землях в 1848-1849 гг. разрабатывал в последнее тридцатилетие Карел Новотный, уделивший внимание как общим вопросам истории этого движения (43, 49), так и социальным выступлениям его различных отрядов (50, 51), формированию его национального самосознания (52), рабочей прессе того времени (53), а также публикации весьма ценных сборников документальных материалов по этой тематике (54, 55).

О забастовках в Остравском крае в годы революции писал А. Гробельный (56). Ряд вопросов рабочего движения этих лет затронут в написанной коллективом авторов под руководством Ярослава Врбаты книге "Сто лет борьбы чешского рабочего класса: 1848-1948" (57), в работах Ф. Йордана (44), К. Малого (58), В. Штястного (59).

Аграрному вопросу, положению крестьянства и его антифеодальным выступлениям революционных лет посвящены работы С. Адамчика, С. Дркала, А. Климь, Й. Кочи, Я. Пурша, Ф. Роубика, Р. Зубера (60-67), Б. Шинделаржа (34), позволяющие представить себе более конкретно степень, формы и характер социальной активности крестьянства в ходе революции.

^{1ж} Мы не даем здесь подробного историографического обзора и оценки работ упоминаемых авторов, поскольку в соответствующих разделах будут использованы в необходимой мере и охарактеризованы их наиболее важные работы, вносящие новое в освещение рассматриваемой нами проблематики.

Вполне понятно, что значительное внимание чехословацкими историками было уделено изучению национального движения как составной части общественного развития чешских земель в период революции, освещению проблематики межнациональных отношений того времени в империи. В этой области работал О. Урбан (19, 68, 69), особенно же интенсивно — Й. Колейка, опубликовавший интересную монографию (70) и серию статей по различным аспектам этой проблематики (71-86б), прежде всего по системе международных отношений в Центральной Европе, включая вопросы межнациональных отношений в Германии (Франкфуртский парламент), Австрийской империи, чешских землях и т.п.

Чешско-немецкие отношения революционных лет были рассмотрены также в брошюре К. Крейбиха (87); чешско-словацкие — в ряде работ Я. Новотного (88-93), а также В. Матулы, Я. Ткадлечковой-Вантуховой и других авторов (94, 95). Проблематикой чешско-русских отношений периода революции занимались В. Чейхан, Й. Кочи, А. Клима (96-99), связями и сотрудничеством чехов с южными славянами — В. Жачек, с украинцами — он же и В. Гостичка, с венграми — Й. Мацурек, Э. Ковач и Я. Новотный (100-103а), с поляками — В. Жачек (263, 264).

Таким образом, можно констатировать, что в последнее тридцатилетие получили довольно основательную разработку некоторые важные вопросы политической истории чешских земель, социальной борьбы трудящихся слоев города и деревни, национального движения и межнациональных отношений в годы революции.

Вместе с тем следует констатировать и тот факт, что относительно большее внимание чехословацких ученых привлекли мировоззрение и политическая практика представителей левого крыла чешской общественной жизни тех лет — радикальных демократов.

Общий обзор политических и философских взглядов чешских социалистов-утопистов XIX в. дан в книге Я. Пешковой (104) и в работах перешедшего в 60-х годах на открыто ревизионистские позиции К. Косика (105). Участие студенчества в революционных событиях посвящены работы Ф. Илека (106, 107). З. Шамбергер обратился к истории майского (1849 г.) революционного заговора немецких и чешских демократов, участие в нем М.А. Бакунина (108, 109). Деятельность общества "Славянская липа", в которой участвовали радикальные демократы, привлекла внимание И. Бартохи, Я. Новотного, М. Сухой и В. Жачека (110-113). В. Освальд и Г. Грзалова писали о чешской радикально-демократической журналистике того времени (114, 115). Чрезвычайно интересной проблеме связей чешской радикальной демократии с А.И. Герценом посвятили свои статьи Р. Гребеничкова и Й. Цумр (116-117), а связям с итальянским революционным движением — В. Чейхан (118).

Из числа наиболее выдающихся представителей радикально-демократического направления в чешской политике 40-х годов XIX в. особый интерес у публикаторов их произведений и исследователей вызвали взгляды

и деятельность Эмануэля Арнольда (119-127) и Йозефа Вацлава Фрича (128-150); несколько публикаций было о Карле Сабине (151-157) и других чешских радикальных демократах и утопических социалистах середины прошлого столетия (158-166).

В 1953 г. была опубликована обширная подборка политических произведений ведущих представителей радикальной демократии (Э. Арнольда, К. Сабины, Й. В. Фрича, В. Вавры-Гаштальского, Я.С. Кнедльганса-Либлинского), дающая представление об их мировоззрении и политических позициях (167). Новейшая публикация текстов произведений Б. Больцано "О наилучшем государстве", А. Сметаны "Значение современной эпохи", К. Сабины "Духовный коммунизм" осуществлена Я. Новотным в 1982 г. (167а).

В советской историографии за рассматриваемое время (1950-е - начало 1980-х годов) появились лишь две работы, специально посвященные чешским радикальным демократам. Первая принадлежит перу А.С. Мыльникова и характеризует их место и значение в чешской историографии XIX в. (168), а вторая - это опубликованная в 1984 г. монография Г.И. Еремеевой о Й.В. Фриче (169). К этому практически можно добавить лишь некоторые разделы книги Н.М. Пирумовой о Бакуanine, в которых она затрагивает его связи с чешскими демократами, участие в Славянском съезде, в Пражском восстании 1848 г. и в "майском заговоре" 1849 г. (170).

Что касается либерально-буржуазного направления в чешской политике этих лет или так называемой национально-либеральной партии, то относительно литературы о ее лидерах Ф. Палацком, П.И. Шафарике, К. Гавличке-Боровском и некоторых других (как и об остальных ведущих деятелях разных политических направлений периода возрождения) мы высказывали свои соображения в книге об историографии чешского национального возрождения (171). Дополнительно к сказанному там упомянем несколько работ по этой тематике, относящихся непосредственно к периоду революции, т.е. к 1848 и 1849 гг. Это прежде всего статьи Й. Кочи, анализирующие различные аспекты политической позиции К. Гавличека в этот период (172-174), статья Я. Троничека на ту же тему (175) и книга Ф. Белки "Из истории чешской революционной мысли", содержащая характеристику деятельности и взглядов ряда чешских политических лидеров и идеологов разных эпох, в том числе - времен национального возрождения и революции (176).

Всего лишь несколько статей посвятили в послевоенный период чехословацкие историки Славянскому съезду в Праге (267-269), рассмотрев в них позицию польских участников съезда в отношении Пражского восстания 12-17 июня 1848 г. (В. Чейхан), обстоятельства прекращения деятельности съезда (Э. Шамбергер), вопрос об авторах принятого съездом Манифеста к европейским народам (В. Жачек). Все эти темы, конечно, важны, но все же вызывает сожаление отсутствие новых обобщающих работ о пражском Славянском съезде, учитывая большое научное и политическое значение этой темы.

Отсутствие таких исследовательских работ лишь отчасти компенсируется капитальными документальными публикациями 1950-х годов, существенно расширяющими представления о съезде как об одном из центральных событий 1848 г. в Праге, имевшем широкий отклик не только у всех славянских народов в Австрийской империи и за ее пределами, но и среди других народов Европы. Мы имеем в виду сборник документов Зденека Тоболки и Вацлава Жачека "Славянский съезд в Праге в 1848 году", изданный в 1952 г. (270), и сборник под тем же названием, опубликованный В. Жачеком в 1958 г. (271).

Совместная работа Тоболки и Жачека над этой публикацией была принята в 1947 г. с целью издать ее к 100-летию съезда, причем Тоболка работал над журналами и опубликованными документами, а Жачек — над рукописными источниками. В результате было собрано столь большое количество материалов, что опубликованная на правах рукописи первая часть сборника (270) на 521 странице охватывала лишь период подготовки съезда. Было признано целесообразным произвести более тщательный отбор материалов с тем, чтобы в публикацию были включены наиболее важные из них.

В связи со смертью З. Тоболки работа была завершена одним В. Жачеком, который при окончательном отборе материалов вполне обоснованно отдавал предпочтение, во-первых, неопубликованным, неизвестным ранее или малоизвестным документам, и, во-вторых, важнейшим из опубликованных уже документов, необходимых для правильного понимания и освещения проблематики Славянского съезда.

Проделанная Жачеком работа заслуживает весьма положительной оценки. Ее результатами явилась чрезвычайно ценная публикация, дающая достаточно полное представление, по сути дела, о всех существенных аспектах подготовки, хода, результатах и непосредственных последствиях съезда. Она начинается с документальных свидетельств об обстоятельствах возникновения идеи созыва съезда, показывает его организационную и пропагандистскую подготовку. В специальные разделы выделен вопрос об отношении к этой идее поляков, восточных и южных славян, об откликах на созыв съезда в неславянском мире. Документы подробнейшим образом характеризуют весь ход съезда, работу его секций, дискуссии, принятые съездом и секциями документы, протоколы заседаний, переписку участников съезда, прессу, оценки и описания съезда его современниками и т.п.

Особое место в публикации занимают разделы, касающиеся вопроса о связи Славянского съезда и его участников с Пражским восстанием 12-17 июня 1848 г., об отсрочке съезда, о предпринятых австрийскими властями расследованиях и других мерах в отношении собравшихся в Праге представителей славянских народов. Тщательно отобранные, продуманно сгруппированные и расположенные по разделам документы сборника дополнены также списком участников съезда, аннотированной библиографией источников и литературы о съезде. Необходимо подчеркнуть, что первый из

этих материалов, скромно названный списком участников, представляет собой в действительности скрупулезно выполненное В. Жачеком исследование всех возможных данных о фактическом участии и присутствии на съезде всех лиц славянской и неславянской принадлежности.

Составленная В. Чейханом библиография к публикации В. Жачека включила наиболее существенные публикации о съезде, изданные к тому времени (1958 г.). Эти приложения, а также именной и предметный указатели и иллюстративное приложение к книге еще более повысили ее научную и познавательную ценность.

Приходится констатировать далее, что за последние три с половиной десятилетия не появилось каких-либо исследований (помимо сравнительно небольших разделов в названных выше и некоторых других работах общего характера), которые были бы посвящены специально Пражскому восстанию 1848 г. Ввиду этого и документальная база, и общая характеристика обстоятельств возникновения, хода и последствий восстания остались в основном на том же уровне, на каком они были и в период, когда отмечалось столетие революции 1848 г. Мы говорим "в основном", потому что несколько работ, расширяющих в известной мере представления о самом восстании, все же были опубликованы. В их числе должны быть названы исследования Ярослава Кржижека о национальных гвардиях в 1848 г. (180-182), книга Ярослава Врбаты и других авторов "100 лет борьбы чешского рабочего класса" (57), работа Франтишека Илека об участии студентов пражского политехнического института в революционном движении 1848-1849 гг. (106) и некоторые другие. Из них наибольший интерес в этом плане представляет монография Я. Кржижека (182), вводящая в научный оборот новые данные о восстании по материалам Центрального архива министерства внутренних дел, Центрального военного архива Чехословакии, современным событиям прессы и по некоторым другим источникам.

Укажем теперь на некоторые работы и публикации по отдельным вопросам истории революционных лет.

Одному из таких вопросов - практической деятельности возникшего в ходе революционных событий в Праге Национального комитета - посвящена всего одна статья - Г. Чеховой и Й. Мартинека, опубликованная в сборнике материалов министерства внутренних дел Чехословакии в 1954 г. (177).

Однако некоторые аспекты этой деятельности, как и тогдашнего общественного развития вообще, получают освещение в документах, включенных в изданную Чехословацкой академией наук в 1954 г. фундаментальную публикацию Ф. Рубика "Петиции сельского населения Чехии Национальному комитету в 1848 году" (178). Публикация содержит текст 474 петиций, поступивших из провинциальных городов, местечек и деревень Чехии в адрес Национального комитета за два месяца - с середины апреля до 16 июня 1848 г. - и выявленных Ф. Рубиком в архиве министерст-

ва внутренних дел Чехословацкой республики. Кроме того, в публикацию включены перечни (с кратким указанием на содержание) зарегистрированных регистратурой Национального комитета, но отсутствующих в архиве петиций сельского населения (71 единица) и населения городов и местечек (89 единиц). В своем большинстве это коллективные петиции сельского населения одной или нескольких деревень одного или нескольких поместий с жалобами на помещиков, с конкретными просьбами крестьян всех категорий, в том числе 156 петиций безземельных крестьян. Среди учтенных Ф. Роубиком петиций 465 - на чешском, 115 - на немецком языках, они направлены от имени населения 1200 сельских общин и 27 поместий и подписаны более чем семью тысячами человек. Кроме того, многие петиции содержат требования рабочих и подмастерьев, прядильщиков, ткачей, суконщиков, ситцепечатников, торговцев, ремесленников, учителей, чиновников, фабрикантов и т.д. В петициях ставятся вопросы прежде всего и главным образом экономические и социальные (отмены барщины и многочисленных других феодальных повинностей), требования же политического или национального характера выдвигаются крайне редко в сельских общинах, чаще - в городских.

В большей части петиций их авторы смиряются с тем, что барщина будет отменена за выкуп, но высказывают самые различные соображения относительно его размеров и формы. Содержание петиций дает ценный и разнообразный материал для характеристики экономического и правового положения сельского и городского населения чешской провинции. Важной особенностью многих из этих документов является то, что они направлены не только, а иногда и не столько против помещиков, сколько против эксплуатации и злоупотреблений со стороны зажиточных крестьян, раскрывая тем самым картину уже активно развернувшегося процесса социального расслоения деревни и показывая ее классовую структуру. В то же время материалы публикации помогают правильно оценить позицию и политику либеральной буржуазии в крестьянском вопросе, направленные прежде всего против революционных методов его решения.

Аналогичное по типу издание сборника архивных документов, относящихся к Моравии, предприняло Архивное управление министерства внутренних дел Чехословакии в 1955 г. Речь идет о публикации И. Радимского и М. Вурмовой "Петиции моравского населения к сейму в 1848 году" (179).

Содержание и характер этих петиций, адресованных избранному в мае 1848 г. и начавшему свои заседания в Брно 31 мая моравскому так называемому сельскому сейму^{2ж}, были в основном сходны с петициями к чешс-

^{2ж} Название "сельского" этот сейм получил в связи с большим числом депутатов от сельских общин - 103 из общего их числа 261. Помещики были представлены в этом сейме 76 депутатами, моравские города - 77, оломоуцкий университет - 5.

кому Национальному комитету. Большинство их тоже содержит жалобы сельского населения на тяжелое материальное положение, эксплуатацию со стороны помещиков и зажиточных крестьян и т.п. Лишь в немногих затрагиваются вопросы национальные и государственно-правовые. Экономические и социальные проблемы и здесь стоят на первом плане. Из петиций безземельных крестьян, батраков, ремесленников - текстильщиков, работников рассеянных мануфактур, подмастерьев, других категорий обездоленных возникает мрачная и безысходная картина глубокой нищеты, бедственного положения основной массы трудящегося люда города и деревни, во многом объясняющая широкий размах революционных антифеодалных выступлений различных слоев трудового населения Моравии и Силезии 40-х годов. Проблема отмены барщины и других, притом весьма многочисленных, повинностей оставалась первоочередной; большое внимание уделялось и здесь размерам и формам выкупа. Лишь одна петиция говорит о необходимости отмены барщины без выкупа на том веском основании, что платить его просто нечем. Много жалоб на высокие налоги в пользу государства, церкви, на другие поборы с населения.

Одним словом, в 306 петициях "сельскому сейму" из Моравии (164 - на чешском, 142 - на немецком языках) содержится достаточно фактического материала, помогающего понять, почему здешнее дворянство, исходя из соображений экономических и в страхе перед нараставшим антифеодалным движением, выступило в поддержку требований об отмене барщины (разумеется, за выкуп), ввиду чего такое решение и было принято Моравским сеймом (с вступлением в силу с 1 июля 1848 г.).

Весьма интересной и важной проблеме классового характера и политической роли возникших в ходе революционных событий гражданских вооруженных формирований - национальных гвардий посвящены несколько упоминаний уже работ Ярослава Кржижека (180-182). Касается фактической стороны развития революционных событий Йозеф Лепшик в работе о периодах осадного положения в Чехии в 1848-1853 гг. (183). Наконец, укажем на работы Г. Грзаловой (184), В. Освальда (185), М. Трапла (186), З. Шимечека (187), характеризующие состояние чешской журналистики, в частности - публицистики радикальных демократов революционных лет.

Так в основном обстоит дело с новейшей (т.е. относящейся к периоду после 1948 г.) чехословацкой историографией проблем революции и контрреволюции в чешских землях Австрийской империи в 1848-1849 гг. Что касается научной литературы по этим проблемам, публиковавшейся к столетию революции и раньше, то ее краткая характеристика была дана нами в работах 1940-х - 1950-х годов (188-193).

Как уже упоминалось, на основе рассмотренной в нашей предыдущей монографии (171) новейшей чехословацкой и советской литературы по проблематике национального возрождения была предпринята попытка обобщить содержащиеся в ней основные данные и выводы относительно социально-экономического, политического и культурного развития чешских

земель в первой половине XIX в. и формирования в этом регионе революционной ситуации. Вместе с тем достаточно полная и объективная общая картина внутреннего положения монархии Габсбургов и развития международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в предреволюционные десятилетия и в годы революции весьма удачно и квалифицированно дана в коллективном труде советских ученых об освободительных движениях народов Австрийской империи (194).

Не повторяя поэтому характеристики обстановки в чешских землях накануне революции, ограничимся здесь лишь некоторыми (и весьма краткими) соображениями, представляющимися нам особо существенными с точки зрения подхода к рассмотрению событий революционных лет, и с учетом того, что именно предреволюционные десятилетия и годы самой революции во многом сформировали и предопределили характер и особенности последующего общественно-политического и идейного развития чешских земель на столетие вперед.

Прежде всего это вопрос о некоторых особенностях процесса формирования чешской нации, в частности — об относительно сильно выраженных чертах мелкобуржуазности, характерных как для внутренней структуры самого класса буржуазии, так и в плане влияния специфики этой структуры на формирование идеологии и национальной психологии, на политическое развитие других классов и социальных слоев чешского общества.

Речь идет, в сущности, об идейно-политических последствиях факта отсутствия в этом процессе в предреволюционный период крупной чешской буржуазии, об относительной малочисленности и слабости буржуазии средней, о решительном преобладании в структуре класса национальной буржуазии мелкобуржуазных слоев города и деревни.

Эти особенности формирования буржуазии чешских земель были связаны, в свою очередь, с уровнем развития их экономики в целом и по отраслям.

Если говорить о промышленном производстве чешских земель, то его характерной чертой до середины XIX в. было полное преобладание (и по доле в общем промышленном производстве, и по занятости рабочей силы, и по другим показателям) отраслей пищевой и легкой промышленности, прежде всего — текстильной. В то же время такие решающие для процесса индустриализации отрасли, как металлургия, добыча угля и руды, машиностроение находились в 40-х годах XIX в. еще в начальной стадии своего интенсивного развития. Невысок был здесь и уровень сельскохозяйственного производства, развитие которого тормозилось феодальными институтами и традициями, прежде всего — барщиной^{3ж}.

Речь идет, далее, о влиянии на процесс формирования чешской буржуазии того факта, что он проходил в конкурентной борьбе с буржуазией не-

^{3ж} Конкретные данные об экономическом развитии чешских земель в первой половине XIX в. и их общую оценку, а также библиографию по этому вопросу см. 171, с. 97-172.

мецкой, а также еврейской^{4ж}. Немецкая буржуазия чешских земель имела при этом, естественно, возможность опираться на экономическую и политическую поддержку династии и немецкой буржуазии других земель монархии Габсбургов, а отчасти и государств, входивших в Германский союз.

Важным фактором формирования идеологических и политических позиций чешской буржуазии и вообще всей системы общественных отношений того времени являлось влияние на этот процесс, с одной стороны, нарастания (особенно в 40-х годах) различных форм социальных выступлений крестьянства и пролетариата чешских земель, а с другой стороны — опыта европейского революционного движения, в особенности классовой борьбы английского, французского и германского рабочего класса.

При этом нами имеется в виду тот достаточно очевидный факт, что в силу всех этих обстоятельств чешская буржуазия вступала в период революции 1848 г. как общественная сила, в значительной степени утратившая уже свою революционность, т.е. способность в союзе с широкими слоями народа (или при опоре на них) революционными методами решительно опрокинуть и устранить феодальные порядки, институты и традиции.

Хотя классовым интересом и целью чешской буржуазии оставались, разумеется, смена феодальных порядков капиталистическими и создание условий для беспрепятственного развития буржуазных отношений, к достижению этой цели она уже предпочитала идти путем компромиссов, соглашений и даже сотрудничества с династией, с дворянством, с абсолютистским государством как с союзниками в надвигавшемся (и уже начавшемся) противоборстве с пролетариатом как с той общественной силой, в которой буржуазия видела противника более грозного и опасного, чем династия и дворянство и их феодальные государственно-правовые институты.

Следует подчеркнуть при этом, что было бы неправильно, как нам представляется, определять степень участия в революции народных масс вообще и пролетариата в особенности только такими формами их открытых классовых (экономических и политических) акций, как стачки, бунты вооруженные выступления против властей, фабрикантов и помещиков и т.п. Степень участия пролетариата и крестьянства в революции не может, на наш взгляд, определяться без учета глубины и многообразия форм их общего влияния и воздействия на развитие событий, на позиции и действия основных политических сил тогдашнего общества: абсолютистского государства, церкви, дворянства, буржуазии, различных мелкобуржуазных слоев. А это влияние, воздействие на ход революции оказывались не только

---

^{4ж}В чешских землях к середине века из общей численности населения примерно в 6,5 млн человек было 3882 тыс. чехов, 2400 тыс. немцев, 138 тыс. поляков, 111 тыс. евреев (195, с. 114), причем евреи при их сравнительно небольшой численности составляли значительную долю немецкоговорящих крупных и средних промышленников, финансистов, владельцев торговых фирм и предприятий.

их активными и прямыми классовыми выступлениями, но и заложенным в социальной природе пролетариата и крестьянства революционным потенциалом (и антифеодальным и антибуржуазным), т.е. их способностью к революционным действиям. Они тем более являются грозными для господствующих, эксплуататорских классов и их институтов, чем больше сближаются между собой по времени и по лозунгам классовые выступления пролетарских и крестьянских масс, как это бывает в особенности в периоды крупных социальных потрясений — революций.

Совокупный опыт европейского революционного движения конца XVIII — первой половины XIX в., в особенности же первые классовые бои пролетариата в предшествовавшие революции 1848—1849 гг. десятилетия показали буржуазии этот потенциал с такой очевидностью, что страх перед народом, особенно перед пролетариатом, стремление удержать его в узде вышли на первый план, стали определяющим фактором во всей политической практике буржуазии, в том числе в Австрийской империи и ее чешских землях.

ж ж ж

Как можно видеть из заглавия настоящей книги, она включает в себя подробную характеристику лишь чехословацкой литературы вопроса. Новейшая советская историография революции 1848—1849 гг. в чешских землях здесь специально не рассматривается по той простой причине, что ее практически почти нет. Если говорить об опубликованных в 1950-х — 1980-х годах работах, посвященных непосредственно революционным событиям в чешских землях, то, помимо упомянутых выше монографий и статей А.С. Мыльникова, Г.И. Еремеевой и Н.М. Пирумовой, можно назвать лишь статью И.И. Лещиловской и В.И. Фрейдзона "Революция 1848—1849 гг. и угнетенные народы Австрийской империи" (218) и написанные мной соответствующие главы в двухтомнике "Революции 1848—1849 гг." (196) и (совместно с А.М. Харьковской) во втором томе "Истории Чехословакии" (197), а также кандидатскую диссертацию О.А. Хоревой о национальном вопросе в чешских землях в период революции, к сожалению не опубликованную (198).

Помимо этого, история событий 1848—1849 гг. в чешских землях затрагивалась в той или иной степени в некоторых работах советских авторов, посвященных революции в Австрийской империи, в частности, в работах Р.А. Авербух (199), в монографии Т.И. Ойзермана о теоретических проблемах революций 1848 г. (200), а также в VI—VIII главах коллективного труда об освободительных движениях народов Австрийской империи (194). К этому можно добавить лишь весьма краткие, всего по несколько страниц, разделы о революции в университетском учебнике (201), курсе лекций (202) и в пособии для учителей (203) по истории зарубежных славянских народов. Таким образом, очевидна целесообразность сосредоточить внимание в предлагаемой вниманию читателя книге на трудах чехословацких авторов.

Г л а в а I НАРОДНЫЕ МАССЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Вопрос о степени и формах участия различных слоев народных масс, прежде всего пролетариата и крестьянства, в революционных событиях 1848-1849 гг. имеет не только первостепенное значение для выявления всей полноты конкретно-исторической картины общественно-политического развития и классовых столкновений этих лет. Он имеет определяющее значение и для уяснения принципиальной важности вопроса о характере революционного процесса, о месте и значении революции 1848-1849 гг. в истории чешского народа^ж.

Вполне объяснимо поэтому то возросшее внимание, которое стали уделять в послевоенные десятилетия этой проблематике чехословацкие историки. Они стремятся преодолеть сформированную буржуазной историографией традицию такого изложения событий, при котором в центре внимания оказывались политические концепции и действия представителей буржуазии, дворянства, династии, государственного аппарата, а социальная борьба народных масс задвигалась на задний план или вообще замалчивалась.

В послевоенный период чехословацкой исторической наукой было немало сделано для объективной характеристики исторической роли народных масс в общественном развитии чешских земель середины прошлого столетия, для чего потребовалось прежде всего ввести в научный оборот обширный новый конкретно-исторический материал, раскрывающий масштабы и характер социальной активности пролетариата и крестьянства, а затем подвергнуть его научному обобщению и принципиальной оценке.

Работа в этом направлении началась еще в довоенные годы, причем некоторые авторы, публиковавшие еще тогда свои первые исследования, продолжали эту работу к столетию революции 1848 г. и в последующие десятилетия.

К числу таких авторов принадлежит, например, Франтишек Рoubик, первые публикации которого по этой тематике относятся к 20-м годам (204; 205), а последние - к 50-м (65; 66; 178).

Одной из первых и притом наиболее важных его работ было основанное на обширных архивных материалах министерства внутренних дел Чехословакии исследование положения в чешской провинции, прежде всего в деревне в 1848 г. (204), опубликованное еще в 1928 г.

^жО различии в подходах некоторых авторов к определению характера революции 1848 г. говорилось в нашей работе об историографии чешского национального возрождения (171, с. 39-41).

В статье показано, что с ранней весны 1848 г. и до весны 1849 г. теми или иными формами крестьянских волнений была охвачена, по сути дела, вся Чехия. Рубик приводит конкретные данные об этом по краям Бороунскому, Болеславскому, Будейовицкому, Быдзовскому, Градецкому, Жатецкому, Клатовскому, Коуржимскому, Литомержицкому, Локетскому, Пльзенскому, Прахеньскому, Раковницкому, Таборскому, Хрудимскому, Чаславскому. Он указывает на многообразие форм протеста крестьянства прежде всего против барщины, а также бесчисленного множества других феодальных повинностей, непереносимым гнетом давивших на плечи крестьянина и членов его семьи. Среди этих форм протеста и борьбы, получивших широкий размах особенно весной и летом 1848 г., были массовый отказ от исполнения барщинных работ и от многочисленных выплат помещикам и казне, порубка господских лесов, выпас крестьянского скота на помещичьих пастбищах, свободная охота в панских угодьях, изгнание ненавистных чиновников и т.п. Нередко звучали требования предоставить хотя бы минимальные наделы земли семьям безземельных крестьян, возместить причиненные войнами убытки.

Особое беспокойство и страх помещиков, фабрикантов и других состоятельных слоев населения вызывало то, что крестьянские антифеодальные выступления совпадали нередко с волнениями рабочих и безработных пролетариев; что по сведениям из некоторых районов крестьяне начинали там вооружаться; что довольно широкое распространение на местах получила революционная агитация радикально-демократических кругов чешского общества. Все это создавало нервозную, а часто и паническую обстановку на местах среди дворян — помещиков, местных органов власти, обращавшихся в Прагу и Вену с просьбой о помощи, о присылке дополнительных контингентов войск, о разрешении формировать на местах отряды национальной гвардии из числа "благонамеренных" граждан для защиты "порядка" и имущества дворянства и буржуазии.

Во второй части своего исследования Рубик приводит материалы петиций в адрес пражского Национального комитета^{1ж}, поступивших в марте — июне 1848 г. от различных категорий крестьянства, а также от других слоев населения чешской провинции: ремесленников, учителей, врачей, мельников и т.п. О характере этих петиций, выявленных и в 1954 г. опубликованных Рубиком (178), уже шла речь во введении к настоящей работе.

Интересные данные содержит раздел работы Рубика, характеризующий отклики в чешской провинции на вспыхнувшее 12 июня 1848 г. в Праге восстание и пятидневное сражение на пражских баррикадах рабочих, ре-

^{1ж} Национальный комитет возник в Праге 10 апреля 1848 г. путем реорганизации созданного на собрании пражской общечешности 11 марта так называемого Святоацлавского комитета, целью которого первоначально была подготовка петиции императору.

месленников, студентов против войск генерала Виндишгреца. Из приводимых Рoubиком материалов, представляющих собой главным образом переписку местных властей (краевых гетманов) с управлением чешского земского президента графа Льва Туна, видно, что сообщения об июньских событиях в Праге привели чешскую провинцию в сильное волнение. Эти сообщения, распространявшиеся бежавшими из Праги участниками баррикадных боев и специально посланными повстанцами агитаторами, призывавшими оказать помощь борющейся Праге, имели следствием попытки (по большей части неудачные) ряда местных национальных гвардий направиться в Прагу и усиление социальных выступлений крестьянства и городской бедноты, продолжавшихся на местах с большей или меньшей степенью интенсивности до весны 1849 г.

Приводимые Рoubиком конкретные данные были использованы в наших "Очерках из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г." (192), ввиду чего не будем повторять их. Ограничимся указанием на то, что говорим здесь об этой довоенной статье Рoubика постольку, поскольку она была одним из первых конкретно-исторических исследований на эту тему и поскольку ее автор продолжал разрабатывать поднятые им материалы и в послевоенный период. Это нашло свое отражение и в опубликованном им в 1948 г. втором издании его книги о событиях 1848 г. в Чехии (206), и в брошюре "Революционный 1848 год и крестьянство" (65), и в документальной публикации 1954 г. "Петиции сельского населения Чехии к Национальному комитету в 1848 г." (178), и в тематически связанной с этой публикацией небольшой статье 1959 г. "Голос сельской бедноты в 1848 г." (66).

В этих последних работах Рoubика не приводится сколько-нибудь значительного нового фактического материала о размахе и формах крестьянских выступлений периода революции. Однако обратим внимание на некоторые важные обобщения и выводы автора: о наступившей уже глубокой социальной дифференциации в среде крестьянства; об острых противоречиях между превращавшимися в класс сельской буржуазии зажиточными крестьянами (седлаками) и различными категориями безземельного сельского населения (домовниками, наемными работниками - батраками, челядью и другими группами формирующегося сельского пролетариата); об испытываемом династией, дворянством, буржуазией страхе перед возможностью дальнейшей социальной активизации сельских и городских пролетариев и их совместных революционных действий.

Заметным событием в изучении характера революционного процесса в чешских землях стала публикация в 1956-1957 гг. исследовательских статей Бадрижа Шинделаржа о роли народных масс в революционных событиях 1848-1849 гг. в Моравии и Силезии (34) и Йозефа Кочи о крестьянском вопросе в Чехии в 1848 г. (63).

Б. Шинделарж в своей работе поставил целью показать, что вопреки утверждениям буржуазной историографии Моравия и Силезия вовсе не были

в 1848-1849 гг. "землями спокойствия и порядка", что в них, так же как и в собственно Чехии, развернулось тогда широкое революционное движение, охватившее и крестьянство и пролетариат (34, с. 210).

Опираясь на материалы местных архивов, современную событиям прессу и другие источники, Шинделарж показывает, что к тому времени, когда сюда стали поступать известия о февральской революции в Париже и о последовавших вслед за этим событиях в Вене и в Праге, большая часть районов Моравии и Силезии была уже (начиная с 1847 г.) охвачена годными бунтами и волнениями.

Первая кровь пролилась в г. Брно 1 апреля 1848 г., когда на фабрике братьев Поппер против забунтовавшихся рабочих и безработных были брошены войска, применившие оружие (34, с. 215). Брненский простой народ, пишет Шинделарж, на собственной шкуре быстро убедился и в том, что созданные здесь только что национальная гвардия и студенческий легион по замыслу властей имели целью защищать богатых против бедных, стоять на страже интересов и имущества состоятельных слоев буржуазии. Быстрый рост числа безработных принудил власти организовать для их трудоустройства общественные работы, прежде всего на строительстве железной дороги Брно - Жиденице. Одновременно принимались меры по выдворению из города части безработных для предотвращения новых волнений. Однако это помогло лишь на короткое время. Уже во второй половине апреля рабочие и подмастерья ряда профессий стали выступать с требованиями к городскому магистрату о сокращении рабочего дня, повышении зарплаты, о создании человеческих условий работы, об ограждении их от самоуправства и произвола мастеров и чиновников и т.п. 20 апреля с такими требованиями выступили каменщики, 29 апреля - столяры, 10 мая - прядильщики, 14 мая - перевозчики строительных материалов, 25 мая - текстильщики и др. (34, с. 219).

Характеризует Шинделарж и антифеодальные выступления крестьян Пршеровского, Оломоуцкого, Градишского, Зноемского, Брненского, Олавского и Тешинского краев, аналогичные по формам крестьянским выступлениям в краях Чехии, описанным Ф. Роубиком. В то же время Шинделарж, как и Роубик, подчеркивает, что наряду с выступлениями антифеодального характера все более отчетливо начинали проявляться и острые противоречия между зажиточными седлаками и безземельными крестьянами, отражающие значительно развившуюся еще в условиях феодальных общественных отношений социальную дифференциацию в среде крестьянства (34, с. 221). Именно социальная активность моравского крестьянства стала одной из главных причин принятия земским сеймом постановления об отмене в Моравии барщины с 1 июля 1848 г.

Шинделарж особо выделяет в своей работе вопрос об откликах в Моравии на революционные выступления пролетариата и студенчества в Вене 15 и 26 мая 1848 г. в защиту завоеванных в марте свобод, против попыток контрнаступления со стороны реакции. Когда консервативные слои на-

селения г. Оломоуца организовали манифестации протеста против этих революционных выступлений, значительная часть населения города выразила в нескольких демонстрациях (особенно значительная из них состоялась 22 мая) решительную поддержку венским повстанцам. При этом часть членов национальной гвардии и студенческого легиона приняла участие в таких акциях, для пресечения которых власти использовали наряду с войсками остальную, реакционно настроенную, часть этих формирований, оставшуюся на позиции защиты интересов буржуазии и правительства. В оломоуцкой национальной гвардии после этого была проведена чистка: в ней отныне могли оставаться лишь владельцы домов и земельных участков, а также высокооплачиваемые чиновники. Что касается студенческого легиона, то властям не удалось тогда полностью подчинить его своему влиянию и два студенческих отряда из состава легиона отправились на помощь их коллегам, сражавшимся в Вене (34, с. 223-224).

В связи с продолжавшимся ростом безработицы и ухудшением положения рабочих в г. Брно там также усилилось напряжение. Особый страх буржуазных слоев и властей вызвали сообщения брненского краевого управления, что безработные в этом городе создали собственный вооруженный отряд, разделенный на роты, организовали регулярные воинские учения и 12 июня выразили намерение выступить на помощь восставшей Праге. Шинделарж характеризует эти события как попытку брненских безработных создать собственную пролетарскую милицию для защиты своих прав в противовес национальной гвардии, в которой они стали видеть вооруженную силу своих эксплуататоров (34, с. 227). В страхе перед возможностью возникновения самостоятельных вооруженных формирований пролетариата брненская буржуазия стала не столь строго, как раньше, препятствовать вступлению рабочих в ряды национальной гвардии, в связи с чем произошла ее некоторая демократизация и даже радикализация, проявившаяся в особенности осенью 1848 г. В статье описываются, далее, голодные бунты брненских рабочих 13-14 июня, совпавшие с первыми известиями о пражских баррикадных боях.

Видя в массовых социальных выступлениях пролетариата в городах и крестьян в деревне серьезную угрозу, аристократические и буржуазные круги начинают все теснее объединять свои действия по предотвращению возможности революционного взрыва. Они оказались вынужденными вместе с тем принять конкретные меры для некоторого смягчения принявшей опасные масштабы спекуляции хлебом и другими продовольственными товарами, стали проводить добровольные денежные сборы и делать пожертвования в пользу безработных.

Вопреки надеждам брненской буржуазии на то, что подавление 17 июня войсками Виндишгреца Пражского восстания устршит народные массы во всех чешских землях и будет способствовать воцарению в них спокойствия и "порядка", ничего подобного в действительности не произошло. Более того, как отмечает Шинделарж, имел место серьезный и опасный для гос-

подствовавших классов поворот в развитии рабочего движения в Брно. Если до этого в нем преобладали экономические мотивы, то теперь, с лета 1848 г., в этом движении постепенно и все больше начинают преобладать мотивы политические, выраженные в стремлении отстоять, сохранить и углубить буржуазно-демократические завоевания первых месяцев революции. Шинделарж связывает этот процесс с углубившимся в связи с Пражским восстанием 12-17 июня размежеванием в рядах чешской буржуазии, с выявлением предательской в отношении целей и идеалов революции ролью ее либеральных кругов и с оформлением радикально-демократического направления в чешском общественном движении. Отмечает Шинделарж и политическую активизацию летом 1848 г. сельского населения, прежде всего в силезских районах, на которые не распространялось постановление Моравского сейма о прекращении барщины с 1 июля 1848 г. (34, с. 231).

Революция в Вене в октябре 1848 г., бегство императорского двора в Оломоуц под защиту тамошней мощной крепости с многотысячным гарнизоном нашли отклик во всех слоях моравского общества, в соответствии с их социально-политическими устремлениями.

Поскольку вместе с императором и его двором революционную Вену покинули и их сторонники из рядов дворянства и буржуазии, в общественно-политической жизни австрийской столицы полностью возобладали демократические круги, пролетариат, студенты. В качестве политического представителя революционного народа выступало теперь левое крыло венского рейхстага, опиравшееся на национальную гвардию, студенческий легион и вооруженные отряды венского пролетариата. Слабостью левых было, однако, их стремление не углублять революционный процесс, а решить поставленные революцией проблемы путем переговоров и соглашений с реакцией.

7 октября рейхстаг обратился к провинциальным национальным гвардиям с призывом о помощи. В ответ народные массы г. Брно добились посылки в Вену сильного отряда брненской национальной гвардии в составе 600 человек вопреки сопротивлению ее консервативного командования. Этот отряд, возглавленный в конечном итоге радикальным демократом Йозефом Скацелом, принял участие в дальнейших венских событиях (34, с. 393-395). По брненскому примеру отряд в 250 чел. был отправлен в Вену и из Оломоуца. Попытки подобного рода предпринимались и в других местах Моравии и Силезии, правда, без большого успеха (Опава, Новы-Йичин, Липник, Билско, Пршеров). Хотя лишь немногим добровольцам из этих городов и районов удалось пробиться в столицу, все же столь широко предпринятые для этого попытки отразили значительные симпатии трудового населения Моравии и Силезии к революционной Вене.

Острую реакцию демократических слоев брненского населения вызвала провокация, устроенная правительственными войсками 17 октября в г. Бржецлаве по отношению к возвращавшемуся из Вены отряду брненцев,

смененному другим отрядом. Участвовавшие в венских событиях национальные гвардейцы и студенты-легионеры из г. Брно были вытолканы из вагонов, разоружены и обобраны солдатами. Вызванное этим в Брно возмущение 18 октября едва не вылилось в серьезное столкновение с властями участников многотысячной демонстрации протеста, однако совместными действиями войск и реакционной части национальной гвардии дальнейшее обострение обстановки было временно предотвращено.

Эти события серьезно обеспокоили не только аристократию, но и либеральную буржуазию, как немецкую, так и чешскую. Об этом свидетельствовала, в частности, и позиция редактировавшейся Карлом Гавличком газеты "Národní noviny" ("Национальной газеты"), писавшей по этому поводу: "В Брно могло произойти то же самое, что и в пражский святодуховский понедельник^{2ж}, если не нечто худшее" (34, с. 396).

После 18 октября брненская буржуазия уже не направляет больше в Вену отрядов национальной гвардии и студенческого легиона и в то же время предпринимает многочисленные шаги для установления контактов со сбжавшим в Оломоуц императорским двором и со стоявшим под Веной во главе императорских войск Виндишгрецом с целью достижения компромисса с ними (34, с. 398). Это происходило в разгар приготовлений Виндишгреца к подавлению восстания в Вене.

Б. Шинделарж подробно описывает далее (34, с. 401-404) выступление брненских народных масс, ядром которых был пролетариат города, 29-30 октября 1848 г. в поддержку Венской революции. Волнения в городе и его окрестностях начались утром 29 октября, когда поступили первые сообщения о бомбардировке Вены войсками Виндишгреца, и продолжались в течение двух дней. Рабочие, ремесленники, мелкобуржуазные элементы, радикально настроенная часть национальных гвардейцев выступили с требованиями создать всеобщее народное ополчение, вооружить его и направить в Вену для оказания помощи сражающимся против войск Виндишгреца повстанцам. В ответ на маневры властей и реакционного руководства национальной гвардии, имевшие целью сорвать революционные выступления масс и не допустить оказания ими помощи борющейся Вене, рабочие брненских фабрик, безработные и другие демократические слои населения города и его окрестностей произвели несколько попыток вооружиться огнестрельным и холодным оружием, что им удалось лишь частично. В этот момент в национальной гвардии происходит раскол, часть ее выступает в поддержку народа^{3ж}.

---

^{2ж}Т.е., 12 июня 1848 г., когда началось Пражское восстание. - Примеч. автора.

^{3ж}В этой связи Шинделарж указывает на необоснованность оценки некоторыми авторами (см.: 181, 182) национальных гвардий однозначно как "вооруженной силы буржуазии" и как "полицейского привеска" к старой реакционной армии (34, с. 404).

В этой обстановке реакционное командование брненской национальной гвардии сформировало из ее состава особо надежные с его точки зрения отряды, открывшие огонь по почти безоружным толпам народа, пытавшимся захватить оружейную фабрику Брацегирдла (Bracegirdl) и находившимся на ее складах ружья.

Опираясь на конкретные данные, Б. Шинделарж подчеркивает, что в брненских событиях 29-30 октября главную роль играл пролетариат, становившийся все более активной и самоотверженной силой революционных выступлений народных масс в чешских землях, подобно тому как это было и в Вене. Именно этим, в первую очередь, объясняется окончательный переход чешской либеральной буржуазии на сторону реакции и контрреволюции.

Подводя итоги своего исследования характера социальных движений народных масс Моравии и Силезии периода революции, Шинделарж подчеркивает, что крестьянские выступления были здесь направлены не только на то, чтобы добиться полного прекращения барщины и других феодальных повинностей, предоставления земли безземельным крестьянам и т.д. В определенной степени они являлись и ответом на агитацию радикалов в поддержку революционной Вены и приобретали в ряде мест весьма острый характер, особенно в Северной Моравии и в Силезии, где волнения продолжались и в 1849 г. В соответствии с закономерностями буржуазной революции крестьянство, составлявшее тогда более двух третей населения, играло в количественном отношении решающую роль в социальной борьбе народных масс. Однако пролетариат все более активно и решительно участвует в этой борьбе, быстро приобретая в ходе революции политический опыт, постепенно повышая уровень своего классового самосознания и организованности. Весьма важным считает Шинделарж наметившийся в период октябрьского восстания в Вене поворот в брненском рабочем движении от экономической борьбы к политической. "В октябре 1848 г., - пишет Шинделарж, - именно брненский пролетариат под влиянием агитации радикальных демократов поднялся до сознательной поддержки венского революционного движения и продемонстрировал перед всем миром свою решимость бороться с оружием в руках за завоевания буржуазной революции и в такой период, когда буржуазия уже не только покинула революционные позиции, но и объединилась - в страхе перед движением народных масс и в результате неправильного понимания национального вопроса - с феодально-аристократической, милитаристской, реакционной придворной камарильей на платформе гнилого компромисса" (34, с. 415-416).

Вместе с тем Шинделарж подчеркивает, что ориентация пролетариата на политическую борьбу в ходе революции имела тогда еще временный характер и после утраты политического руководства со стороны разгромленных и парализованных весной 1849 г. радикальных демократов рабочее движение снова надолго, вплоть до 70-х годов XIX в., приобрело характер экономической борьбы. Особо выделяет автор историческое значение проявив-

шейся в бурных событиях 1848—1849 гг. революционной солидарности народных масс — пролетариата, крестьянства, радикально настроенной мелкой буржуазии чешской, немецкой, а в Силезии и польской национальности.

В других работах Б. Шинделаржа (31, 33, 39, 208) развивается тема откликов в Моравии и Силезии на революционные события в Вене и Венгрии в 1848—1849 гг. Подчеркивается, что выступления городского и сельского населения Моравии и Силезии в защиту революционной Вены были одновременно и выступлениями в поддержку революционной Венгрии; что широко распространившиеся здесь и имевшие многообразные проявления симпатии к Кошуту и его соратникам сохранялись и после поражения венгерской революции и эмиграции Кошута, вплоть до 60-х годов.

Статья Йозефа Кочи о крестьянском вопросе в Чехии в 1848 г. была опубликована в 1957 г. (63). К нашей теме относится ее вторая часть^{4ж}. В ней автор не рассматривает в конкретной плане крестьянские выступления периода революции и не вводит в научный оборот какие-либо новые данные о них. Он характеризует принципиальную сторону развития крестьянского вопроса, выделяя в качестве основных тем проблему отмены барщины и других феодальных повинностей, развернувшуюся вокруг нее борьбу политических направлений, прежде всего либерально-буржуазного и радикально-демократического. Кочи особо подчеркивает факт значительно углубившейся уже социальной дифференциации в среде крестьянства, нарастающие и обострившиеся противоречия между деревенскими богатыми — садлаками, с одной стороны, и безземельным крестьянством, сельским пролетариатом и полупролетариатом — с другой. Именно в обострении этих противоречий видит он важнейшую причину постепенного перехода садлаков и части среднего крестьянства на контрреволюционные позиции (63, с. 263—264).

Представляют интерес высказанные Й. Кочи в этой статье (63, с. 250—252) соображения относительно причин, по которым чешские буржуазные либералы столь упорно отстаивали принцип *в к у п а* барщины и других феодальных повинностей крестьян и голосовали в венском рейхстаге осенью 1848 г. за выкуп. Он указывает на четыре основные причины этого.

Первую из них Кочи видит в стремлении либеральной буржуазии сохранить в качестве своих союзников дворянство и даже династию. Вторая причина состоит, по его мнению, в том, что многие города являлись крупными землевладельцами, владели многочисленными поместьями и зависимыми крестьянами, причем доходами от принадлежавшей городу земли, в том числе за ее аренду, пользовался главным образом городской патри-

^{4ж} О содержании первой части статьи Й. Кочи см. (171, с. 106—107).

циат, т.е. буржуазия и высшее чиновничество^{5ж}. Третью причину Кочи столь же обоснованно усматривает в том, что многие представители либеральной буржуазии сами владели землей и крепостными крестьянами^{6ж}. Наконец, в качестве четвертой причины отстаивания либералами такой позиции Кочи приводит их боязнь того, что отмена барщины без выкупа могла бы стать опасным нарушением священного и неприкосновенного для буржуазии принципа частной собственности и важным аргументом в подержку требований деревенской бедноты о наделении ее землей.

В середине 1950-х годов был опубликован ряд статей, затрагивавших отдельные аспекты социальных выступлений народных масс в 1848-1849 гг., главным образом в австрийской Силезии, а также в некоторых районах других чешских земель. Среди них должна быть названа статья Вацлава Жачека о революционных событиях этих лет в Силезии (38), характеризующего эти события как цепь постоянных волнений то в одних, то в других силезских населенных пунктах. Эти волнения, особенно в Опавском и Тешинском районах, начинались по большей части с таких наиболее мирных форм протеста, как массовый отказ от исполнения барщины и петиционные кампании, но в ряде случаев приобретали и более острые формы, примеры чего приводятся в работах Рудольфа Зубера (67), Анделина Гробельного (209), Станислава Дркала (61). Применительно к собственно Чехии этот вопрос освещается в более поздних работах Роберта Рандисека (25), Богумира Яноушека (210), Ярослава Хароуса (211) и некоторых других авторов. Большинство из этих работ, однако, представляет собой описание отдельных выступлений крестьян, пролетарских элементов и мелкой буржуазии города и деревни в 1848-1849 гг. и не содержит попыток создать обобщенную картину движения народных масс, какая была, например, принята ранее в рассмотренном выше исследовании Б. Шинделаржа. Однако все эти работы способствовали в той или иной мере расширению исследований истории движения народных масс революционной эпохи.

^{5ж} Основываясь на данных "Описания Чешского королевства" Ф. Палацкого (207), Кочи указывает, что в 1848 г. в собственно Чехии города владели более чем 150 тыс. крепостных. При этом, например, г. Градец-Кралове принадлежали 11 деревень полностью и 3 частично с 4940 жителями, г. Двур-Кралове - 12 деревень полностью и две частично с 5522 жителями, Кутной Горе - 26 деревень полностью и 9 частично с 6235 жителями, Праге - 14 деревень полностью и 1 частично с 5227 жителями, Пельгржимову - 33 деревни полностью и 4 частично с 6019 жителями, Чешским Будейовицам - 43 деревни полностью и 11 частично с 7603 жителями, Пльзенью - 29 деревень полностью и 2 частично с 8899 жителями и т.д. (63, с. 251).

^{6ж} По приводимым И. Кочи данным, представителям буржуазных слоев в Чехии принадлежали обширные поместья с 220 тыс. крестьян. В числе таких землевладельцев были и либеральный депутат австрийского рейхстага доктор Карел Клауди (поместье Чкина у г. Вимперк с 1900 крепостных), и тесть Ф. Палацкого пражский адвокат Ян Мехура (поместья Добковице, Отин, Пршедслав, Габартице с 1658 крепостными) и т.п. (63, с. 251).

Особое значение со временем все более приобретала необходимость исследования начальных этапов чешского рабочего движения и в этих рамках вопроса о роли пролетариата в революции. До конца 50-х годов нашего столетия в научном обиходе по этому вопросу продолжала оставаться почти единственной книгой переизданная в 1950 г. старая, первоначально опубликованная еще в 1903 и 1923 гг. работа Зденека Тоболки "Текстильщики – пионеры рабочего движения в Чехии"^{7ж}. Кроме этого, имелись некоторые более поздние работы о чешском рабочем движении А. Климы, Ф. Кутнара, З. Шолле, в которых, однако, период революции 1848–1849 гг. упоминается лишь весьма кратко, а территориально рассмотрение вопроса ограничивается собственно Чехией (212).

В последующую разработку проблем истории рабочего движения в чешских землях в 1848–1849 гг. значительный вклад внес Карел Новотный, на некоторых важнейших работах которого по этому вопросу, вышедших в свет в конце 1950-х – начале 1980-х годов, считаем необходимым остановиться подробнее.

В 1958 г. была опубликована статья К. Новотного о движении типографских рабочих в Праге в 1848 г. (50). В ней подчеркнуто, что типографские рабочие – наборщики и печатники – принадлежали к числу наиболее квалифицированных категорий рабочих, имевших определенный уровень общего образования. В Праге тогда было десять типографий с 400 рабочими, что в количественном отношении составляло лишь небольшую долю общей численности пражского пролетариата. Однако типографы Праги проявили себя в 1848 г. как один из наиболее организованных отрядов пролетариата чешской столицы, провозгласивший первую всеобщую забастовку типографов, продолжавшуюся два дня (23–24 мая) и завершившуюся частичным успехом бастующих – принятием их требований о повышении зарплаты. В ходе борьбы за осуществление своих требований пражские типографы предприняли некоторые шаги к совместным действиям в масштабе столицы на основе объединения по профессиональному принципу и солидарности с бастовавшими в конце мая – начале июня текстильщиками и ремесленными подмастерьями Праги.

В 1966 г. К. Новотный в совместной с М. Мишкой работе о начальном этапе рабочего движения в чешских землях, представляющей собой обширное введение к сборнику документов "Первые шаги к победе" (54), в соответствующем ее разделе обобщили имевшиеся тогда данные об участии пролетариата в событиях революционных лет^{8ж}. Как и другие авторы, К. Новотный и М. Мишка отмечают многочисленные проявления страха, переходящего порой в панику, со стороны властей, помещиков и буржуазии перед действительно имевшими место и в особенности перед возможными

^{7ж}В изданиях 1903 и 1923 гг. эта книга называлась "Начало рабочего движения в Чехии".

^{8ж}Об этой работе см. также: (171, с. 150–151).

выступлениями рабочих и безработных. Опасаясь этих выступлений, буржуазия стала инициатором повсеместного и поспешного создания отрядов национальной гвардии для охраны "порядка и спокойствия" и защиты частной собственности состоятельных классов, а также срочных мер по организации общественных работ как способа предотвращения социальных "беспорядков". Подтверждение антирабочего характера мер по формированию национальных гвардий авторы видят в том, как охотно и оперативно власти снабжали их оружием и боеприпасами.

Авторы приводят примеры быстрой активизации уже с марта 1848 г. экономической борьбы работников рассеянных и централизованных мануфактур и ремесленных подмастерьев, особенно в Праге, Брно, Северной Моравии, Силезии. В статье указывается, что кульминация экономической борьбы пражского пролетариата приходится на май - начало июня 1848 г. К сожалению, в статье не приводятся конкретные данные, характеризующие участие пролетариата в Пражском восстании 12-17 июня. Вместе с тем отмечается, что революционные выступления пролетариата в Праге в июне, в Брно и Либереце - в октябре 1848 г. в поддержку борющейся Вены носили уже не экономический, а определенно выраженный политический характер.

В сентябре 1973 г. К. Новотный принял участие в международном симпозиуме историков в Бехине (ЧССР) по проблеме "Революции 1848-1849 гг. в Центральной Европе", выступив на нем с докладом "Рабочее движение в чешских землях в 1848-1849 гг." (40, с. 186-210). По содержанию к этому докладу непосредственно примыкает его статья "Участие рабочего класса в буржуазной революции 1848-1849 гг. в чешских землях", опубликованная в 1982 г. (49).

В этих работах К. Новотного подчеркивается, что активное участие формирующегося рабочего класса чешских земель в революции стало высшей точкой подъема его стихийной экономической борьбы и вместе с тем характеризовалось уже первыми его политическими выступлениями (Прага, Брно, Либерец). Главной силой экономической и политической борьбы пролетариата были квалифицированные рабочие централизованных мануфактур, надомники - рабочие рассеянных мануфактур и ремесленные подмастерья. Фабричных рабочих было еще мало, и они не играли пока определяющей характер движения роли. Преимущественно экономический и стихийный характер выступлений пролетариата отражал тот факт, что формирование рабочего класса проходило в этот период главным образом на базе пауперизованных слоев различных общественных классов и групп городского и сельского населения. Классовое самосознание у рабочих еще только зарождалось.

К. Новотный приводит последние примерные данные о численности рабочего класса накануне революции. Он указывает, что в 1846 г. в промышленном производстве собственно Чехии было занято в целом около 811 тыс. чел. в том числе 522 тыс. - в мануфактурном и фабричном

(очень немного) производстве, а около 288 тыс. - в мелком ремесленном производстве (49, с. 146)^{9ж}. В двух наиболее крупных тогда промышленных центрах чешских земель было: в Праге - около 22 200 рабочих (из них 9600 в ремесленном производстве), в Брно - около 16 тыс.

К. Новотный разъясняет, что, говоря о "рабочем движении" в период революции, он имеет в виду совокупность самых различных, по большей части изолированных друг от друга проявлений социальной активности пролетариата в разных пунктах чешских земель. Рабочее движение в собственном смысле слова существовало в это время, по его мнению, по сути дела, лишь в среде ситцепечатников и в известной мере у типографских рабочих. Только у этих групп квалифицированных рабочих мануфактур социальная активность носила такие черты, как настойчивость, внутренняя динамика, значительная уже по тому времени степень организованности. "Рабочий вопрос", в особенности проблемы, возникавшие в связи с ростом безработицы и вызываемыми ею волнениями, породили настолько серьезную тревогу и у властей, и у буржуазии, что главным содержанием деятельности пражского Святовацлавского комитета фактически стала не подготовка и направление петиций императору, для чего он собственно был создан, а решение вопросов о том, как "удержать в узде" пражский пролетариат. С этой целью комитетом были приняты меры к снижению цен на хлеб и некоторые другие продукты, к организации общественных работ и к сбору денежных средств для оказания помощи голодающим.

В статьях отмечается активность рабочих - ситцепечатников не только в Праге, но также и в Чешской Липе, Вернержицах, Варнсдорфе, Доксах, Космонасах и других центрах текстильной промышленности Чехии. При этом существенно, что пражские ситцепечатники играли головную роль в выступлениях рабочих этой отрасли промышленности и других городов Чехии, поддерживая с ними тесную связь, обмениваясь информацией и в ряде случаев выступая от их имени при переговорах с властями и фабрикантами.

Указывая на важное значение первой широкой волны социальных выступлений пролетариата, завершившихся его участием в июньском восстании в Праге, а также осенних выступлений 1848 г. в Брно и Либерце в защиту октябрьского восстания в Вене и венгерской революции, автор, однако, и в рассматриваемых статьях почти не вводит нового фактического материала, в том числе по участию рабочих в Пражском восстании. Это, естественно, вызывает сожаление.

В упомянутой выше международной конференции историков в Бехине в сентябре 1973 г. принял участие и Франтишек Йордан, выступивший с докладом "Рабочее движение и революция 1848 г. в чешских землях" (40, с. 175-185). Общая структура доклада, фактический материал и выводы

---

^{9ж}В этих данных не учтены горняки и работники, занятые в производстве пива и алкогольных напитков.

автора в целом близки к содержанию доклада К. Новотного. Однако Ф. Йордан особое внимание уделяет рассмотрению некоторых принципиальных вопросов и предлагает свои ответы на них. Он отмечает, что массовые выступления рабочих внутри страны и за границей, вызывая в среде буржуазии панический страх перед пролетариатом и усиливая в ее среде консервативные тенденции, становились тем самым политическим фактором революции в чешских землях даже в тех случаях, когда требования рабочих носили экономический характер. Тем более тогда, когда рабочие непосредственно включались в политическую борьбу, как это было в июне в Праге, в октябре в Брно и Либерце. Здесь речь шла уже не только об экономических требованиях, но прежде всего о защите демократических завоеваний революции. В этой связи Ф. Йордан обращается к вопросам, которые, по его мнению, "между строк" ставит Б. Шинделарж: нельзя ли в революционном выступлении брненского пролетариата в октябре 1848 г., подавленном буржуазной национальной гвардией, видеть уже начало его самостоятельной политической борьбы; нельзя ли это выступление рассматривать как вышедшее за рамки буржуазной программы и буржуазной революции и как придавшее ей демократический характер, "обычно относимый у нас (т.е. в Чехословакии. - И.У.) к концу шестидесятых - началу семидесятых годов прошлого столетия" (40, с. 180-181). Эти вопросы, пишет Ф. Йордан, возникают и потому, что рабочее движение в чешских землях в 1848 г. сделало шаг вперед и в организационном отношении: с одной стороны, в нем проявилась тенденция к созданию на широкой основе организаций профессионального типа путем преобразования существовавших ранее отдельных обществ взаимопомощи (*rodinné spolky*), с другой - стали углубляться его международные контакты.

Отвечая на эти вопросы, Ф. Йордан высказывает мнение, что, несмотря на все известные факты подобного рода, о самостоятельных политических выступлениях рабочего класса в то время говорить еще нельзя, поскольку эти выступления были единичными, изолированными и не имели собственной политической программы. Ввиду того что рабочее движение в чешских землях в 1848-1849 гг. не вышло еще из стадии стихийного, оно, по мнению Йордана, не было тогда способно придать революции демократический характер. В этом он видит его коренное отличие от рабочего движения в Германии и Франции, где у этого движения имелась более выраженная тенденция к политической самостоятельности и где оно более решительно вторгалось в политическое развитие своих стран. В рабочем же движении чешских земель преобладали черты экономической и социальной борьбы и, хотя некоторые его участники поднялись до политических выступлений и деятельности, они все же не выступали как класс, не имели собственной политической программы и образовали, по сути дела, левое, наиболее радикальное крыло демократического движения.

Из этих в основном правильно отмеченных исторических фактов и оце-

нок Ф. Йордан делает, однако, не вытекающий из них вывод о том, что революция 1848-1849 гг. в чешских землях не носила демократического характера, а была "в основе буржуазной, хотя и с некоторыми демократическими элементами, которые создавались активностью рабочего класса, движением крестьянства и других слоев населения" (40, с. 183-184).

Нам придется еще возвращаться к вопросу о характере революции 1848-1849 гг., которую мы считаем возможным рассматривать как буржуазно-демократическую применительно и ко всей Австрийской империи в целом, и к ее чешским землям. Сейчас же заметим, что неполная еще зрелость и организованность пролетариата как класса для себя, бесспорный факт его выступлений в ходе революции на левом крыле демократического (точнее - буржуазно-демократического) движения, а не самостоятельно, стихийный, экономический характер большинства этих выступлений вовсе не опровергают демократического характера буржуазной революции, если в ней активно участвуют крестьянство, городское плебейство (рабочие мануфактур, городская беднота), мелкобуржуазные слои, чьи выступления в совокупности определяли этот характер. Пример тому - Французская буржуазная революция конца XVIII в., буржуазно-демократический характер которой общепризнан в марксистской литературе. То же можно сказать, на наш взгляд, и о европейских буржуазно-демократических революциях 1848-1849 гг., хотя рабочий класс в них в целом выступал повсюду, особенно на первых порах, как левое крыло буржуазной демократии.

Участие рабочих в революционных мартовско-майских событиях в чешских землях и в Пражском восстании 1848 г. в разной степени уделяют внимание также Я. Кржижек в монографии о национальных гвардиях (182), возглавленный Я. Врбатов коллектив авторов книги о столетии освободительной борьбы чешского рабочего класса (57), Я. Новотный в монографии о Ф. Кампелике (213), Й. Белда в книге "Либерец в революционном 1848 году" (24), М. Трапл в работе о чешском национальном возрождении в Моравии накануне и в период революции 1848-1849 гг. (30).

Приводимые всеми названными выше авторами данные в их совокупности дают достаточные основания сделать вывод об активном участии пролетариата чешских земель в революционных процессах тех лет, о глубоком воздействии его борьбы на характер этих процессов, на политику властей, на ход и исход революции и в особенности на идейно-политическую дифференциацию в лагере чешской национальной буржуазии, о чем пойдет речь в следующей главе.

Заметим, что, как видно, в частности, из работ Б. Шинделаржа, Я. Кржижека, Я. Врбаты и др., против рабочих в ряде случаев - в особенности в период Пражского восстания и выступлений в Брно в октябре 1848 г. - действуют с оружием в руках не только правительственные войска, но и буржуазные национальные гвардии, ставшие в своей преобладающей части, как и либеральная буржуазия в целом, уже к лету 1848 г.

прямым союзником династии, императорского правительства и дворянства, т.е. всех главных внутренних врагов буржуазной революции.

Работы названных выше авторов и новые документальные публикации, имеющиеся в них конкретные данные, обобщения и оценки позволили несколько расширить и уточнить показ и характеристику исторической роли народных масс в революционные годы в трудах обобщающего характера.

Рассматривая с учетом новых материалов события и общественно-политические процессы периода революции 1848-1849 гг. в чешских землях в написанных им разделах макета второго тома "Обзора чехословацкой истории", Вацлав Чайхан логично характеризует эти события и процессы как "незавершенную буржуазно-демократическую революцию" (20, с. 129).

Важное значение авторы обобщающих работ (16-24) придают Пражскому восстанию, формулируют высокую оценку его места не только в событиях революционных лет, но и в истории чешского народа вообще. Так, Вацлав Гуса в своей "Истории Чехословакии" следующим образом определяет его историческую роль: "Несмотря на то что Пражское июньское восстание началось стихийно и было плохо организовано, оно явилось крупным событием в истории революционной борьбы чешского народа. Это была необходимая школа боевого опыта, когда чешский народ показал, что он полон решимости бороться за свои права с оружием в руках, а не униженно просить их. Суровые меры, принятые властями во время восстания, разрушили иллюзии и подорвали наивное доверие широких масс к Габсбургской династии. Пражское июньское восстание 1848 г. памятно еще и тем, что в нем впервые в чехословацкой истории промышленный пролетариат выступил как активный революционный фактор в освободительной борьбе чешского народа" (214, с. 167-168; 215, с. 205).

В приведенных формулировках нетрудно видеть преемственность подхода В. Гусы к пониманию исторического значения этого восстания с оценками Зденека Неедлы, видевшего в нем героическое революционное выступление пражских рабочих, подмастерьев и студентов, которые, осуществив "славное Пражское восстание", "самое настоящее восстание" (216, с. 9), "защищали на баррикадах честь и благо нации" (217, с. 44).

Подобная оценка восстания и роли в нем пражского пролетариата характерна и для подавляющего большинства других работ последних десятилетий, затрагивающих в той или иной степени эти события^{10ж}. Это и понятно. Хорошо известно, что высшей точкой борьбы европейского рабочего класса в период революции 1848 г. было июньское восстание п а р и ж с к и х рабочих - "первая великая битва за господство

^{10ж} Среди немногочисленных исключений - специфический подход к этой теме И. Полишенского, воспроизводящего в своей книге (21) скорее традиционную либеральную, чем современную научную, точку зрения относительно участия в восстании рабочих и студентов (о рабочих ничего не известно, И. В. Фричу верить нельзя и т.п.).

между пролетариатом и буржуазией"^{11ж}. И это бесспорно, если учитывать его масштабы, значение и последствия. Не забудем, однако, что это восстание, происходившее 23-26 июня, было важнейшим моментом не только французской, но и европейской революции, и что в ряду предшествовавших ему революционных выступлений европейского пролетариата достойное место занимает участие чешских и немецких рабочих в пятидневных боях на пражских баррикадах в ходе восстания, начавшегося еще 12 июня, т. е. на одиннадцать дней раньше парижского. Разработка всех аспектов истории этого восстания, и в особенности конкретного участия в нем пролетариата, остается по-прежнему актуальной задачей исторической науки.

В этой связи уместно вернуться к оценкам революционной борьбы народных масс чешских земель, и в особенности Пражского восстания, основоположниками марксизма. Следует подчеркнуть, что любые попытки приписать им якобы отрицательное или даже "предвзятое" отношение к этой борьбе и к восстанию в Праге полностью несостоятельны. Освободительная борьба народных масс чешских земель всегда пользовалась симпатией и решительной поддержкой К. Маркса и Ф. Энгельса. Их известные критические, часто весьма острые оценки чешского национального движения^{12ж} относятся прежде всего и главным образом к тому политическому курсу, который проводили в ходе революции чешские либеральные буржуа в союзе с дворянством, с династией, со всеми силами реакции и контрреволюции.

Принципиальное их отношение к июньским событиям в Праге первоначально было выражено Ф. Энгельсом в написанной им еще в ходе восстания и опубликованной в "Новой Рейнской газете" 18 июня 1848 г. статье "Пражское восстание", где содержится резкая критика национальной политики революционной Германии и констатируется, что "австрийская военщина потопила в чешской крови возможность мирного сожительства Богемии и Германии" (2, с. 83)^{13ж}. Чрезвычайно важные для нашей темы положения были сформулированы Ф. Энгельсом в статье "Демократический характер восстания", напечатанной в "Новой Рейнской газете" 25 июня 1848 г. (3) и впервые опубликованной на русском языке в 1955 г. журналом "Вопросы истории".

В этой статье Ф. Энгельс отвергает высказывавшиеся немецкими газетами в адрес чехов подозрения в том, что они служат реакции, аристократии, царской России и т. п., характеризуя эти обвинения как чистейшую ложь (3, с. 112).

^{11ж} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 532.

^{12ж} К этому вопросу мы вернемся в третьей главе настоящей работы.

^{13ж} Эта статья, как и другие работы Маркса и Энгельса, касавшиеся Пражского восстания и вошедшие в первое русское издание их сочинений, были рассмотрены нами ранее (192, с. 194-195, 199-202).

По словам Энгельса те, кто выдвигал эти подозрения "видели только графа Лео Туна с его аристократами, но не видели массы чешского народа - многочисленных промышленных рабочих и крестьян. Из того, что в какой-то момент аристократия попыталась использовать чешское движение в своих интересах и в интересах инобрукской камарильи, сделали вывод, будто бы революционный пражский пролетариат, который уже в 1844 году в течение трех дней был полным хозяином Праги, отстаивал интересы дворянства и реакции вообще!". Обратим здесь внимание на весьма важную ссылку Энгельса на восстание пражских рабочих-текстильщиков в июне 1844 г., которое он связывает с Пражским восстанием 1848 г. как явления однопорядковые, носящие революционный характер.

"Однако, - продолжает Ф. Энгельс, - все подобные клеветнические измышления окончательно опровергнуты первым же решительным выступлением со стороны чехов. Восстание было столь определенно демократическим, что графы Тун не только не встали во главе движения, но тотчас же отошли от него и были задержаны народом как австрийские заложники. Оно было столь определенно демократическим, что все чехи, сторонники аристократии, отшатнулись от него. Оно было направлено в такой же мере против чешских феодалов, как и против австрийской солдатни".

И далее Ф. Энгельс делает принципиальной важности вывод: "Австрийцы, пишет он, - напали на народ не потому, что он чешский, а потому, что он революционный народ. Для военщины штурм Праги был только прологом, за которым должно было последовать предание огню и штурм Вены" (3, с. 112-113). Энгельс написал эту статью 24 июня. Октябрьские события в Вене полностью подтвердили его политический прогноз: тот же Виндишгрец и в Вене, как и в Праге железом и кровью душил революцию. Что же касается июньской оценки Энгельсом чешского народа как народа революционного, то она исчерпывающим образом характеризует отношение основоположников марксизма к революционным выступлениям чешских народных масс в первой половине 1848 г.

Г л а в а II

БУРЖУАЗИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

В настоящей главе рассматривается вопрос об освещении новейшей чехословацкой историографией процесса политической дифференциации чешской буржуазии в ходе революции, формирования в ее среде национально-либерального и радикально-демократического направлений и их практической политики в революционные годы.

Для этого вернемся прежде всего к общей характеристике в самом сжатом виде некоторых особенностей социально-экономического и политического облика чешской национальной буржуазии, проявившихся в процессе ее формирования к концу 40-х годов, уже в канун революции 1848-1849 гг. При этом мы исходим из тех материалов и выводов, которые были ранее обобщены и изложены в нашей работе (171, гл. 4 и 5) об историографии эпохи чешского национального возрождения, непосредственно предшествовавшей революции.

Выделим здесь важнейшие из этих выводов.

Ко времени революции крупной чешской национальной буржуазии практически не было. Была главным образом мелкая и лишь отчасти средняя буржуазия, вышедшая из рядов мелких собственников города и деревни — мануфактуристов, разбогатевших ремесленников, торговцев, ростовщиков, чиновников, мельников, трактирщиков, зажиточных крестьян. В 40-х годах это был уже значительный в количественном отношении слой общества, не обладавший еще, однако, достаточными для широкой промышленной деятельности денежными средствами и потому проявивший свою активность главным образом вне сферы крупного финансового капитала и промышленности, за исключением некоторых ее отраслей, преимущественно связанных с сельским хозяйством, с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Немалая часть чешских предпринимателей была связана в своей деятельности с феодалами-землеладельцами и часто оказывалась от них в высокой степени зависимости, поскольку в их собственности находились не только земли, но и многие расположенные на них шахты, рудники, металлургические, лесопильные и другие предприятия, рабочая сила, сельскохозяйственное сырье и т.п. Богатевшие с течением времени предприниматели, посредники, перекупщики из мелкобуржуазных слоев города

и деревни постепенно приобретали часть принадлежавших феодалам земельных владений, вкладывали капитал в землю, "опомещивались", связывая себя тем самым с отсталыми, экстенсивными методами в экономике и с консервативными силами в политике.

Слабость экономических и политических позиций чешской национальной буржуазии определяла и невысокую степень ее влияния на общественное развитие чешских земель и тем более империи в целом. Чтобы усилить и подкрепить эти позиции, тогда было два пути. Первый из них предполагал необходимость, опираясь на широкие слои народа, развернуть решительную экономическую и политическую борьбу с продолжавшими еще господствовать феодальными отношениями, с дворянами-землеладельцами, с аристократией, с династией и ее государственным аппаратом. Второй путь был путем компромисса с этими силами феодализма, путем соглашения, сделки с ними в расчете на получение из их рук для себя выгод, привилегий, возможности богатеть и "на равных" с господствовавшими в империи социальными слоями и группами, с немецкой буржуазией эксплуатировать трудящихся города и деревни.

Чешская буржуазия как еще формировавшийся тогда класс в своем большинстве уже в предреволюционные годы пошла по второму пути, пути компромисса и соглашательства.

Причины этого были неоднозначны. Играли свою роль и упомянутые выше экономическая слабость и большая зависимость различных сфер промышленного и торгового предпринимательства от помещичьего хозяйства, от феодалов-землевладельцев. Имелись и другие факторы, среди которых важнейшим было то, что чешская буржуазия задолго до революции стала ощущать со все большей отчетливостью факт становления и нарастающую общественную активность пролетариата, в котором она сразу же усмотрела классового противника более грозного и опасного, чем феодальные социальные слои и институты, чем ионациональная буржуазия и габсбургский реакционный абсолютизм.

Такой вывод ей подсказывал и опыт европейского революционного движения предшествующих десятилетий, и собственный опыт, накопленный в процессе многочисленных социальных выступлений чешского и немецкого пролетариата чешских земель, особенно в 1844 и последующих годах. Именно этот совокупный опыт сформировал в основном позицию чешской буржуазии в том виде, в каком она проявилась в ходе классовых и национальных столкновений революционных лет.

Это не значит, что такая позиция была единой для всей чешской буржуазии. Напротив, она была характерна для той ее части, политическими представителями и выразителями взглядов которой стали лидеры формировавшегося в канун революции национально-либерального направления в чешской политике. В то же время на левом фланге чешских буржуазных слоев во второй половине 40-х годов сложилось политическое направление, ставшее затем известным как радикально-демократическое, выражав-

шие интересы мелкобуржуазных слоев города и деревни, а в известной мере и широких трудящихся слоев.

Можно считать установленным, что истоки процесса формирования этих политических направлений относятся еще к предреволюционным годам и что наиболее выраженным толчком к дифференциации в рядах чешских буржуазных политиков и идеологов стали тогда революционные выступления пролетариата чешских земель в 1844 г.

Как видно из сказанного выше, мы выделяем в среде чешской буржуазии применительно к революции 1848 г. два основных реально влиявших на ход событий политических направления: национально-либеральное и радикально-демократическое. Следует, однако, оговориться, что есть и другие представления о структуре политических направлений того времени, в том числе в среде чешской национальной буржуазии. Мы остановимся на них позднее, при рассмотрении работ соответствующих авторов.

Обратимся теперь к вопросу о том, как освещает и оценивает процесс формирования, политические позиции и практическую деятельность национал-либералов и радикальных демократов новейшая чехословацкая историческая литература.

Уже отмечалось, что мы рассматриваем здесь работы чехословацких авторов, опубликованные после 100-летия революции 1848 г., т.е. в период с 1950 по 1985 г. Тем не менее начнем наш обзор с книги Арношта Климы "1848 г. в Чехии", вышедшей в свет в Праге в 1948 г. (219), а в переводе на русский язык - в Москве в 1949 г. (221). Это целесообразно потому, во-первых, что в ней была сделана первая после войны попытка осветить события революции 1848-1849 гг. с марксистских позиций в специальной монографии и потому, во-вторых, что А. Клима возвращался к этой теме и в дальнейшем (16; 17). Общая оценка и некоторые конкретные замечания по этой книге были мною сформулированы в рецензии (220), в предисловии к ее русскому изданию (221, с. 5-17), и в "Очерках по истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г." (192, с. 13-19), поэтому не будем здесь снова подробно характеризовать ее. Приведем лишь раскрывающие принципиальную позицию автора места из предисловия А. Климы к советскому изданию 1949 г. Он определяет задачу своей книги как необходимость отвергнуть широко распространенные тогда в чехословацкой историографии утверждения о существовавшем якобы в 1848 г. единстве чешского народа, "показать, что народ не был единой сплоченной массой, что, наконец, и буржуазия не была единой и делилась на два противостоящих друг другу лагеря... На основании исторического материала, - продолжает А. Клима, - нужно было показать, что политические вожди национально-либеральной буржуазии не были политическими вождями народа, как это утверждалось у нас до сих пор, что они защищали интересы консервативной буржуазии, что они выступали против вооруженного восстания народа, что они отвергали все проекты улучшения социального положения рабочих, что они не встали на сторону кре-

постных в вопросе об отмене барщины без выкупа, что они вообще не стояли на стороне подавляющего большинства народа..." (221, с. 23).

В то время, когда были написаны эти слова, т.е. в 1949 г., такая позиция в чехословацкой специальной исторической литературе была во многом новой, ломавшей традиционную трактовку событий революции 1848 г. и роли в ней лидеров чешской либеральной буржуазии, изображавшихся по большей части в виде "отцов народа", выражавших якобы общенациональные интересы. В своей тогдашней книге о революции 1848 г. А. Клима пошел по пути, обозначенному ранее работами Б. Шмерала, Я. Швермы, З. Неедлы, В. Гусы (171, с. 14-21, 28), в которых оценка мировоззрения, политического курса и практической деятельности представителей чешской либеральной буржуазии давалась с классовых, марксистских позиций. По тому же пути шел тогда А. Клима, формулируя в качестве другой основной задачи своей работы необходимость показать, "...что революционные идеалы, влиявшие тогда столь сильно на Францию, Германию, Австрию, Венгрию, Италию, имели своих поборников и в Чехии... показать решительную борьбу и героизм радикалов и дать правильное освещение их революционной деятельности" (221, с. 23) и вместе с тем раскрыть и их ошибки.

Следует, однако, заметить, что, совершенно правильно характеризуя свой принципиальный подход к определению исторической роли национал-либералов и радикальных демократов в революции, А. Клима в данной работе основное внимание уделяет первым и весьма бегло и схематично показывает взгляды и деятельность вторых. Впоследствии, продолжая разработку этой тематики, он существенно расширил и обогатил конкретно-историческим материалом характеристику политической позиции и деятельности радикальных демократов (особенно в период после Пражского восстания) в опубликованной 25 лет спустя книге "Революция 1848 г. в чешских землях" (17).

Вопрос о политической дифференциации в лагере буржуазии был в принципиальном плане затронут Вацлавом Гусой в его "Истории Чехословакии" (214; 215). Подчеркнув, что толчок к началу революционных действий в Чехии дали сторонники радикально-демократического течения и что их взгляды получали широкое распространение среди трудящихся города и деревни, В. Гуса отмечает возникшие уже тогда, в первые месяцы 1848 г., опасения и чешской, и немецкой буржуазии, "что возмущение городско-го пролетариата и деревенской бедноты может обратиться против них" (215, с. 198). Именно этим объясняет он усилия связанной с дворянством и католическим клиром части буржуазии удержать движение "в законных рамках" и не допустить, чтобы в нем взяли верх трудящиеся слои со своими социальными и революционными требованиями. В прямую связь с этими усилиями ставит В. Гуса и создание буржуазией вооруженной национальной гвардии "как противовеса революционному народу" с целью защиты собственности буржуазии и дворян и охраны "общественного порядка".

В то же время В. Гуса указывает на то, что часть мелкой буржуазии ви-дела в промышленных рабочих и в крестьянстве необходимых союзников в борьбе за демократические права, против феодально-абсолютистской реакции. Он констатирует, что уже весной 1848 г. лагерь чешской бур-жуазии раскололся на д в а политических направления: "п р а - в о е, сторонники которого поддерживали национально-либеральную прог-рамму, и л е в о е, радикально-демократическое" (215, с. 199).

Говоря о политической платформе первого из этих направлений, В. Гу-са резко критикует австрославистскую позицию чешской либеральной бур-жуазии как ошибочную с точки зрения национальных интересов, поскольку она исходила из необходимости сохранения в Центральной Европе господ-ства реакционной габсбургской династии и тем самым стала опорой контр-революционных феодально-клерикальных сил в решающий момент европейской революции весной 1848 г.

Общая характеристика национально-либерального направления в чешской политике содержится в написанной Вацлавом Чейханом обширной главе о ре-волюции 1848-1849 гг. в вышедшем в свет в 1960 г. втором томе макета "Обзора чехословацкой истории" (222). В. Чейхан также выделяет в среде чешской буржуазии два политических направления. Он подчеркивает, что богатая чешская либеральная буржуазия (главным образом торговая) с са-мого начала была готова к компромиссу с дворянством и императорским двором. Она была заинтересована в устранении абсолютизма, во введении конституции, обеспечивающей основные либеральные права и свободы, в государственно-правовом объединении чешских земель, в национальном равноправии, но она вообще не выдвигала требования о захвате в свои руки аппарата власти или о полной государственной самостоятельности этих земель. Эта ее позиция оказала определяющее влияние и на деятель-ность Святовацлавского и особенно Национального комитетов, в которых в конечном итоге главную роль играли национал-либералы. Австрославистс-кую национально-политическую программу либералов Чейхан характеризует как реакционную программу тесного сотрудничества с венским правительст-вом, открыто противостоящую революционному движению (222, с. 41, 55).

Особенно остро критикует Чейхан либералов во главе с Палацким и Гав-личекком за их контрреволюционную позицию, их "капитулянтское предательс-тво" в период Пражского восстания 12-17 июня 1848 г., за их стремление всячески принизить значение этого восстания (222, с. 61). Он подчерки-вает, что Пражское восстание сыграло важнейшую роль в дальнейшей кри-сталлизации политических позиций национально-либерального и радикаль-но-демократического направлений как направлений реакционного и револю-ционного. В главе В. Чейхана последовательно прослеживается антирево-люционная, соглашательская в отношении правительства, императорского двора и дворянства, предательская в отношении основных задач самой бур-жуазной революции позиция и практическая деятельность чешских буржу-азных либералов на всех определяющих этапах ее развития и при обсужде-

нии в рейхстаге таких коренных вопросов, как аграрный, национальный, о взаимоотношениях с революционной Венгрией, с Германией и др.

Автор подчеркивает, что чешские либералы вступили в рейхстаг под лозунгом сотрудничества в деле сохранения и защиты габсбургской монархии и достижения автономии чешских земель в рамках этой монархии, преобразованной на федеративной основе. Эта их позиция, означавшая на деле поддержку австрийского правительства и габсбургской династии, была использована последними "прежде всего для решения внутривнутриполитических вопросов против групп демократических депутатов в рейхстаге..." (222, с. 65).

Именно благодаря позиции чешских либералов было принято решение о выкупе барщинных повинностей, ввиду чего около миллиона крестьян в чешских землях должны были выплатить выкуп в размере 94 млн золотых, что составляло огромную по тому времени сумму, львиная доля которой (72 млн золотых) попадала в руки дворян-помещиков (остальное — монастырям, церквам, приходам и т.п.).

Правильно характеризует Чейхан такой результат деятельности рейхстага как щедрый подарок чешских либералов дворянству. "С получением денежного вознаграждения помещичье дворянство вышло из борьбы с буржуазией усилившимся экономически, а тем самым и политически..." (222, с. 67).

Столь же реакционны по своим последствиям были действия чешских либералов в отношении революционной Вены, Венгрии, демократического движения в самих чешских землях, что и определило их (либералов) историческую роль в период революционных событий 1848—1849 гг. как активной составной части лагеря австрийской контрреволюции. Такой вывод логически вытекает из освещения В. Чейханом в "Обзоре чехословацкой истории" идеологии и политической практики чешской либеральной буржуазии.

В том же 1960 г., когда вышел в свет второй том "Обзора чехословацкой истории", в г. Гавличкув-Брод была опубликована книга Ф. Белки, представляющая собой краткие очерки из истории чешской революционной мысли (176). В этой книге имеется глава "Две идеологии в революционном 1848 г. в Чехии", в которой Ф. Белка характеризует взгляды и политику национал-либералов и радикальных демократов. Он критикует Т.Г. Масарика за замалчивание им второго из этих направлений, за то, что Масарик «стремился изобразить чешскую либеральную буржуазию как единственную общественную силу, "заботившуюся", о народе...» (176, с. 144). Ф. Белка подчеркивает, что либералы во главе с Ф. Палацким и К. Гавличеком выражали экономические, политические и национальные интересы чешской буржуазии, уже начинавшей испытывать страх перед рабочим движением. "Она опасается, как бы рабочий класс в своей борьбе не привлек на свою сторону сельское население" (176, с. 145). Главный водораздел между либералами и демократами Ф. Белка видит в их отношении к народным массам, прежде всего к вопросу об участии народных масс в политической

борьбе. Либералы, пишет он, "выступали против участия народа в политических акциях, поскольку обоснованно опасались, что народ может пойти в своих требованиях дальше, чем этого хотелось бы буржуазии" (176, с. 145). Чешская буржуазия в своей политической борьбе ищет союзников, она видит их в остальных славянских народах империи Габсбургов, но как союзников не против этой империи, а прежде всего против германской революции. Буржуазия ничего не могла завоевать для чешского народа, поскольку она выступила против революции, которая была единственным возможным средством завоевания национальной свободы. "Страх перед германской революцией не был единственным моментом, толкавшим чешскую буржуазию в лагерь реакции. Июньское восстание 1848 г. чешских студентов и пролетариев в Праге показало чешской буржуазии нового противника - сражающийся пролетариат. С этого момента она навсегда переходит на сторону реакции... Либерально-буржуазная идеология была обусловлена классовыми интересами чешской буржуазии, испугавшейся требований народа, когда народ включился в борьбу против остатков феодализма и за права чешской нации. Таким образом, чешская буржуазия в революции 1848 г. не была революционным классом. Она оказалась не в состоянии выполнить задачу, поставленную объективным развитием чешского буржуазного общества - устранить остатки феодализма и завоевать права чешской нации" (176, с. 148).

Примерно такая же в основных чертах, хотя и с некоторыми отличиями, характеристика чешской либеральной буржуазии и ее роли в общественном развитии чешских земель и в ходе революционных событий в империи Габсбургов содержится и в других работах общего характера: А. Климмы (17), Ф. Червинки (18), Й.Полишенского (21), Й. Белды (24), М. Трапла (29), О. Урбана (19; 69) и других чехословацких авторов, опубликованных ими в конце 1950-х - начале 1980-х годов. Проявляющиеся в некоторых из них расхождения касаются разных аспектов позиции и деятельности либералов. Ф. Червинка, например, считает возможным утверждать, что Палацкий, "самый выдающийся либерал славянской буржуазии, говорил о национальном вопросе в том же смысле, что и крупнейший немецкий революционер и представитель международного пролетариата Карл Маркс" (18, с. 23). Он, правда, пишет далее о "принципиальных различиях" в подходе Маркса, с одной стороны, и Палацкого - с другой, к национальному вопросу и другим коренным проблемам общественного развития того времени. Но и с этими оговорками ставить в один ряд этих представителей двух таких непримиримо противоположных мировоззрений и политических курсов оснований, конечно, не было, даже если у них и встречались некоторые терминологические совпадения. Есть у Червинки и другие неточные формулировки, вроде утверждения, будто бы "за позицией Палацкого стоял весь угнетенный чешский народ" (Там же).

Представляет интерес работа Йозефа Полишенского "Революция и контрреволюция в Австрии в 1848 г." (21), в которой автор ставит своей за-

дачей показать события в Праге в органической взаимосвязи с событиями в Вене и других регионах монархии Габсбургов и в некоторых аспектах удачно и интересно решает эту задачу, привлекая в ряде случаев новые или ранее малоизвестные источники.

Хотя Полишенский предупреждает в предисловии к своей книге, что он главное внимание намерен уделить не буржуазии, а "бывшему" классу феодалов и рождающемуся пролетариату (весьма спорный подход для работы о буржуазной революции -И. У.), все же, естественно, он не мог избежать и не избежал необходимости выразить свое отношение к политике и позициям чешской буржуазии, в том числе либеральной, показать основные направления ее деятельности в ходе революции.

Как уже было сказано, освещение Полишенским этих вопросов в основном идет в том же русле, что и в упомянутых выше работах. Критикуя деятельность чешских либералов, особенно по отношению к Венской революции в октябре 1848 г., он подчеркивает, что их так называемая реалистическая политика была на деле совершенно нереальной (21, с. 230), что она не только оказалась в противоречии с буржуазными целями буржуазной революции, но объективно противоречила чешским национальным интересам, ввиду чего "отнюдь не принадлежала к славным страницам истории чешского буржуазного политического мышления" (21, с. 223).

Говоря о лидерах национально-либерального направления и выделяя ведущую роль в нем Ф. Палацкого и Ф.Л. Ригера, Полишенский указывает на фактически совпадающую с их линией политическую практику Карла Гавличка-Боровского на протяжении всего 1848 г., включая период октябрьской революции в Вене. Он подчеркивает, что К. Гавличек приложил много усилий для того, чтобы подорвать симпатии чешского студенчества и других слоев населения к революционной Вене, сеял иллюзии в отношении намерений и действий императорского двора и правительства, одобрял в своей газете контрреволюционные действия Виндишгреца, даже такие, как казнь депутата Франкфуртского парламента Роберта Блюма и т.п. Он пишет, что ненависть таких чешских депутатов рейхстага, как Браунер, Гавличек, Ригер, к венским радикалам носила прямо-таки патологический характер и помогала австрийской реакции в борьбе с революцией (21, с. 224). Общий вывод Полишенского таков: "чешская либеральная буржуазия была ничем не хуже, но и ничем не лучше буржуазии немецкой" (21, с. 237). С этим выводом нельзя не согласиться.

Если говорить о самых новейших работах чехословацких авторов о событиях 1848-1849 гг. в чешских землях, то наиболее разностороннее и относительно подробное освещение этих событий мы находим в последних книгах Отто Урбана "Капитализм и чешское общество" (69) и "Чешское общество в 1848-1918 гг." (19), вышедших в свет в конце 1970-х - начале 1980-х годов. Нам приходилось уже высказывать соображения относительно некоторых аспектов содержания первой из этих работ (171, с. 48-49, 137, 212-214).

Вторая из них начинается обширным, насчитывающим около ста страниц довольно подробным очерком истории чешских земель периода революции (1848-1851). В обеих книгах речь идет, разумеется, и о политике чешской буржуазии, о политической дифференциации в ее рядах, ее политической роли. Можно констатировать, что в этих книгах, особенно в последней, учтены основные достижения чехословацкой историографии и в то же время находят отражение и некоторые имеющиеся разногласия.

О. Урбан выделяет в среде чешской буржуазии не два, а три политических направления (19, с. 204-213), рассматривая Ф. Палацкого как лидера направления консервативно-либерального, в то время как национально-либеральное направление было представлено, по его мнению, К. Гавличаком, А.П. Трояном, Ф.Л. Ригером и деятельностью Промышленного общества (Průmyslové jednoty). Такое отделение Ф. Палацкого от национал-либералов представляется искусственным и необоснованным, поскольку в коренных вопросах классовой и национально-политической борьбы периода революции принципиальных различий во взглядах и конкретных действиях представителей этого направления и Ф. Палацкого, по крайней мере до весны 1849 г., не было. Разумеется, О. Урбан, как и все другие авторы, в качестве особого направления в чешской политике того времени выделяет и радикально-демократическое.

В интересных во многих отношениях работах О. Урбана дается в целом правильная оценка позиций и деятельности национал-либералов, однако в ряде случаев автором применяются нечеткие, сомнительные характеристики. Так, например, он утверждает, будто бы чешская либеральная буржуазия избрала лояльный проправительственный курс "между реакцией и революцией" (19, с. 224), хотя очевидно, что подобного курса в ходе острой политической борьбы классов в период революций не бывало и быть не могло, что всякая попытка держаться такого курса неизбежно приводила его сторонников в лагерь реакции и контрреволюции, что и произошло с чешскими (как и с другими) национал-либералами. Так же неудачными, исторически неточными представляются, на наш взгляд, рассуждения автора о "доверчиво-наивной позиции чешских либералов" (69, с. 63), поскольку они, по сути дела, снижают степень ответственности либералов за последствия их политики.

Существенным вкладом в освещение вопроса о формировании и сущности национально-либерального направления в чешских землях явились опубликованные в рамках рассматриваемого периода работы историко-биографического характера, посвященные лидерам и видным представителям политических группировок революционных лет.

Значительная группа работ в последние три десятилетия была посвящена Ф. Палацкому. Среди их авторов З. Неядлы, В. Гуса, М. Етмарова, М. Шестак, В. Штястный, М. Шмерда, Й. Гаубельт и др., работы которых мы уже рассматривали в статье о политической деятельности Ф. Палацко-

го (223) и в монографии об историографии чешского национального возрождения (171, с. 33-37, 229-241 и др.). Напомним здесь лишь о том выводе, который был тогда (в 1983-1984 гг.) сделан в отношении общей оценки Ф. Палацкого как политика. Мы отмечали, что в работах чехословацких авторов 1950-х - 1970-х годов Палацкий предстает как выдающийся для своего времени ученый-историк и философ, организатор многих важных национально-культурных акций, сыгравший своими историческими трудами и будительской деятельностью прогрессивную в целом роль в процессе чешского национального возрождения, формирования национального самосознания, национальной культуры.

В то же время в большинстве этих работ Палацкий характеризуется - в отличие от буржуазной историографии - не как "отец народа", духовный и политический "вождь нации", а как лидер, духовный и политический руководитель чешской либеральной буржуазии, как один из главных виновников того, что возглавленное этой либеральной пришло в столкновение с интересами европейской и австрийской революции. Иными словами, он характеризуется как "отец" чешской либеральной буржуазии и чешского буржуазного национализма, игравшего, естественно, как и всякий буржуазный национализм, различную роль в разных исторических условиях, на разных этапах исторического развития.

Добавим к этому некоторые выводы тех авторов, работы которых нами раньше лишь упоминались или кратко излагались в другой связи.

Ф. Белка в названной выше книге (176) подчеркивает, что позиция Палацкого как буржуазного политика в полной мере выявилась в ходе революции 1848 г. и в его отношении к нарождавшемуся рабочему движению. Это проявилось, в частности, и в том, что Палацкий, как и чешская либеральная буржуазия в целом, включился в общественное движение 1848 г. не сразу, а лишь тогда, когда возникла необходимость оказать сдерживающее влияние на развитие революционной активности масс и лишь для того, чтобы добиться определенных уступок от Вены, но не путем столкновения с императором и правительством, а путем соглашения, стовора с ними. Этим целям служила и австрославистская концепция, которая "была в своей основе реакционна" и "исходила не из интересов чешского народа, а из классовых интересов чешской буржуазии" (176, с. 114-115).

Что касается отношения Палацкого и вообще либералов к делавшему первые шаги рабочему движению, то Ф. Белка характеризует его как "отражение стремления чешской буржуазии исключить возникающий новый класс из политической жизни с тем, чтобы не подверглись угрозе ее классовые политические интересы" (Там же).

Подобную же по смыслу оценку отношения Палацкого и либеральной буржуазии к рабочему классу, его общественной роли мы находим и в специально посвященных этому вопросу работах Б. Шинделаржа (224), К. Новот-

ного (225) и других авторов, логично усматривающих корни взглядов и поступков Палацкого в его к л а с с о в о й позиции.

В этой связи трудно согласиться с Й. Дворским, утверждающим в своей статье о Палацком (226, с. 494-495), будто бы он "встал на сторону революции, против абсолютизма, против феодализма", а его противоречие интересам революции действия объяснялись якобы тем, что он сомневался в целесообразности ставить под угрозу "результаты, достигнутые в работе по развитию и подъему самосознания чешского народа перед 1848 годом". В том то и дело, что соответствующие классовым интересам буржуазии половинчатые антифеодалные преобразования и изменения Палацкий и другие чешские либералы хотели бы осуществить, обойдясь без революции. Прежде всего они страшлись революционных методов социальных и политических преобразований, могущих пробудить опасную для буржуазии революционную энергию масс.

Среди работ, посвященных другому видному представителю национально-либерального направления - П. Й. Шафарику, наибольший интерес представляет статья Я. Новотного "К политической деятельности П. Й. Шафарика в период революции 1848-1849 гг." (227). В ней Я. Новотный выступает против представления о Шафарике как об "аполитичном", "кабинетном" ученом, избегавшем какой бы то ни было политической активности. Он констатирует, что период революции 1848-1849 гг. опровергает такое представление, хотя весьма осторожное поведение Шафарика в первые дни революционных событий во многом сходно с поведением Палацкого. Оба они, как и другие представители либерального направления, с самого начала были противниками революционных методов разрешения существовавших в империи социальных и национальных противоречий. Я. Новотный высказывает также предположение, что на сдержанность позиции Шафарика в этот период оказывало влияние и его стремление не утратить только что (в марте 1848 г.) полученную им хорошо оплачиваемую должность профессора славянской филологии Пражского университета в соответствии с решением императора Фердинанда V. Полагаем, однако, что это соображение вряд ли могло играть решающую роль в определении Шафариком своего места в ходе развертывавшихся событий.

Приводимые Я. Новотным конкретные материалы характеризуют главным образом деятельность Шафарика по подготовке и проведению Славянского съезда в Праге, причем автор особо подчеркивает последовательность и настойчивость Шафарика в проведении на съезде австрославистской концепции, в обеспечении лояльного по отношению к правительству и монархии Габсбургов характера работы съезда. Я. Новотный делает вывод, что Шафарик был весьма активен на съезде и даже являлся "его фактическим главой" (227, с. 561), существенно влиял на его ход. Однако в период после Славянского съезда и июньского восстания в Праге (к которому он, как и Палацкий, отнесся отрицательно) Шафарик снова отходит от активного участия в политической жизни, сосредоточившись на делах научных.

Что касается общественно-политической позиции Шафарика в период революции в целом, то она в основных аспектах совпадала с общим курсом чешских либералов: конституционная монархия Габсбургов, преобразованная в Федерацию равноправных национально-государственных образований, устранение феодально-абсолютистских порядков, введение основных гражданских свобод в их буржуазном толковании. Этих целей стремились достичь исключительно путем лояльных переговоров и соглашений с правительством и династией о постепенных социально-экономических реформах, без участия в этом процессе народных масс и тем более без каких-либо революционных действий с их стороны.

Обширная литература посвящена одному из виднейших чешских политических деятелей того времени, выдающемуся писателю и публицисту Карлу Гавличеку-Боровскому. О нем писали в последние десятилетия (если принять хронологический порядок) О. Ржиги, Б. Станислав, В. Клиmesh, Ф. Белка, В. Прохазка, М. Форманек, Й. Кочи, М. Беранкова, В. Нейтек и др. (краткую библиографию новейших работ о нем см.: 171, с. 287-288, примеч. № 196).

Краткий общий обзор этой литературы и изложение концепции О. Ржиги относительно политических взглядов и деятельности К. Гавличека в период революции мы попытались сделать ранее (171, с. 255-258). Небольшая по объему работа О. Ржиги была в этом обзоре выделена нами потому, что в ней наиболее четко для начала 50-х годов нашего века было сформулировано представление чехословацких историков-марксистов об исторической роли и месте К. Гавличека в общественной жизни чешских земель, а также потому, что это представление нашло свое подтверждение в большинстве работ о К. Гавличеке более позднего времени.

Не повторяя сказанного о брошюре О. Ржиги, напомним лишь, что он четко разделяет два периода общественной деятельности Гавличека, рубежом между которыми стал март 1849 г., т.е. роспуск императорским правительством Кромержижского рейхстага и восстановление в стране габсбургского абсолютизма. Подвергая принципиальной и аргументированной критике политическую практику Гавличека в первом из этих периодов (1846-1848), он подчеркивает в то же время огромное положительное значение начатой Гавличеком после марта 1849 г. и не прекращавшейся им до смерти в изгнании в 1856 г. решительной и бескомпромиссной борьбы против реакционного абсолютистского режима.

Обратимся теперь к работам других авторов и посмотрим, как оценивают они взгляды и политическую практику К. Гавличека в период революции 1848-1849 гг., к какому политическому направлению того времени они его относят и как объясняют причины занятой им в 1848 г. позиции; какие новые аспекты и факты в освещение политики чешской буржуазии вносят эти авторы.

В 1954 г. вышла в свет обстоятельная монография Б. Станислава о Карле Гавличеке-Боровском (228). В двух главах этой книги (гл. У:

"В революции 1848 г."; гл. VI: "В плену национализма") Б. Станислав прослеживает развитие и изменение позиции К. Гавличека в революционные годы, делая это на широком фоне исторических событий того времени не только в чешских землях и в Австрийской империи в целом, но в необходимых случаях и с учетом развития европейской революции. Наибольший интерес для нас представляет характеристика автором политических взглядов и конкретных действий в ходе революции либерально-буржуазного и радикально-демократического направлений в чешской политике. Он обращает внимание на тот любопытный факт, что ни о подготовке, ни о ходе Святовацлавского собрания II марта 1848 г. в редактировавшейся тогда Гавличеком газете "Pražské noviny" ("Пражской газете") не было даже упоминания. Б. Станислав связывает этот факт с общей политической линией лидеров чешской либеральной буржуазии, чью позицию выражал тогда К. Гавличек, в отношении этого собрания и вообще массовых выступлений народа, которых они боялись. Первоначально они рассчитывали на то, что собрание будет предотвращено властями. Когда же это оказалось невозможным, когда собрание состоялось и избрало Святовацлавский комитет для подготовки петиции императору, либералы постарались оказать влияние на его работу, вступив в его состав и добившись в нем изменения соотношения сил радикально-демократических и консервативных элементов в пользу последних.

Б. Станислав подчеркивает, что лишь 19 марта К. Гавличек публикует в "Пражской газете" программную статью "Наше знамя", в которой формулирует позицию чешской либеральной буржуазии, во многом противостоящую содержанию первой пражской петиции, включавшей требования демократического характера. Б. Станислав отмечает, что Гавличек не проявляет в этой статье интереса к экономической проблематике, не упоминает даже об отмене барщины, о налоговой реформе, о демократических свободах, сосредоточивая все свое и читателей внимание на проблемах национальных и государственно-правовых, в духе выработанной им и Ф. Палацким австрославистской концепции.

"Таким образом, — пишет Б. Станислав, — Гавличек первым вносит в единое до того чешско-немецкое демократическое движение отчетливо национальные чешские требования" (228, с. 166). Главное для него — объединение всех чешских земель, т.е. Чехии, Моравии и Силезии, и учреждение Чешского сейма, который оформил бы самостоятельное Чешское королевство в рамках Австрийской федерации. Именно этому требованию лидеры чешских либералов уделяли главное внимание, в то время как требования введения конституционных свобод и требования социальные (прежде всего об отмене барщины) были для них делом второстепенным. В противоположность этому радикальные демократы, также стоявшие за объединение чешских земель и учреждение демократически избранного Чешского сейма, на первое место ставили необходимость провозглашения демократических свобод и удовлетворение социальных требований крестьянства и рабочих.

Б. Станислав дает свою трактовку политического расслоения общества в чешских землях в период мартовской революции. Он выделяет здесь три главные политические группировки, помимо дворянства. На первое место он ставит радикалов, как чешских, так и немецких. "Хотя в их программе много неясного и путаного, хотя они проявляют большую долю наивности и не умеют по-настоящему руководить массами, хотя в их лагере существуют разные оттенки: от левых, сотрудничающих с рабочими и пропагандирующих утопические социалистические лозунги, до правых, которые сотрудничали с либералами, - все же эта группировка была подлинно революционной, давшей импульс к революции и являвшейся ее движущей силой вплоть до поражения Пражского восстания" (228, с. 167).

Далее Б. Станислав говорит о правом крыле, которое составляли немецкая буржуазия, инертные в национальном отношении буржуазные элементы обеих национальностей и чешская "чиновничья" буржуазия. Автор характеризует эту группировку как наиболее энергично добивавшуюся от властей полицейских мер против Святовацлавского собрания, пытавшуюся после успеха этого собрания организовать собственную "контрпетицию" в Вену с контрреволюционными требованиями и выражением лояльности, содействовавшую превращению сначала Святовацлавского, а затем Национального комитета в бессильные органы, приветствовавшие приход в Прагу Виндишгреца, его контрреволюционные провокации и его победу над пражскими повстанцами в июне 1848 г.

«Между этими двумя группировками, - пишет далее Б. Станислав, - находилась чешская либеральная партия, партия чешской национальной буржуазии. Ее главным интересом в революции было осуществление программы, сформулированной Гавличеком в статье "Наше знамя". С пражской немецкой буржуазией эту группу объединяет страх перед пролетариатом, а потому страх перед каждой прямой революционной акцией. С радикалами она имеет общую заинтересованность в демократических свободах, без которых невозможно достижение и их национальных требований» (228, с. 168). Говоря о тактике этой политической группировки, Б. Станислав подчеркивает ее стремление возглавить общественное движение с целью направить его "туда, куда они захотят" и воспрепятствовать углублению революционного процесса и превращению его в подлинно народную революцию. По мнению автора, контрреволюционная роль чешской либеральной буржуазии в период до Святодуховского восстания не была еще ясно выражена. Она тогда еще маневрирует между революцией и контрреволюцией, и ее помощь правительству и дворянству в их борьбе против народа носит характер еще не прямой, осторожной, с колебаниями. Позже, когда внесение национальной борьбы в революционное движение приведет к расколу между чехами и немцами, либералы станут уже искать эффективного союза с дворянством и венским правительством, а после поражения июньского восстания в Праге они полностью перейдут в лагерь контрреволюции. Станислав указывает на

оттенки в позициях Палацкого, с самого начала занимавшего контрреволюционные позиции, и Гавличека, хотя и соглашавшегося с ним по главным вопросам и ставшего его орудием, но не сторонившимся, как Палацкий, народа и бывшего более демократичным.

Б. Станислав показывает активную антиреволюционную роль либералов в процессе преобразования избранного народом Святовацлавского комитета в более лояльный, руководимый либералами Национальный комитет, в котором народные массы хотели видеть революционное правительство, тогда как сам Национальный комитет "этой правительственной власти боялся, отказывался от нее и отталкивал революцию в границы старого закона и порядка" (228, с. 170).

Особое значение с точки зрения оценки их политической практики имела предпринятая либералами во время майского восстания в Вене, после образования там революционного Комитета безопасности, попытка пригласить императора и его двор в Прагу, где он нашел бы в лице "верных чехов" защиту от революционного венского народа. Пытаясь использовать сложившуюся ситуацию в своих целях, чешские либералы предложили императорскому наместнику в Чехии графу Л. Туноу создать правительство для Чехии, мотивируя это тем, что центральное правительство в Вене находится под контролем венских революционеров и утратило свободу действий. Таким образом они хотели фактически добиться автономии Чешского государства в составе Австрии и сами прийти здесь к власти.

Хотя император в Прагу не переехал, а вместо "чешского правительства" Туном был сформирован так называемый временный правительственный совет с неопределенными и никак не реализовавшимися полномочиями (Палацкий, Ригер, Браунер, Штробах плюс два представителя дворянства и два немца), все же эти "инициативы" достаточно наглядно продемонстрировали - чего на деле добивались и на стороне каких политических сил стояли уже в начальный период революции чешские либералы.

Главным же содержанием их деятельности в апреле-мае 1848 г. стала агитация против участия в выборах во Франкфуртский парламент. Во главе этой агитации встал К. Гавличек, ставший в начале апреля редактором нового органа либеральной буржуазии - "Národní noviny" ("Национальной газеты"). Гавличек с такой страстью защищал неприкосновенность суверенитета монархии Габсбургов, что предложил даже привлечь венское правительство к ответственности за государственную измену, поскольку оно назначило выборы во Франкфурте и тем самым выступило против австрийского суверенитета (228, с. 186).

Гавличек не боялся решительных действий, он "заявлял, что легальным путем далеко не дойдем, требовал боевых революционных выступлений, но лишь в делах национальных (разрядка моя - И.У.): призывал к активной помощи со стороны чехов словакам и хорватам в их вооруженной борьбе против Венгрии" (Там же).

Б. Станислав высказывает свои соображения о роли чешской буржуазии в создании обстановки, в которой лидеры австрийской контрреволюции сочли, что Прага является наиболее слабым звеном революции и решили именно здесь нанести первый удар по охватившему империю революционному движению, спровоцировав восстание пражского населения (главным образом студентов и рабочих). Он указывает в этой связи на ослабившую революционные силы национальную борьбу между чехами и немцами и позицию чешской либеральной буржуазии, выявившей свою тягу к соглашению и сотрудничеству с тронem и дворянством, свою неспособность встать во главе народа в его борьбе с реакцией. "Все поведение лидеров чешской буржуазии до июня, то, как легко они сделали орудием в руках властей, как сами отказались от власти, которую вталкивал в их руки революционный народ, — все это было свидетельством того, что здесь контрреволюция легко выполнит свои задачи и что Прага является наиболее удобным местом для первой контратаки" (228, с. 198).

К сожалению, контрреволюция не ошиблась в своих расчетах. Лидеры чешской либеральной буржуазии выступили против Пражского восстания, осудили его, заявили о своей лояльности к трону и Австрийскому государству. Тем не менее пражские власти возложили вину за восстание также и на либералов. Ввиду этого чешская либеральная буржуазия стала апеллировать против Виндишгреца и Туна к трону и венскому правительству. "Апеллировать к своим естественным союзникам — к германской и венгерской революции — она не могла из-за своей националистической позиции и в принципе контрреволюционных взглядов" (228, с. 205).

Период с середины июля 1848 г. до разгона Кромержижского рейхстага, когда К. Гавличек действовал в нем в качестве депутата, Б. Станислав оценивает как наименее достойный период в деятельности Гавличека, "когда этот великий демократ и пламенный народный трибун в наибольшей мере отдаляется от демократии и народа" (228, с. 213). Он объясняет это тем, что пока Гавличек был в Праге, он подвергался воздействию и со стороны консерваторов, и со стороны демократических кругов, в связи с чем его политическая позиция носила противоречивый характер. Это выражалось, с одной стороны, в призывах к соблюдению порядка, в подчеркивании им националистических лозунгов, в защите нерешительных или же прямо контрреволюционных действий чешской либеральной буржуазии. С другой же стороны — в пламенных радикальных призывах, в ссылках на гуситские традиции, в смелых выпадах против Туна и Виндишгреца.

Переезд же Гавличека в качестве депутата рейхстага сначала в Вену, а затем в Кромержиж привел к тому, что усилилось влияние на него депутатов-либералов, особенно Палацкого и Ригера, а это самым пагубным образом отразилось на его позициях в момент, когда революция достигла своего апогея, когда ее главные силы в Вене и Венгрии вступают в решающие бои. Именно в этот период политика чешской либеральной буржуазии становится политикой открытой поддержки контрреволюции. "Именно

чешские депутаты своим поведением в вопросе об отмене барщины и при переговорах с венграми помогли тому, что правящее дворянство и финансовая буржуазия Австрии смогли сбросить маску либерализма и показать свое контрреволюционное лицо" (228, с. 216). Такова в общих чертах характеристика Б. Станиславом политики чешской либеральной буржуазии и К. Гавличека в годы революции.

В 1956 г. в Праге был издан сборник произведений К. Гавличека-Боровского, опубликованных им в 1846-1851 гг. в газетах "Pražské noviny", "Národní noviny" и "Slovan". Во вступительной статье к этой ценной публикации В. Клиmesh характеризует деятельность К. Гавличека как политика и журналиста в рамках тех двух этапов этой деятельности, рубежом между которыми был март 1849 г., особое внимание уделяя второму этапу, т.е. времени бескомпромиссной борьбы К. Гавличека с возродившимся в стране абсолютистским режимом. В то же время он выражает и остро критическое отношение к сформулированной К. Гавличеком и Ф. Палацким австрославистской концепции чешской либеральной буржуазии. Он подчеркивает, что эта концепция и вытекающая из нее практическая политика проявили себя в ходе революции как целиком реакционные, поскольку вопреки здравому смыслу связывали реализацию жизненных интересов чешского народа с интересами наиболее реакционной венской правящей клики, с интересами династии Габсбургов и венского двора и помогли им осуществить свои контрреволюционные планы и цели (229, с. 8-12).

В книге Ф. Белки (176) идейному наследию и политической практике К. Гавличека посвящена специальная глава. В этой главе содержится упрек в мой адрес в связи с тем, что, по мнению Ф. Белки, в моей работе 1951 г. (192), опубликованной в Праге в чешском переводе в 1954 г. (230), проявляется односторонний подход к оценке Гавличека, выразившийся в недооценке его прогрессивной борьбы против баховского абсолютизма и в том, что Гавличек характеризуется в этой книге лишь на основе его выступлений и действий в ходе революционных лет. Этот упрек имеет под собой известные основания в том смысле, что в книге действительно нет характеристики борьбы Гавличека против реакционного абсолютистского режима 50-х годов XIX в. Однако объясняется это прежде всего тем, что моя работа была посвящена, как видно из ее названия, национально-политической борьбе в Чехии в 1848 г. и в ней вообще не рассматривался послереволюционный период. Это не значит, конечно, что нельзя было в той или иной форме сделать оговорку относительно общей оценки взглядов и деятельности Гавличека в послереволюционный период, как это было сделано мною впоследствии в работе о чешском национальном возрождении (171, с. 257-258). По сути же оценки его взглядов и деятельности в революционные годы в моей работе 1951 г. и в книге Ф. Белки разногласий нет.

Ф. Белка отмечает, что в национальном вопросе Гавличек приходит к реакционным выводам (176, с. 126), не понимает, что достижение чеш-

кого равноправия было возможно лишь на основе решительной борьбы против Австрии. "Поскольку он оторвал национальную свободу нашего народа, - пишет Ф. Белка, - от политической борьбы против австрийской монархии, он фактически сделал невозможным действительное решение национального вопроса нашего народа" (176, с. 127). А благодаря тому что Гавличек метафизически оторвал борьбу за национальную свободу от борьбы против австрийской монархии, должна была потерпеть крах и вся его политическая линия в революции 1848 г., констатирует Ф. Белка и подчеркивает, что Гавличек в решающие для судеб чешского народа моменты не только не выдвигает лозунга борьбы, но, напротив, призывает к спокойствию, чем объективно помогает победе монархии. Общая оценка Ф. Белки однозначна: "...Гавличек играет в революции 1848 г. роль определенно реакционную" (176, с. 128).

В 1961 г. обстоятельную монографию о К. Гавличеке опубликовал В. Прохазка (231). Оценивая журналистскую и общественно-политическую деятельность К. Гавличека в предшествующий революции период как "в своей основе высоко прогрессивную", В. Прохазка говорит, что в 1848-1849 гг. она, "как и деятельность остальных представителей национально-либеральной партии, не может быть оценена иначе как реакционная, антинациональная и антинародная" (231, с. 32). Прохазка подчеркивает, что К. Гавличек прошел сложный путь политического развития от национал-либерала 1848 г. до последовательного буржуазного демократа периода после 1849 г. "Величие политики Гавличека состоит не в том, что он был либералом, а в том, что в процессе своей борьбы с абсолютизмом преодолел либерализм во многих теоретических и практических вопросах", - пишет вполне справедливо В. Прохазка, имея в виду послереволюционный период. Что же касается его действий с позиций национально-либерального направления, то о них, как и о последствиях деятельности либералов вообще, В. Прохазка высказывается весьма образно и точно: "Вместо того чтобы встать во главе суверенного народа, чешская либеральная политика вместе со своими лидерами оказалась у ног абсолютистского государя, держа в руках вместо руля смиренную петицию" (231, с. 35).

Строя свое последующее изложение в тех же направлениях и с теми же принципиальными оценками, что и названные выше авторы, В. Прохазка особо выделяет две главные причины, обусловившие в революционные годы антифранкфуртскую политику чешских либералов, в том числе К. Гавличека, Ф. Палацкого, Ф.Л. Ригера, Ф. Браунера и др. В качестве первой из них он называет доводы экономические, а именно боязнь конкуренции со стороны более развитой германской промышленности и планы использования своего экономического положения в рамках Австрийской империи в отношении отсталых областей страны - Словакии и южнославянских зе-

мель. Вторая же причина состояла в страхе перед революционным движением народа, перед распространявшимися в Германии республиканскими, социалистическими и коммунистическими идеями, в опасениях, что эти идеи и их реализация создадут угрозу частной собственности и принципу свободного предпринимательства (231, с. 35-37). Вывод В. Прохазки заключается в том, что констатация ошибочности политики К. Гавличека в 1848 г. говорит о невозможности в с ю его деятельность некритически относить к прогрессивным традициям нации. Вместе с тем он вполне резонно не соглашается и с теми авторами, «которые именно эту антинациональную и антинародную политику выдавали за политику "разумную и патриотическую" с тем, чтобы иметь возможность осудить действительно самоотверженные революционные действия нашего народа на пражских баррикадах, наших лучших представителей радикальной демократии и принизить значение борьбы Гавличека против реакции после 1849 года. Однако бессмертной заслугой Гавличека было и остается то, что после проигранной революции, брошенный и преданный своими бывшими либеральными друзьями, он сумел подняться на благородную и мужественную борьбу против реакции, в которой навсегда завоевал себе почетное место национального героя» (231, с. 41).

Подобную же оценку взглядов и деятельности К. Гавличека и чешской либеральной буржуазии в период революции мы находим в опубликованной в том же 1961 г. книге В. Прохазки и М. Форманека об идейном наследии Гавличека (232).

Несколько статей посвятил К. Гавличеку готовивший о нем капитальную монографию Й. Кочи (172-174; 233-235). К сожалению, Кочи скончался в 1986 г., не завершив эту монографию. Говоря об опубликованных им статьях, отметим важность выводов Й. Кочи о большом вкладе К. Гавличека в формулирование национально-политической программы чешской буржуазии - концепции австрославизма, сыгравшей в условиях революции 1848-1849 гг. реакционную роль (234); о его активном участии в раскрытии властями и провале "майского заговора" радикальных демократов в 1849 г. (173), а также в разработке и пропаганде ошибочной теории единого чехословацкого народа (235). Общие же оценки и характеристика автором национально-либерального направления в чешской политике в принципиальном плане характерны для взглядов чехословацких историков-марксистов по этому вопросу и развивают положения, сформулированные З. Неядлы, В. Гусой, О. Ржигой.

Популярный очерк М. Беранковой о жизни и деятельности К. Гавличека, опубликованный в Праге двумя изданиями в 1973 и 1980 гг., содержит, как и ее юбилейная статья к 160-летию со дня рождения Гавличека в "Руде право" в 1981 г., ряд неточных формулировок и спорных положений, не помогающих правильному классовому анализу политики чешской буржуазии. Так, она говорит об участии Гавличека в разработке "подлинно чешской политической программы", не поясняя, интересам какого клас-

са прежде всего эта программа соответствовала (236). Необоснованы и неприемлемы в научном отношении рассуждения автора о нереальности якобы программы К. Маркса и Ф. Энгельса в революции 1848 г. (237, издание 1973 г. с. 81) и др.

В 1979 г. вышла в свет книга В.М. Нейтека "Журналист Карел Гавличек-Боровский" (238). В этой популярно написанной биографии Гавличека содержится много интересного материала для характеристики его публицистической, журналистской деятельности в предреволюционный период, во время революции и в последующие годы. В то же время, как уже отмечалось (171, с. 257), в книге имеют место некоторые недоказательные и вызывающие возражения положения и выводы, прежде всего оценки радикальных демократов, их политической платформы, степени "реалистичности" их программы и т.п. Автор в ряде случаев повторяет старые буржуазные штампы о "горячих головах" и о "сумасбродных фантазиях" радикальных демократов. Стремясь доказать "практичность", "реализм" поведения Гавличека в годы революции в сравнении с радикальными демократами, В.М. Нейтек утверждает, например, что "Радикалы в 1848 году руководствовались скорее чувством, чем холодным разумом. Именно в этом состояло принципиальное различие между радикализмом демократов и практическими позициями Карла Гавличека" (238, с. 102). В другом месте он пишет, что "Гавличек с самого начала испытывал неприязнь к горячим головам и сумасбродным идеям молодых энтузиастов из радикально-демократической партии". Нейтек объясняет это тем, что, мол, Гавличек "не был уверен в их способности реализовать свою политику" и солидаризируется с таким образом трактуемой позицией Гавличека по отношению к радикальным демократам, заявляя, будто бы "развитие событий подтвердило его (т.е. Гавличека. - И.У.) правоту" (238, с. 100). Такие оценки Нейтека вытекают из его общего представления о политике либерального направления как о "более реалистичной", более соответствовавшей времени, чем политическая активность радикалов (238, с. 99).

Подобное отношение к чешской радикальной демократии в работе, увидевшей свет на рубеже 70-х и 80-х годов нашего столетия, не может не вызывать недоумения, поскольку чехословацкой историографией в 1950-х - 1970-х годах сделано, на наш взгляд, достаточно много для того, чтобы способствовать преодолению пренебрежительного подхода к идеологии и политической практике радикально-демократического направления в общественной жизни чешских земель периода революции 1848-1849 гг.

Чтобы убедиться в этом, обратимся теперь к новейшим работам чехословацких авторов, освещающим различные аспекты деятельности представителей этого направления. Но прежде сформулируем наше общее представление о чешском радикальном демократизме как политическом течении периода революции.

В "Очерках из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г." (192) на основании весьма скудных тогда еще материалов о ра-

дикальных демократах была сделана попытка дать первоначальную обобщенную характеристику тех основных взглядов и принципов, которые объединяли их сторонников в радикально-демократическое течение (или направление) в чешской общественной жизни, представлявшее революционную линию и противостоявшее таким образом не только силам феодальной реакции и абсолютизма, но и контрреволюционному курсу чешской либеральной и консервативной буржуазии.

Мы писали тогда, что основной социальной базой радикальной демократии была мелкая буржуазия (особенно ремесленники и торговцы), студенты и часть рабочих; что представители этого направления, находившиеся по большей части под влиянием идей французского мелкобуржуазного социализма, поддерживали связи с немецкими демократами и считали необходимыми революционные методы борьбы; что они требовали социального равенства и реальных, а не формальных политических свобод для всех слоев общества; что на страницах своих газет и в публичных выступлениях они критиковали позиции чешских либерально-буржуазных депутатов рейхстага, высказываясь за всеобщее избирательное право, за однопалатную систему, за отмену феодальных повинностей без выкупа; что они резко выступали против министерства Добльгофа, считая его реакционным, проявляли в своем большинстве солидарность с венскими и венгерскими революционерами; что для связи с народными массами и для агитации среди них радикальные демократы активно использовали многочисленные провинциальные филиалы "Славянской липы". В "Очерках..." отмечалось, что важнейшее содержание выступлений демократов составляла борьба против аристократии, против привилегий и преимуществ дворянства; что вместе с этим некоторые радикальные демократы выступали и против "аристократии финансовой", имея в виду крупную промышленную, торговую и финансовую буржуазию. Подчеркивалось, что для всех радикальных демократов было характерно обращение прежде всего к народным массам, причем важно то обстоятельство, что основным содержанием статей, листовок и выступлений радикалов были главным образом вопросы социальных отношений, классовой борьбы, необходимости борьбы против существующего общественного строя, а иногда и доказательства необходимости установления социалистического строя как строя, способного обеспечить социальную справедливость и разрешить национальные противоречия. При этом мы оговаривались, что пропаганда социалистических идей осуществлялась лишь небольшой группой представителей радикально-демократического направления, что их социалистические идеи носили утопический характер и отражали влияние прежде всего идей французского мелкобуржуазного социализма (192, с. 229-247).

Были ли тогда достаточные основания для подобной характеристики радикальных демократов?

Полагаем, что были и есть. На наш взгляд, чешскую радикальную демократию есть все основания рассматривать как крайне левое крыло чеш-

кой мелкой буржуазии, выступившее в ходе революции 1848—1849 гг. с остро антифеодалных позиций, стремившееся к последовательному доведению до конца решения задач буржуазно-демократической революции, отражавшее в определенной мере и интересы трудящихся слоев, стоявшее за применение революционных методов борьбы, что с достаточной определенностью проявилось в их активном участии в Пражском восстании в июне 1848 г. и в подготовке нового восстания интернационального характера в мае 1849 г. Хотя некоторые их взгляды и позиции окончательно сформировались лишь на заключительном этапе революции (например, о parcelляции земли и передаче ее крестьянам), можно, по нашему мнению, рассматривать чешскую радикальную демократию 40-х годов XIX в. как специфическую национальную разновидность тогдашней европейской революционной демократии, с которой ее сближает демократическое мировоззрение, решительная защита интересов трудящихся слоев города и деревни, отстаивание и применение на практике революционных методов борьбы и утопические представления о путях преобразования общества на социалистических началах.

Как же характеризуют чешскую радикальную демократию и ее ведущих представителей чехословацкие авторы последнего тридцатипятилетия?

Первой по времени в этот период появилась статья Ярослава Возки "Карел Сабина о развитии общества к социализму", опубликованная в 1950 г. в сборнике статей Сабина "Социальные этюды: статьи о социализме" (239, с. 7—54). Возка характеризует К. Сабину как одного из первых в чешских землях пропагандистов утопического социализма в его французском мелкобуржуазном варианте, представленном Луи Бланом и А. Ледрю-Ролленом. Он подчеркивает близость Сабина уже в студенческие годы к виднейшему представителю чешского революционного романтизма 30-х годов XIX в., выдающемуся поэту Карлу Гинеку Махе и к его республиканско-демократическому кружку. К середине 30-х годов относит Я. Возка начало формирования у К. Сабина радикально-демократических и республиканских взглядов в духе мадзинизма, указывает на его тесные связи в предреволюционный период с рабочими пражских предместий, на его сотрудничество с немецкой демократической прессой Вены, Лейпцига, большой интерес к луиблановским идеям социальной республики, на его принадлежность к тайному обществу "Рипил". Возка показывает постепенное вызревание у Сабина в ходе революции 1848—1849 гг. принципиальных позиций радикально-демократического толка. Он отмечает, что в начальный период революции Сабина разделял австрославистские взгляды, верил в возможность осуществления целей буржуазно-демократической революции мирным путем, без революционных потрясений, в то, что удастся привлечь лидеров чешской и немецкой буржуазии на сторону демократической радикальной программы, сформулированной рипилистами в марте 1848 г. Но и в первые месяцы революции австрославизм К. Сабина существенно отличался от его понимания Ф. Палацким. В отличие от последнего Сабина исхо-

дил из необходимости введения в федерализованном Австрийском государстве подлинно демократических конституционных порядков, полной ликвидации привилегированного положения дворянства и духовенства, обеспечения свободы печати, гарантии права на труд для рабочих, освобождения крестьян от барщины без выкупа. Сабина мечтал, как и Мадзини, о создании после победы революции над абсолютизмом во всей Европе общевропейской федерации свободных демократических народов. Как активный участник Пражского восстания, Сабина был арестован, но выпущен из тюрьмы по амнистии в сентябре 1848 г., после чего развернул оживленную публицистическую деятельность в демократическом духе. Однако еще осенью 1848 г. он сохранял некоторые австрославистские иллюзии, не сумел до конца понять характера октябрьской революции в Вене и начавшейся революционной борьбы в Венгрии. В то же время он осудил карательные действия Виндишгреца против Вены, казнь его войсками немецкого революционного демократа Роберта Блюма (К. Гавличек же одобрил эту казнь).

Я. Возка подчеркивает, что на рубеже 1848 и 1849 гг. на опыте развития революционных событий Сабина пересматривает многие свои позиции. Он осознает полный провал тактики "официальной" чешской политики, представленной национал-либералами Палацким, Ригером, Браунером и др. и ориентированной на компромисс с монархией на австрославистской основе, начинает склоняться к идее совместных действий славянских, немецких и венгерских демократов, революционной солидарности всех европейских демократов.

После роспуска в марте 1849 г. рейхстага и опубликования октроированной конституции Сабина в нескольких статьях подверг критике эту конституцию как антидемократичную и незаконную. С этого времени он уже твердо убежден в ошибочности австрославистской ориентации и политики чешских либералов. "Чем дальше, тем больше он осознавал, что наступление контрреволюции в Австрии можно остановить только вооруженным восстанием, которое было бы не ограниченной локальной акцией, а составной частью интернационального революционного восстания" (239, с. 26). Так Сабина включился в подготовку намечавшегося на май 1849 г. восстания чешских и немецких демократов, которое должно было стать сигналом к новому революционному выступлению народов Центральной Европы. Как участник "майского заговора", он был арестован, приговорен к смертной казни, замененной длительным тюремным заключением.

При анализе мировоззрения Сабины Я. Возка подчеркивает неустойчивость, непоследовательность его взглядов, особенно понимания им проблем социалистического переустройства общества. Исходя из необходимости безотлагательного решения социального вопроса в духе социалистических идей, он вслед за Луи Бланом, ожидал, что общественные реформы может осуществить государство, не соглашавшись с революционными социалистами, требовавшими немедленного социального переворота, и присоеди-

нялся к социалистам-реформистам, утверждавшим, что наиболее подходящим путем является путь постепенного совершенствования социальной системы.

Много внимания уделял Сабина рабочему вопросу. В рабочем классе он видел ядро нации, признавал за трудящимися — рабочими и крестьянами — наибольшую заслугу в развитии национального самосознания, требовал должного внимания со стороны общества и государства к социальным потребностям и нуждам бедных слоев населения. Он полагал, что социальное рабство рабочего класса проистекает прежде всего от большого невежества и низкого политического и классового самосознания. В отличие от Палацкого, Ригера и других он отвергал утверждение о том, будто бы паразитические классы являются носителями образованности, и полагал, что распространение просвещения в народе содействует социальному прогрессу. Подводя итог характеристике его взглядов, Я. Возка пишет, что Сабина не сомневался в неизбежности смены несправедливого капиталистического строя социалистическим, но в 1848 г. полагал, что это осуществимо мирным путем и что удастся убедить имущие классы пойти на глубокие экономические и социальные преобразования, чтобы предотвратить насильственную и кровавую революцию, которая в противном случае была бы неизбежной. Будучи подлинным другом рабочих, Сабина до конца жизни не освободился, однако, от заблуждения, будто бы классовые противоречия в капиталистическом обществе можно примирить. Таков сложный, противоречивый образ одного из ведущих радикальных демократов периода революции, нарисованный Я. Возкой. Его очерк о Сабине, конечно, довольно беглый, не дающий еще достаточно полного представления об этой многогранной и разносторонней личности со сложной, во многом трагической судьбой. Но это была первая в послевоенный период конкретная попытка дать обобщенную оценку мировоззрения и политической деятельности Сабина.

Следующая работа о чешской радикальной демократии была опубликована в 1951 г. Зденеком Шамбергером и посвящена другому ее виднейшему представителю — Эмануэлю Арнольду (125). Став по тому времени наиболее обстоятельным и полным исследованием жизни, деятельности и взглядов Арнольда, эта работа содержит и довольно широкую общую характеристику деятельности радикальных демократов в период революции.

Подробно освещает З. Шамбергер организаторскую и агитационную деятельность Арнольда в революционные годы в провинции в поддержку сначала Святовацлавского, а затем Национального комитетов, а по мере развития событий — во все более радикальном духе: за вооружение народа с целью защиты конституции, за свержение правительства и установление республики, в защиту демократических требований народа, в поддержку Пражского восстания. Агитация Арнольда была направлена не только против правительства, но и против действия чешских буржуазных либералов за то, что они в Национальном комитете и вне его проводили

соглашательскую линию по отношению к правительству и дворянству, пренебрегали интересами широких слоев народа. В его листовках и выступлениях выдвигались требования отмены барщины без выкупа, отмены цензуры, введения однопалатного сейма с представительством от всех сословий, всеобщего избирательного права без различия сословий и имущественного положения, обязательной присяги войск и чиновничества Конституции, права на собрания, защиты личности от произвола судов, объединения земель чешской короны в единое административное целое, изоляцию их от Франкфуртской Германии и т.п. Проводившаяся Арнольдом радикально-демократическая агитация была во многом успешной, получавшей поддержку среди широких кругов городского и сельского населения, особенно в краях Младо-Болеславском, Раковницком, во многих провинциальных городах, в Збраславе, в Бенешове и т.д., а также в Праге. Эта агитация опиралась на поддержку широкого круга друзей и доверенных лиц Арнольда, многие из которых занимали влиятельное положение, как, например, бургомистр и командир национальной гвардии в Мниховом Градиште Червенка и ряд других. Свидетельством эффективности агитации Арнольда и его высокой популярности и влияния среди населения было, в частности, то, что власти несколько раз откладывали принимавшиеся решения об аресте Арнольда, опасаясь серьезных волнений и выступлений в его защиту.

Шамбергер подробно описывает действия Арнольда во время Пражского восстания. 12 июня, в день начала восстания, Арнольда в Праге не было: он выступал перед избирателями в Бенешове в качестве кандидата в депутаты земского сейма. Хотя он был в принципе против столкновения пражан с войсками, обоснованно считая, что Виндишгрец провоцирует такое столкновение с целью раздавить повстанцев мощью своих вооруженных сил, как только восстание началось, Арнольд сразу же развернул активную агитацию с призывом к немедленной вооруженной помощи Праге в десятках населенных пунктов (Шамбергер показывает маршрут агитационных выступлений Арнольда). За это он был в конце концов арестован и заключен в тюрьму на Градчанах.

Характеризуя взгляды радикальных демократов на Австрию в 1848 г., Шамбергер полагает, что нет доказательств того, что они намеревались сначала идти дальше федеративной Австрии, по возможности республиканской. Он пишет, что под влиянием идей и планов зарубежных демократов чешское демократическое движение "включается в 1849 г. в семью европейских радикально-демократических партий... Это означало, что и чешское демократическое движение стало республиканским, стало носить характер международный и в значительной мере классовый, имея в виду выражение интересов эксплуатируемых слоев населения. Целью стало - разбить Австрию и учредить Чешскую республику, которая вошла бы в состав всеобщей федерации европейских демократических республик" (125, с. 81).

Шамбергер говорит, что эту идею лидеры чешских демократов воспри-

няли в течение марта-апреля 1849 г., когда они начали подготовку к вооруженному восстанию против Австрии, "подталкиваемые к этому польскими и германскими демократами" (Там же). Автор отмечает, что с изменением отношения чешских демократов к Австрии стало в принципе меняться их отношение к венграм и "демократически мыслящим" немецким демократам. В то же время традиционные симпатии к словакам стали несколько ослабевать ввиду их (словаков) борьбы против революционной Венгрии.

В работе Шамбергера приведено множество фактов, характеризующих широкий размах народного демократического движения весной 1849 г. во многих районах чешских земель, значительное распространение симпатий к Кошту, венгерской революции, особенно же - подготовку чешскими радикальными демократами синхронного с революционными выступлениями поляков и немцев восстания в чешских землях.

В заключительной части своего исследования З. Шамбергер подчеркивает важность того факта, что по мере развития событий радикальные демократы все более убеждались в необходимости искать опору против реакционного венского правительства, помимо прочего, в тесном сотрудничестве с неславянскими народностями и с зарубежными демократическими группами. Он отмечает позитивную позицию Арнольда по отношению к октябрьской революции в Вене, вытекающую из понимания им того, что, чем большие трудности создаст эта революция для австрийского правительства, тем больше благоприятных возможностей возникнет для решения задач демократического движения в чешских землях. Автор прослеживает эволюцию позиций Арнольда в отношении австрославизма, его отход от этой концепции, изменение его взглядов на венгерское и германское демократическое движение, приход его к убеждению, что национальную и социальную свободу можно будет обеспечить только в рамках конфедерации демократических европейских республик.

Несколько неожиданно звучит характеристика автором Арнольда в период революции как "идеалистического фантаста" (125, с. 128). Шамбергер прав, подчеркивая, что Арнольда нельзя отнести к числу социалистов в нашем теперешнем понимании, что в его представлениях о социализме много туманного, путаного. Это было характерно для всех чешских (и не только чешских) демократов того времени. Но вместе с тем во взглядах и политической практике Арнольда было много (и сам Шамбергер это отмечает) политического реализма, ставящего под сомнение оправданность подобной характеристики.

Помимо сказанного выше, Шамбергер отмечает решительную борьбу Арнольда против "либерального национализма" лидеров "официальной" чешской политики, его острую критику дворянства, выступления против нажитого нечестным путем капитала, против богачей, за введение эффективных форм контроля со стороны народа над управлением делами общества. Он подчеркивает, что основным полем деятельности Арнольда была

революционная агитация среди трудового крестьянства, призывы к народу быть готовыми к вооруженной борьбе "в защиту завоеванных свобод против внутренней реакции и иностранной реакционной интервенции", к созданию "народной армии" (125, с. 128-129). Арнольд правильно понимал взаимосвязь борьбы за национальную свободу и равноправие с борьбой за социальное освобождение эксплуатируемых слоев населения. Все это свидетельствует, что Арнольд относился к числу наиболее левых буржуазных демократов периода революции.

Несколько работ о чешской радикальной демократии было в 1950-х годах написано философом К. Косиком (105; 122), ставшим в 1960-х годах одним из главных идеологов контрреволюции в ЧССР. Обсуждать содержание этих работ нет смысла потому прежде всего, что своей злобной антикоммунистической позицией и активной контрреволюционной деятельностью в кризисные 1968-1969 гг. и в последующий период он противопоставил себя чехословацкому народу, и, по сути дела, сам вычеркнул себя из марксистской науки. Кроме того, мы не ошибемся, если скажем, что в позитивной части его работ 50-х годов по названной проблематике нет ничего такого, что не нашло бы своего освещения в произведениях других чехословацких авторов, занимавшихся в 1950-х - 1970-х годах историей чешской радикальной демократии. Наконец, достаточно квалифицированная и полная общая принципиальная оценка трудов, философских и политических взглядов К. Косика дана в опубликованном в 1976 г. интересном и аргументированном исследовании В.Д. Скаржинской "Обыкновенный ревизионизм" (240).

Мы упоминаем здесь о К. Косике потому, что им в 1953 г. было предпринято издание избранных политических произведений чешских радикальных демократов Э. Арнольда, К. Сабины, Й.В. Фрича, В. Вавры-Гашталского и Я.С. Кнедльганса-Либлинского. Появление этой публикации (167) содействовало повышению интереса к политическому и идейному наследию радикальных демократов, более детальному ознакомлению с их произведениями и политической практикой.

Уже вскоре, в следующем году, выходит из печати обширный сборник произведений Э. Арнольда, подготовленный В. Освальдом (119), с предисловием З. Шамбергера (119, с. 7-44). Особое значение этого сборника состоит в том, что в него вошли все известные и сохранившиеся ко времени его издания произведения Арнольда: статьи, брошюры, речи, листовки, записки и письма за период с 1846 по 1857 г.

Во вступительной статье к сборнику З. Шамбергер развивает основные положения своей рассмотренной выше работы об Арнольде, делая при этом интересную попытку дать определение основных признаков принадлежности чешских политиков периода революции к радикально-демократическому или национально-либеральному направлениям.

О принадлежности к радикальной демократии свидетельствует, по его мнению, наличие следующих признаков или принципов:

- 1) последовательная борьба против феодализма и сопровождающих его явлений;
- 2) непримиримая классовая вражда к дворянству, борьба против бюрократии и церкви;
- 3) требование осуществления демократических свобод и равноправия для всех и связанная с этим борьба против несправедливого социального угнетения;
- 4) борьба против консервативной и либеральной буржуазии и помещиков;
- 5) требование конфискации помещичьих земель в пользу крестьян и бедноты;
- 6) антимонархизм и республиканизм;
- 7) стремление к установлению нового общественного строя революционным путем;
- 8) ориентация на крестьянство, городскую бедноту и тесные связи с рабочими;
- 9) подчеркивание демократического интернационализма в противовес реакционному национализму;
- 10) знакомство с утопическим социализмом (119, с. 14-15).

3. Шамбергер подчеркивает, что все эти принципы, ставшие в 1848 г. символом веры чешских радикалов, сформировались на отечественной почве как результат социально-экономического развития страны и революционного мышления чешского народа. Он пишет, что все эти принципы и признаки были характерны для взглядов и политики Арнольда.

Основные принципы чешской либеральной политики Шамбергер сводит к четырем положениям:

- 1) стремление к реформам сверху в сотрудничестве с дворянством и под властью царствующего габсбургского дома;
- 2) подчеркивание монархического принципа как единственной гарантии обеспечения "спокойствия и порядка";
- 3) подчеркивание идеи австрославизма во имя сохранения австрийского рынка для чешской торговой и промышленной буржуазии;
- 4) боязнь движения народных масс - сельского населения, городской бедноты и фабричного пролетариата (119, с. 19).

Эта статья Шамбергера, в остальном совпадающая по своим положениям с его предыдущей работой, вызвала как положительные, так и критические отклики, не всегда достаточно обоснованные.

Так, Ф. Червинка в своей рецензии (121) считает неправильным отношение Шамбергером в этой статье радикальных демократов к революционной демократии и к утопическим социалистам. Замечание спорное. На наш взгляд, как уже говорилось, есть основания рассматривать чешскую радикальную демократию 40-х годов как национальную разновидность европейской революционной демократии того времени со всеми ее специфическими особенностями. В таком случае подход Шамбергера вряд ли оши-

бочен в принципе, хотя он требует, возможно, более полного раскрытия этих национальных особенностей. Точно так же нет оснований отрицать влияние на чешскую радикальную демократию идей утопического социализма, главным образом в его французском мелкобуржуазном варианте (Луи Блан, Ледрю-Роллен и др.). Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что сколько-нибудь полного единства или сходства взглядов и представлений по вопросу о социалистическом переустройстве общества у них не было, а имевшиеся представления в большей части были весьма туманными и непоследовательными.

Лишь спустя десятилетие после публикации сборника произведений Э. Арнольда, в 1964 г., выходит в свет его обобщенная научно-популярная биография, написанная Йозефом Кочи на основе как имевшейся до этого специальной литературы, так и собственного изучения относящихся к теме архивных материалов и других источников (123). Центральное место в работе занимает описание политических взглядов и деятельности Арнольда в революционные годы. Формирование радикально-демократических взглядов у Арнольда Й. Кочи относит к началу 30-х годов и связывает с влиянием французской революции и польского восстания 1830 г. Он отмечает участие Арнольда в собраниях "Рипила", написание им (по-видимому, совместно с Сабиной) в 1847 г. "Истории гуситов" и антииезуитского памфлета, его широкую уже в предреволюционный период агитационную деятельность в провинции, на селе в радикально-демократическом духе и считает возможным отнести Арнольда к числу первых чешских "профессиональных революционеров" (123, с. 19).

Говоря об "Истории гуситов", Кочи особо подчеркивает, что в этом произведении Арнольд стремился показать, что в этот период (к 1848 г.) перед чешским народом возникли в основе своей те же проблемы, какие решали и гуситы, что наученный историческим опытом чешский народ уже не должен повторять ошибок, приведших к поражению гуситов у Липан, что ему надлежит — по примеру Яна Жижки — всеми средствами бороться против реакции и добиться победы. В книге подробно показывается активная агитационно-политическая работа Арнольда в чешской провинции в поддержку деятельности Святовацлавского комитета и сформулированных на его первом собрании требований. "Борьбе за укрепление авторитета пражского комитета, популяризации его работы и усилиям, направленным на упрочение его связей с провинцией, Арнольд с конца марта 1848 г. посвятил все свои силы" (123, с. 31). Кочи рисует образ народного трибуна, решительно требовавшего ликвидации ненавистного дворянского сословия, изгнания реакционной бюрократии. Он показывает борца, подвергавшего острой критике и чешские земские власти, и венское правительство, и самого государя; человека, провозглашавшего необходимость всеобщего равенства всех людей и их прав, отмены барщины и т.п., призывавшего народ вооружаться для отпора реакции, для оказания помощи сражавшимся на баррикадах в Праге повстанцам в июне 1848 г.

Интересна характеристика, которую дает Кочи отношению Арнольда к Пражскому восстанию: как и Э. Шамбергер, Кочи отмечает, что хотя Арнольд и не одобрял начало восстания, считая, что оно спровоцировано Виндишгрецом, он никогда не осуждал его. "Когда бои вспыхнули, он активно встал на сторону сражающихся и высоко оценивал героизм тех, кто не сдался во много раз превосходящим силам противника. Арнольд придавал особо важное значение созыву чешского земского сейма, но никогда не утверждал, будто бы сейм погиб по вине бойцов-повстанцев. Он хорошо понимал, что причины, по которым сейм не был созван, лежали намного глубже: в успешном наступлении реакционных сил, обусловленном и оппортунизмом чешской либеральной политики" (123, с. 43).

Специальную главу посвятил Й. Кочи деятельности Арнольда в качестве издателя и редактора органа радикальных демократов "Občanské noviny" ("Гражданская газета"), который начал выходить 11 ноября 1848 г. К этому времени, под влиянием июньского восстания в Праге и октябрьской революции в Вене, обострились противоречия между чешскими либералами и радикалами. Осенью 1848 г. радикально-демократическое течение оформилось по сути дела в политическую партию со своей программой, печатным органом, которым первоначально стал "Pražský večerní list" ("Пражская вечерняя газета"), и местными организациями, которыми постепенно становились многочисленные филиалы "Славянской липы" (их было около 40).

"Občanské noviny" стали вторым боевым печатным органом радикальной демократии. Важной чертой материалов газеты было подчеркивание того, что "чешская революционная борьба как своим возникновением, так и своим будущим связана с остальным революционным движением в Европе" (123, с. 50); что войны бывают "безбожные", несправедливые, направленные на порабощение народов, на подавление их прав и свобод и подлежащие осуждению; что наряду с этим бывают и войны "естественные", справедливые, которые народы ведут в свою защиту и которые не могут осуждаться (Там же).

Газета правильно предвидела судьбу Кромержижского рейхстага и подготавливавшегося им проекта конституции, предсказывала, что конституция будет отброшена, т.е. дарована сверху, а рейхстаг разогнан.

К числу ошибок газеты "Občanské noviny" Кочи относит сохранявшуюся еще в этот период (до весны 1849 г.) неправильную позицию по отношению к венгерской революции, сходную с позицией национал-либералов, а также неясную еще, не выходящую пока за рамки требований отмены барщины без выкупа позицию радикальных демократов по аграрному вопросу.

Важные позитивные изменения в позициях и политической практике радикальных демократов, в том числе Арнольда, Кочи отмечает с начала 1849 г., в особенности в отношении революционного движения в Вене и в Венгрии. Резко усилили радикалы критику порочной политики чешских либералов и всей политической программы австрославизма. Кочи обращает внимание на статью Арнольда от 3 апреля 1849 г., в которой он в качест-

ве главной ошибки либералов указывает на чрезмерное сосредоточение ими внимания на национальном вопросе, пишет, что "национальные раздоры помогли лишь правительству" и что народ от политики Браунера, Ригера, Штробаха и Палацкого ничего не дождался. В другой статье, опубликованной 7 апреля и подписанной А. Прокопом, напрямую заявлялось, что вина за появление октроированной конституции лежит не на правительстве, а на австрославистской политике чешских либеральных депутатов рейхстага. "Поэтому их нынешние протесты против октроированной конституции нельзя расценивать иначе как чистую комедию" (123, с. 68).

В статье от 26 апреля 1849 г. в газете "Občanské noviny" Арнольд анализирует социальные последствия промышленной революции и развития капиталистических отношений для ранее самостоятельных мелких производителей, для сельского пролетариата и полупролетариата, описывает процесс пауперизации ремесленников в городах в результате развития фабричного производства, указывает на наличие в промышленности двух классов - фабрикантов и рабочих и подходит весьма близко к правильному объяснению характера отношений между ними и процесса формирования капиталистической прибыли. Кочи отмечает в этой связи, что Арнольд первым из чешских публицистов "сумел приблизиться к современному пониманию экономической основы капиталистической эксплуатации" (123, с. 70). В той же статье Арнольд пишет об эксплуатации сельской бедноты дворянством, духовенством и богатыми крестьянами - седлаками, выдвигает проект парцелляции крупных земельных владений.

Тогда же, весной 1849 г., в выступлениях Арнольда усилились республиканские тенденции в сочетании с пропагандой революционных методов преобразования общественных отношений, хотя по тогдашним его представлениям революция отождествлялась, по сути дела, с общественным прогрессом вообще, с переворотами и реформами, о чем он писал в статье "Революция" 14 апреля 1849 г. Его апология революции в этой статье "и призыв осуществить равенство прав всех людей путем революционного переворота были в душевной апрельской атмосфере мужественным поступком. Не случайно позднее комиссия по расследованию (обстоятельств "майского заговора". - И.У.) оценила эту статью Арнольда как самую опасную во всей его журналистской деятельности" (123, с. 71).

Далее в книге следует подробный рассказ об участии Арнольда в подготовке "майского заговора" - совместного вооруженного выступления чешских и зарубежных революционеров против реакционных режимов в Австрии, Германии и России, особенно - о его активной революционной антиправительственной агитации в провинции, опиравшейся на широкую поддержку его многочисленных единомышленников.

В книге содержится много важных фактов о "майском заговоре", о конкретном плане восстания в Праге и чешских землях, о контактах и связях заговорщиков с немецкими демократами в чешских землях, с германскими демократами и Бакуниным (123, с. 73-86). Кочи показывает, что провал заговора, арест и осуждение Арнольда не сломили его воли,

не заставили его отказаться от своих революционных взглядов, что он показал себя стойким и принципиальным борцом и под следствием, и в тюрьме, и в изгнании, используя и в этих условиях всякую возможность для революционной агитации, для дальнейшего совершенствования своего демократического мировоззрения. Исследователь делает обобщающий вывод, что "Арнольд своим радикальным демократизмом и революционной практикой был значительно ближе к программе и целям возникающей социал-демократии, чем к политическому лагерю чешского буржуазного национализма в его как старочешском, так и младочешском оттенках" (123, с. 106).

Остановимся теперь кратко на опубликованных в 1969 г. Карловым университетом в Праге лекциях В. Освальда о журналистике чешской радикальной демократии (114).

Лекции состоят из двух частей: 1) о газетах "Славянской липы" и 2) о жизни и публицистической деятельности Э. Арнольда.

Автор констатирует, что развитие современной чешской журналистики начинается в 1848-1849 гг. Именно тогда появляются ежедневные газеты, начинают выходить чешские газеты с преимущественно политическим содержанием, различных и дифференцированных идейных направлений, т.е. политические газеты в современном смысле слова. Тогда же появилась в чешских землях и плеяда выдающихся журналистов, таких, как К. Гавличек, К. Сабина, Э. Арнольд и др., а также массовая читательская аудитория. Освальд считает возможным в чешском радикально-демократической журналистике революционных лет усматривать "корни и источники вдохновения" начала социалистической журналистики.

Специально останавливается автор на главных публицистических органах радикальной демократии: "Lípa slovanská" ("Славянская липа"), "Noviny Lípy Slovanské" ("Известия Славянской липы"), "Občanské noviny" и "Pražský večerní list".

Он подчеркивает, что после поражения Пражского восстания политическая активность радикальных демократов была сосредоточена прежде всего на публицистическом фронте, где уже в октябре 1848 г. энергичную работу развертывают в газетах "Lípa slovanská" и "Pražský večerní list" Винцент Вавра (Ян Славомил Вавра, Я.С. Гаштальский), К. Сабина, Э. Арнольд. В ноябре 1848 г., как уже говорилось, начинается издание газеты "Občanské noviny" Э. Арнольда, а в начале января 1849 г. - "Noviny Lípy slovanské", вышедших от имени не отдельного лица, как было до тех пор, а политического общества "Славянская липа" (ответственные редакторы - К. Сабина и Я.С. Вавра). Это была первая ежедневная газета чешской радикальной демократии, имевшая своих постоянных корреспондентов в Берлине, Париже и при рейхстаге в Кромержиже.

В лекциях далее характеризуются известные разногласия между радикалами и либералами относительно октябрьской революции в Вене, действия Виндишгреца, поведения чешских депутатов в рейхстаге, будущего государственного устройства Австрии, избирательной системы и т.п.

Автор дает краткие персональные характеристики наиболее видным журналистам периода революции (В. Вавра, К. Сабина, П. Хохолоушек, Л. Риттерберг, М. Микшичек, Я.И. Гануш, В.Д. Ламбль).

Вторая часть работы Освальда посвящена Э. Арнольду как журналисту, политическому деятелю — "одному из первых чешских республиканцев и социалистов". Каких-либо новых фактов и выводов в сравнении с работами рассмотренных ранее авторов она не содержит.

Особое место в ряду чешских радикалов занимает Йозеф Вацлав Фрич, для которого революционные 1848 и 1849 гг. были самым началом его политической деятельности (он родился в 1829 г.), его первой серьезной жизненной и политической школой. В исторической литературе иногда утверждается, что Й.В. Фрича следует относить к буржуазным революционерам (учитывая его программу ликвидации революционным путем Австрийской империи и создания самостоятельного чешского государства), а не к радикальным демократам (ввиду того что, действуя в интересах народных масс, он не опирался непосредственно на эти массы, т.е. пролетариат и крестьянство). На наш взгляд, если такого рода рассуждения и имеют под собой какую-то почву применительно к послереволюционному периоду (точнее — к периоду 60-х — 70-х годов XIX в.), то противопоставление Фрича радикальным демократам в период революции, стремление оторвать его от радикальной демократии конца 40-х годов не оправданы, не имеют под собой почвы.

Деятельности и взглядам Й. В. Фрича в годы революции в рассматриваемый нами период (1950—1985) было в той или иной мере посвящено всего несколько работ, из которых здесь следует остановиться на двух: на статье Кветославы Боудовой о роли Фрича в революционном студенческом движении 1848—1849 гг. (134) и на новейшей и наиболее полной монографии Вацлава Жачека о Й.В. Фриче (150).

В работе К. Боудовой приводится обширный материал для характеристики участия Й.В. Фрича в мартовских событиях 1848 г., в том числе в подготовке первого массового политического митинга в Святовацлавских купальнях, его роли в организации и руководстве студенческим легионом, военной секцией студенческого союза "Славия", его активной агитационной работы в массах, решительных и мужественных действий Фрича в качестве одного из руководителей Пражского восстания в июне 1848 г. и организаторов "майского заговора" 1849 г. Исследование Боудовой относится к числу тех работ, авторы которых показывают необоснованность, а часто и недобросовестность попыток приуменьшить (прежде всего ссылками на его молодость, неопытность, "горячность" и т.п.) значение революционной деятельности Фрича в 1848—1849 гг., подчеркивают его энергию, смелость и немалые организаторские способности, его преданность делу национального и социального освобождения своего народа, сочетающуюся с пониманием необходимости интернациональной солидарности прогрессивных сил разных народов. Не обходя и крупные ошибки Фрича, Боудова вполне обоснованно положительно оценивает его вклад в революционную

освободительную борьбу чешского народа, в создание ее прогрессивных исторических традиций.

Работа Боудовой интересна также с точки зрения освещения характера студенческого движения 40-х годов, показа роли пражского студенчества в революционных событиях 1848-1849 гг. Однако более фундаментально эта тема разрабатывалась другими авторами, прежде всего Ф. Илеком; на исследованиях которого, существенно расширивших представления об этом сюжете, мы остановимся позднее.

Обратимся теперь к монографии В. Жачека "Йозеф Вацлав Фрич" в той ее части, которая касается периода революции. Автор, правда, подчеркивает во введении к книге, что главное свое внимание он сосредоточивает на том этапе жизненного пути Фрича, который относится к 60-м годам (150, с. 10). Однако, на наш взгляд, есть основания считать и характеристику В. Жачеком политической и революционной деятельности Фрича в период революции 1848-1849 гг. достаточно полно и объективно отражающей степень разработки этого вопроса чехословацкой марксистской историографией, а также преобладающую в ней точку зрения относительно места и роли Фрича в событиях революционных лет. Вместе с тем В. Жачек в этой работе успешно обобщает выявленные исторической наукой к настоящему времени данные относительно ряда важных аспектов самих этих событий. Ввиду этого целесообразно подробнее остановиться на монографии Жачека о Фриче (ее общую оценку см.: 145; 169).

Уже в начале книги В. Жачек возражает против представлений о "едва двадцатилетнем" Фриче как о лидере, "ведущей личности" чешской буржуазной революции 1848 г. "Он не был таким, — утверждает Жачек, — хотя порой и оказывался на вершине революционных событий, которые захватили его как их активного участника, но не вождя" (150, с. 8). Таким образом, Жачек с самого начала заявляет о своем стремлении занять непредвзятую, объективную позицию при освещении деятельности Фрича и ее исторического значения. И это ему в достаточной мере удается, о чем свидетельствует все последующее изложение.

В первой главе, посвященной юношеским годам Фрича, обстоятельствам его бегства в 1846 г. из дому за границу, пребыванию его в Лондоне и Париже, контактам с польской эмиграцией, учебе в польской военной школе в Париже и возвращению в Прагу в мае 1847 г., Жачек обращает внимание на то, что необычные обстоятельства его жизни в эти последние два года не только обогатили Фрича определенным "взрослым" жизненным и политическим опытом, но и создали ему немалую популярность среди пражской общественности, особенно студенчества. Этот факт важно учесть, так как он в значительной мере объясняет ту видную роль, которую стал играть Фрич с самого начала революционных событий. Уже осенью 1847 г. Фрич устраивал в своей квартире тайные сходки оппозиционно настроенных студентов, познакомился со многими представителями молодой чешской интеллигенции, получил доступ на собрания "рипилистов" в гостинице

"У золотых весов". Он поддерживал особенно тесные контакты с Л. Руппертом, В. Гаучем и Ф. Гавличеком, представлявшими, по выражению В. Жа-чека, "пражскую интеллигентскую бедноту" (150, с. 33). Характеризуя "Рипил" этого периода как "инкубатор революционных идей", Жачек рассказывает, что Фрич жадно впитывал эти идеи и активно распространял их среди быстро расширявшегося круга его друзей — студентов, что "предопределило роль Фрича как лидера национального чешского студенчества в Праге" в последующих событиях (Там же).

Приступая к анализу деятельности Фрича в ходе революции, Жачек делает некоторые неточные, на наш взгляд, обобщения социально-экономических процессов того времени. Он, в частности, утверждает, что чешская нация (národ) "вступала в события единой, особенно по своему социальному составу. К ней принадлежали прежде всего народные слои, ремесленные и сельские элементы, руководимые сознательной интеллигенцией народного происхождения. Из высших слоев населения, богатого мещанства и дворянства, к ней принадлежали лишь единицы. Благодаря такому составу чешская политика была избавлена от необходимости решения таких жгучих вопросов, как отношение к преимущественно нечешскому дворянству и отношение к освобождению крестьян, которое было положительным, поскольку в этом случае речь шла преимущественно о чешских крестьянах" (150, с. 35).

Утверждение о "единстве" чешской нации с точки зрения ее социального состава представляется нам неверным потому прежде всего, что еще формировавшаяся в 40-х годах прошлого века чешская нация несомненно включала в себя и крестьянство, и помещиков-землевладельцев (часть которых, пусть небольшая, принадлежала к дворянству, а часть — к "опомещившейся" национальной буржуазии), и пролетариат, и буржуазию (пусть и без крупной промышленной и финансовой ее верхушки).

И вовсе не была избавлена "чешская политика" от таких действительно жгучих вопросов, как отношение к дворянству и освобождению крестьян. Вся история общественного развития чешских земель 40-х годов, в том числе революционных лет, как раз и свидетельствует, что различные классы и социальные слои (и их политические представители) подходили к решению этих вопросов по-разному — в соответствии со своими классовыми интересами. Даже внутри класса чешской буржуазии отношение, например, к вопросу о дворянстве и его сословных привилегиях было, как известно, совершенно иным у национал-либералов, чем у радикальных демократов. То же можно сказать и о вопросе о путях и условиях ликвидации феодальных повинностей крестьян и т.п.

В. Жачек пишет далее: "Политическая линия нации была ясна; это была политика австрославизма, верности габсбургской династии и австрийской монархии, в рамках и под защитой которой в той обстановке искали благоприятных решений политических, культурных и экономических вопросов чешского национального будущего. Речь шла об удержании и укреплении

нии уже имеющих позиций и о приобретении позиций новых, прежде всего путем соглашения с правительством и в качестве вознаграждения за оказанные ему услуги. Кроме этой реалистической (?! - И.У.) политики, чехи осуществляли еще и линию на взаимное сближение славянских народов - порождение идеалистических мечтаний писателей и ученых, стремившихся возвысить свой народ, опираясь на великую семью славянских народов" (Там же).

В процитированном абзаце вызывают возражение или недоумение по крайней мере три положения. Во-первых, непонятно, почему Жачек квалифицирует австрославизм как "политическую линию н а ц и", (разрядка м о я. - И.У.), в то время как очевидно, что это была выраженная со всей определенностью классовая политика большинства чешской б у р ж у а з и, чьим политическим и экономическим интересам она соответствовала.

Трудно согласиться также с оценкой австрославистской политики как р е а л и с т и ч е с к о й, поскольку сразу же возникает вопрос - с чьих позиций эта политика казалась реалистической? Не с позиций же трудящихся масс. А значит - с позиций буржуазии, дворянства, бюрократии и т.п. Но зачем же рассматривать и оценивать этот вопрос с их точки зрения?

Вызывает сомнение и подход к идее взаимного сближения славянских народов как к порождению "идеалистических мечтаний писателей и ученых", поскольку в действительности эта идея, а порой и проводившаяся с ее учетом политика заключали и заключают в себе поныне большой прогрессивный потенциал, могущий в определенных условиях способствовать решению жизненно важных как для славянских, так и для других народов социально-политических проблем их общественного развития и международного сотрудничества.

Перейдем теперь к существенным для нашей темы аспектам содержания главы второй, в которой рассматривается период революции 1848-1849 гг.

Жачек отмечает, что в период подготовки Святовацлавского собрания 11 марта 1848 г. Фрич, как и ряд других студентов, активно участвовал в пропагандистских и организационных акциях радикальных демократов, став, по существу, связным между "Рипилом" и пражским студенчеством. Большое впечатление на Фрича произвело полученное 13 марта письмо обучавшихся в Вене славянских студентов, призывавших своих коллег в Праге к революции. Это письмо еще больше активизировало энергию Фрича, который прежде всего организовал его размножение и распространение, лично включился в его пропаганду среди пражского студенчества, выступившего с рядом требований. Среди них было и требование выдачи студентам оружия с тем, чтобы их вооруженный легион мог стать равноправной составной частью гражданской национальной гвардии. Оно было удовлетворено, и 16 марта оружие (хотя и в плохом состоянии) им было выдано. Фрич сосредоточивает в этот период свои усилия на учас-

тии в организации студенческого легиона, в котором он стал центурионом (главой одной из сотен) когорты философского факультета Карлова университета. К своей командирской должности Фрич относился весьма ответственно и оказывал в этом отношении большое положительное влияние на подчиненных ему "легионеров".

Активную роль сыграл Фрич в организации протестов пражской общест-венности, прежде всего студенчества, против отрицательной реакции венского правительства и двора на первую пражскую петицию. Как член делегации пражан, направившихся в начале апреля в Вену с новой петицией к императору, Фрич использовал пребывание в столице империи для установления контактов с венскими студентами, принявшими его самого и его горячие речи с большим энтузиазмом.

Жачек характеризует многоплановую деятельность Фрича в рядах возникшей в апреле 1848 г. студенческой организации "Славия", сообщает основные сведения о структуре и характере деятельности этой организа-ции, в которой Фрич в мае-июне возглавлял две из восьми ее секций, причем наиболее важных - военную и эмиссарскую (пропагандистскую).

Представляют интерес страницы книги, на которых автор излагает факты и свои соображения относительно з а б л а г о в р е м е н - н о й подготовки Фрича и его чешских и немецких коллег и друзей из среды пражского студенчества к вооруженной защите конституционно-демократических свобод на случай возможного (и ожидавшегося радика-лами) наступления реакции. Он указывает в этой связи на проводившиеся строго конспиративно собрания с целью определения возможно более широ-кого круга лиц, которые могли бы быть привлечены в случае необходи-мости к участию в революционных действиях. Жачек пишет, что для под-готовки такого резерва объединили свои действия радикальные демокра-ты из "Рипила" (В. Гауч, Л. Рупперт, Ф. Гавличек) и радикально наст-роенные студенты, среди которых был и Фрич. В этот резерв имелось в виду включить прежде всего членов "Славии", "Сворности", членов боль-шинства студенческих вооруженных формирований. Фрич на этот случай готовил членов военной секции "Славии" и имел задачей в критической обстановке занять университетское здание Клементинум и расположенную вблизи него въездную башню Карлова моста через Влтаву. Фрич прилагал большие и энергичные усилия для ускоренной военной подготовки своего вооруженного формирования, обеспечения его оружием и боеприпасами, что было сопряжено тогда со значительными трудностями. Особенно нас-тойчиво он добивался того, чтобы студенты не разъезжались из Праги на каникулы, к чему их настойчиво призывали и подталкивали власти. Были подготовлены и соответствующие карты (планы) пражских господ-ствующих высот (Вышеград, Петршин, Градчаны, Бельведер и т.д.) с обо-значением наиболее удобных для овладения ими подходов (таких планов было составлено шесть). Организационную и пропагандистскую работу по подготовке к предстоящей борьбе с реакцией Фрич вел и во время сос-

товавшегося в Праге Славянского съезда. Он установил контакты с революционно настроенными делегатами съезда (Бакунин, Либельт), с приехавшими в Прагу представителями венского революционного студенчества. 11 июня он посетил пролетарский район Праги Смихов с целью пригласить рабочих-типографов принять участие на следующий день в организованном по инициативе студентов торжественном богослужении во имя всеобщего братства и сотрудничества населения Праги без различия национальности. Это богослужение, в котором приняли участие представители прогрессивно настроенных слоев пражского населения — и чехи, и немцы, в том числе около 2500 рабочих, и состоявшаяся после него демонстрация закончились столкновением пражан с войсками и стали началом Пражского восстания 12—17 июня 1848 г.

Фрич сразу же принял участие в боевых действиях, возглавив в соответствии с имевшейся ранее договоренностью с "рипилистами" оборону Клементинума и нескольких окрестных баррикад, из которых наиболее важной и укрепленной была баррикада в арке въездной башни на Карлов мост. В первый день боев студентами был опознан на улице и взят в плен земский (губернский) президент Чехии граф Лев Тун, который был заключен Фричем в одно из помещений Клементинума в качестве заложника для предстоявших переговоров с Виндишгрецом.

Жечек отмечает, что Фричу удалось в начале восстания обеспечить снабжение боеприпасами и питанием защитников баррикад возглавлявшегося им участка боев, среди которых только студентов было около четырехсот, что свидетельствовало о его немалых организационных способностях. Желание же Фрича использовать захват Л. Туна в подкрепление требований повстанцев об отстранении Виндишгреца от командования войсками и о сокращении их численности в Праге не осуществилось. 13 июня в Клементинум явилась делегация либералов во главе с Палацким, при участии Шафарика, К. Гавличека-Боровского и др., уговорами и угрозами добившаяся от повстанцев освобождения Л. Туна, несмотря на категорические возражения Фрича. Последний в знак протеста сложил было с себя полномочия командира и покинул Клементинум, но после возобновления атак войск Виндишгреца 14 июня вернулся по просьбе сражавшихся студентов и продолжил борьбу. Жечек, оценивая в целом последующие действия Фрича, относит его к числу наиболее активных организаторов обороны города от войск Виндишгреца.

16 июня повстанцам был предъявлен ультиматум: капитуляция города, выдача четырнадцати заложников, в том числе Й.В. Фрича и его отца Й. Фрича, ликвидация баррикад. После ожесточенной бомбардировки 16 и 17 июня занятых повстанцами районов Праги город сдался.

Последней акцией Фрича перед тем, как он сложил с себя полномочия "командира Клементинума", было его обращение к "пражскому мечанству" (горожанам — *měšt'anstvu*), под которым он имел в виду прежде всего возглавленных Палацким либералов и их единомышленников (167,

с. 327-328). Он с горечью упрекал их в том, что они не только не приняли участия в защите Праги от войск Виндизгреца, но появились среди повстанцев лишь для того, чтобы посеять между ними раздоры и замешательство; в том, что они предали своих сыновей, боровшихся за свободу. В этом обращении Й. В. Фрич, в частности, очень точно определил водораздел между национально-либеральным и радикально-демократическим течениями периода революции. "Вы боитесь нашего народа, - писал он, - а мы его любим и потому сражаемся за его свободу" (167, с. 327).

Последний раздел главы о революции Жачек посвящает участию Й.В. Фрича в подготовке так называемого майского заговора, т.е. намечавшегося на май 1849 г. антигабсбургского восстания в Праге, которое, как предполагалось его организаторами (М. Бакунин и др.), должно было быть поддержано революционными выступлениями в Германии (Саксония), Венгрии и польских землях с целью добиться падения монархии Габсбургов, царизма в России, восстановления Польши, создания независимого Чешского государства, образования союза свободных народов.

Фрич выступает в этот период как лидер радикального крыла студенческого движения (150, с. 86), организатор (в марте 1849 г.) студенческого союза "Чешско-моравское братство", ставшего наиболее влиятельным объединением чешских студентов. Аналогичную роль среди немецких студенческих объединений в Праге играл союз "Маркомания". Оба эти союза положительно восприняли призывы Бакунина объединить усилия чешского и немецкого студенчества в борьбе с реакцией. Они установили между собой контакты, разработали планы совместного революционного выступления, распределили сферы взаимодействия и конкретные задачи, которые должны были выполнять чешские и немецкие студенческие отряды в ходе восстания. Одновременно Фричем и другими студентами были установлены контакты и с бывшими "рипилистами" обеих национальностей, а также непосредственно с Бакуниным, приезжавшим в Прагу и встречавшимся с представителями чешской радикальной демократии и студенчества также в Лейпциге и Дрездене. В контактах с Бакуниным и его уполномоченными участвовали "рипилисты" Э. Арнольд, К. Сабина, В. Гауч, К. Сладковский, Ф. Гавличек, Й. Подлипский, Л. Рупперт и др. В середине апреля 1849 г. в Дрездене Фрич встретился с Бакуниным, который ориентировал его относительно целей восстания, подчеркивал необходимость обеспечения совместных действий в чешских землях революционеров обеих национальностей, давал ему конкретные советы по организации восстания.

Жачек отмечает, что во время пребывания в Дрездене Фрич встречался не только с Бакуниным, но и с представителями Централизации Польского демократического общества (организации польских эмигрантов в Париже) В. Гельтманом и А. Кшыжановским, обсуждал с ними вопросы подготовки к совместному восстанию. Он подчеркивает, что рекомендации поляков отличались от советов Бакунина: если последний настойчиво добивался всемерного ускорения восстания, то поляки проявляли сдержанность, стрем-

ление к обеспечению возможно больших гарантий успеха путем более тщательной его подготовки. Однако в целом и поляки были настроены оптимистически, полагая, что ослабленная борьбой с венгерской революцией монархия Габсбургов может не суметь противостоять восстанию в чешских землях и соглашаясь с бакунинской идеей распространения восстания на остальные славянские земли и координации его с революцией в Венгрии и Германии (150, с. 96).

Жачек характеризует дальнейшие действия Фрича по подготовке восстания, указывает как на важные этапы этой подготовки на формирование 18 апреля студенческого революционного комитета (Й. В. Фрич, Г. Страка, М. Маус, П. В. Кляйнерт, Й. Недвидек), действовавшего в контакте с подобным комитетом "рипилистов" (В. Гауч, Ф. Гавличек, В. Вавра, К. Прейс, К. Стефан и др.) и преподавательским комитетом (Бруна, К. Циммер, К. Сладковский, К. Патрубан), а также на образование предполагаемого революционного правительства в составе чехов Й. Подлипского, К. Сладковского, К. Сабины, В. Гауча, Ф. Яроша и немцев К. Патрубана и К. Циммера.

Особо подчеркивает Жачек стремление революционного студенчества привлечь к восстанию широкие слои населения, прежде всего рабочих, а также военнотружеников (150, с. 97). Глава заканчивается указанием на обстоятельства раскрытия и ликвидации заговора властями.

Освещению различных аспектов революционных событий 1848-1849 гг. и участию в них представителей радикально-демократического и национально-либерального течений в чешском обществе посвящены в той или иной мере соответствующие разделы и в других историко-биографических монографиях, таких, как книги М. Отрубы о Божене Немцовой (241), Я. Новотного о Франтишке К. Кампелике (213), М. Каняка о Йозефе Франте Шумавском (242), З. Дворжаковой о Франтишке Матоуше Клацэле (162), В. Жачека о Франтишке А. Захе (165), Й. Гаека, З. Ш. Зденека (З. Шамбергера) и В. Освальда о Йозефе Каетане Тыле (243; 244; 245) и др.

При этом М. Отруба отмечает в своей монографии, что жившая в провинции (в Ходском крае), еще неискушенная в политике к началу революции 28-летняя Божена Немцова далеко не сразу разобралась в событиях, не примкнула ни к какому из политических лагерей. Но уже тогда в своих первых публицистических выступлениях она с поразительной глубиной отразила страдания и нужды трудящихся слоев населения, проявила понимание того, что трудовой народ ждал не обещанных правительством конституционных свобод, а работы и хлеба. Отруба напоминает высокую оценку Юлиусом Фучиком тогдашней позиции Б. Немцовой, которая выразила с таким участием, как никто другой из чешских писателей тогда и еще долго потом, рабочий взгляд на господскую свободу. Автор рассказывает о ее активной просветительской деятельности в провинции в те годы, говорит о ней как о "народном агитаторе", стремившемся помочь народу самому разобраться в происходящих событиях.

Особо выделяет Отруба тот факт, что Б. Немцова сумела осознать ничтожность (с точки зрения подлинных интересов народных масс) требований либеральной буржуазии, критиковала "пражское мещанство" — тех, кто "выдавал себя за патриотов, а во время (Пражского. — И.У.) восстания выступил против народа в страхе за себя и свою собственность" (241, с. 72-76). Книга Отрубы интересна тем, что в ней мы находим отражение революционных событий в близких народу кругах чешской интеллигенции.

Я. Новотный в книге о Ф.К. Кампелике особое внимание уделяет развитию "рабочего вопроса" в ходе революции, усилиям либералов предотвратить "нежелательные эксцессы" со стороны пролетариата и деятельности в этой связи Кампелика, возникновению по инициативе радикалов союза "Славянская липа"^ж и его роли в общественной жизни чешских земель и т.п. (213, с. 100-163).

М. Каяк характеризует Й. Франту Шумавского как сторонника политических взглядов "рипилистов", отстаивавшего требование "организации труда и заработной платы", приверженца социалистических идей. Он относит Й. Франту к тем радикальным демократам, которые в развернувшейся борьбе искали опору в чешском пролетариате, а также в массовых национально-освободительных движениях других славянских народов империи; отмечает активное участие Й. Франты в Славянском съезде и Пражском восстании, во время которого он проявил мужество и отвагу при обороне нескольких баррикад, а затем его видную роль в рядах "Славянской липы" на ее левом, демократическом крыле (242, с. 134-149).

Об эволюции философских и политических взглядов Ф. М. Клацела в годы революции, о его адресованных Божене Немцовой "Письмах друга к подруге о происхождении социализма и коммунизма" идет речь в книге З. Дворжаковой (162, с. 70-95).

Монография В. Жачека о сербском генерале чешского происхождения Франтишке Александре Захе интересна с точки зрения нашей темы прежде всего в той части, которая касается участия Заха в Славянском съезде и Пражском восстании (165, с. 105-119). Опубликованная в 1977 г. книга наиболее компетентного ныне чехословацкого специалиста по истории Славянского съезда содержит его новейшие оценки этого исторического события, особенно роли австрославистской концепции в ходе съезда, участия Заха в разработке программы съезда и заключительных документов и характера этих документов, а также вопроса о взаимосвязи Славянского съезда и Пражского восстания. По поводу последнего вопроса он пишет, что, как показало тщательное его изучение, нельзя доказать какую-либо прямую связь съезда как организованной акции с началом восстания, но участие отдельных участников съезда в боях несомненно. Приезд в Прагу большого числа славянских гостей способствовал подъему национального и политического самосознания народных масс, ощутивших опору в многомиллионном славянстве. Особое влияние в этом плане оказало на пражс-

^ж О монографии Я. Новотного, специально посвященной "Славянской липе", см. ниже.

кое население участие в съезде многих поляков-эмигрантов, пользовавшихся большой популярностью самоотверженных борцов за свободу.

Одной из интереснейших, ярких и вместе с тем неоднозначных фигур политической и культурной жизни периода революции был выдающийся писатель, драматург и журналист Йозеф Каetan Тыл, в общественной деятельности и творчестве которого в эти годы особенно выразительно проявились противоречия и сложности национально-политического развития чешских земель.

Известный чехословацкий литературный критик и публицист Иржи Гаек характеризует Й. К. Тыла в политическом плане как непримиримого борца против феодализма и вместе с тем первого глубокого критика противоречий нарождающегося капитализма, смелого трибуна народных масс; как одного из тех, кто наиболее активно подготавливал в идейном отношении революционную атмосферу 1848 г. (243, с. 14).

Заложив вместе с К. Гавличек-Боровским основы современной журналистики, Й. К. Тыл наиболее полно выражал прогрессивные, революционные идеи того времени в своей драматургии, положившей начало современной чешской театральной культуре. И. Гаек указывает в то же время и на противоречивость идейных и политических позиций Й. К. Тыла, который, с одной стороны, принял участие в боях на баррикадах Пражского восстания, а с другой - был сторонником сформулированной Ф. Палацким и К. Гавличек умеренно-либеральной австрославистской концепции, разделяя с ее творцами всю непоследовательность, все ошибки и заблуждения этих лидеров чешской буржуазии (243, с. 11-13).

З.Ш. Зденек в обстоятельной монографии о политических взглядах и деятельности Й.К. Тыла определяет их место и значение в общественном развитии чешских земель середины прошлого столетия, рассматривая Тыла как представителя демократического идейного течения, которое по своему характеру не может быть отождествлено ни с либеральным, ни с радикальным лагерем, а представляет собой своего рода переходную форму от первого ко второму (244, с. 6). З.Ш. Зденек подчеркивает, что, хотя Й.К. Тыл и не был политиком в собственном смысле слова, его творчество в целом имело определенно выраженное политическое содержание и влияние. Говоря о постепенном приближении Тыла в некоторых вопросах к позициям радикалов, он отмечает, в частности, что взгляды Тыла мало чем отличались от сформулированных радикалами в их программном заявлении от сентября 1848 г., в котором они провозгласили себя принципиальными противниками каких бы то ни было привилегий и заявили, что будут защищать бедных против богатых. Был близок Тыл к радикалам и в подходе к некоторым социальным требованиям, таким, как требование права на труд и т.п. (244, с. 168-169).

Интересен анализ З.Ш. Зденеком характера демократических взглядов Тыла. Типичный буржуазный демократизм чешских либералов З.Ш. Зденек определяет как стремление к формальному равенству граждан перед зако-

ном, как восприятие всех вопросов экономической и общественной жизни с позиций либерализма, как национализм и отсутствие интереса к решению социальных проблем. Говоря о демократизме радикальных демократов, он подчеркивает, что они исходили из последовательного понимания основных лозунгов французской буржуазной революции в их якобинской трактовке, стремились к реализации в 1848 г. революционным путем этих демократических принципов. "Радикальные демократы, — пишет З.Ш. Зденек, — опирались на самые широкие слои народа, к которым в тогдашних условиях следует отнести мелкобуржуазную интеллигенцию, студенчество, городскую и сельскую бедноту, значительную часть мелкобуржуазных слоев города и деревни, а также еще не имевший самостоятельной политической организации промышленный пролетариат" (244, с. 154).

Автор считает неправильным рассматривать демократизм Тыла как близкий к демократизму либералов. Неверным было бы и зачислять Тыла в ряды радикальных демократов, хотя он временами стоял к ним ближе, чем к либералам. "Тыл часто приближался к радикальным демократам и понимание социальных нужд народа в отличие от либеральных демократов не было ему чуждо. Но он не видел необходимости и логики революционного решения политических и социальных проблем как их понимали — пусть еще не всегда четко и в значительной мере стихийно — радикальные демократы. С другой стороны, однако, он не исключал в принципе необходимость революционных решений, как это видно из ряда его заявлений, многочисленных высказываний и из содержания лучших его театральных пьес. Таким образом, он не был либералом, но и до радикально-демократических взглядов в полной мере не дозрел" (244, с. 155).

С точки зрения анализа политических взглядов, общего мировоззрения Й.К. Тыла и их эволюции работа З.Ш. Зденека представляется наиболее фундаментальной и обоснованной широким кругом источников.

Один из аспектов политической активности Й.К. Тыла в 1848—1849 гг. — его публицистическая деятельность в эти годы — рассмотрен в книге В. Освальда "Журналист Йозеф Каетан Тыл" в связи с содержанием редактировавшихся им тогда газет "Pražský Posel" ("Пражский вестник") и "Sedlské Noviny" ("Сельская газета") (245, с. 49—94). Освальд отмечает важную роль публицистики Тыла, как и в целом названных газет, для политического воспитания широких слоев народа, особенно сельского населения, крестьянства. Он подчеркивает, что Тыл как выразитель народных нужд «вел борьбу против феодалов, бюрократов и автократов весной 1848 г. в одном строю с остальными радикальными демократами и бывшими "рипилистами" Сабиной, Ваврой, Руппертом, Арнольдом, Либлинским и их сторонниками. Особенно важно то, — пишет Освальд, — что Тыл с помощью своих газет завоевывал на сторону требований радикальных демократов чешскую деревню, создавая тем самым ее прогрессивную традицию» (245, с. 58).

Вместе с тем Освальд отмечает и слабые места политической позиции

Тыла, его наивную веру в обещания императора и в возможность преобразования Австрийской империи в основанное на национальном равноправии и на "справедливом отношении к славянским народам" федеративное государство, его предвзятое отношение к венгерской революции и к октябрьской (1848 г.) революции в Вене (хотя мартовским и майским революционными событиями в Вене в 1848 г. он симпатизировал).

Особое место в истории буржуазно-демократического идейно-политического движения периода революции 1848-1849 гг. занимал Августин Сметана - философ и революционер, священник и один из политических и идейных лидеров чешского студенчества, декан философского факультета Карлова университета, участник боев на баррикадах Пражского восстания.

В 1950 г. в Брно была опубликована брошюра Милоша Калаба (159), в которой предпринята попытка дать обобщенную принципиальную оценку идейно-политических позиций и деятельности А. Сметаны, главным образом в революционные годы. Полезная публикация об А. Сметане была осуществлена Иреной Михняковой в 1963 г. (246), а в 1965 г. Ярослава Пешкова включила характеристику взглядов А. Сметаны в свою монографию об утопическом социализме в Чехии в XIX в. (104).

М. Калаб подчеркивает, что политическое выступление А. Сметаны в 1848 г. на стороне радикальной демократии определялось всем характером его развития как мыслителя в предреволюционные и революционные годы, как чешского левогегельянца, приблизившегося в некоторых аспектах и взглядах Л. Фейербаха, хотя и не вставшего на материалистические позиции. Сметана воспринял у Гегеля и ввел в чешскую философскую мысль диалектический метод, рассматривал общество в его развитии и исходил из необходимости революционной борьбы против изжившего себя феодального строя, ставшего тормозом общественного развития.

Калаб подчеркивает, что под идеалистической, утопической поверхностью мировоззрения Сметаны получили развитие многие выдающиеся для своего времени идеи, например: характеристика государства как органа классового насилия; представление о неизбежности отмирания государства и возникновения бесклассового общества; понимание необходимости революционных общественных преобразований; мысль об отмирании религии и т.п. Калаб расценивает эти элементы мировоззрения Сметаны как выходящие порой за рамки идеологии буржуазной революции и ставящие Сметану в ряд утопических социалистов (159, с. 30). Наука, прежде всего философия, это для Сметаны орудие борьбы за прогресс, против таких консервировавших феодальный общественный строй традиционных институтов, как церковь и государство. "В этой борьбе Сметана стоит на классовой позиции радикальной буржуазии и становится идеологом ее наиболее активной части - прогрессивного студенчества", - пишет Калаб (Там же).

Сметана в 1848 г. стал опасен для реакции прежде всего тем, что он неустанно подчеркивал первостепенную важность с о ц и а л ь н о й борьбы по сравнению с борьбой национальной, невозможность достижения

свободы народа и личности без свободы социальной. "Он указывал, — продолжает Калаб, — что только социальное освобождение человечества с помощью науки приведет автоматически и к освобождению нации и отдельной личности, при этом к освобождению не только от рабства общественных отношений, но и от рабства у природы. Сметана вскрыл сущность национального вопроса в 1848 г. и реакционной политики венского правительства, заключавшейся в стремлении утопить классовую антифеодальную борьбу в борьбе национальной, в ходе которой революционные силы взаимно истребляли бы друг друга" (159, с. 31).

Указывает Калаб и на слабые стороны мировоззрения Сметаны — на его идеализм и утопизм, обусловленные объективными обстоятельствами чешской (и общевосточной) действительности того времени; слабостью развития капиталистических отношений, неразвитостью пролетариата и его классовой борьбы против буржуазии, сложностью национальных отношений в империи и другими известными факторами.

Калаб завершает свою работу об А. Сметане его высокой оценкой "как революционного демократа, боровшегося против феодального общественного строя, и как утопического социалиста, стремившегося одновременно освободить культуру от церковных пут", как яркое явление чешской национальной культурной традиции (159, с. 32).

Как крупнейшего чешского философа XIX в. характеризует А. Сметану Я. Пешкова (104, с. 126—134), подчеркивая, что в отдельных аспектах своего мировоззрения, в частности в общих представлениях о будущем человечества, он в какой-то мере приближался к некоторым идеям о грядущем "царстве свободы", нашедшим дальнейшую разработку в трудах основоположников марксизма (104, с. 131—133).

ж ж ж

Немало интересных данных о позициях и деятельности как национально-либерального, так и радикально-демократического направлений в среде чешской буржуазии содержится в работах Ярослава Кржижека (180; 181; 182), прежде всего в его монографии о национальных гвардиях в 1848 г. (182). Одна из первых работ чехословацких историков-марксистов о революции 1848 г., эта монография включила обширный конкретно-исторический материал, раскрывающий фактическую сторону событий. Можно сказать, что здесь читатель находит одно из лучших сжатых изложений истории революционных лет, особенно хода и последствий Пражского восстания. В то же время автор дает и принципиальную оценку практической политики либералов и радикалов, характеристику политических различий между ними.

В своих выводах автор подчеркивает, что либеральная буржуазия оказалась неспособной выполнить объективно вставшую перед ней историческую задачу — повести народные массы на революционную борьбу против феодального гнета. Страх перед революционным народом привел ее к тесному сотрудничеству со старым режимом, с дворянством, с оставшейся верной Габсбургам армией, к стремлению сохранить Австрию во главе с ее

реакционной династией, к пренебрежению революционными стремлениями и интересами других народов империи, а тем самым — к переходу в лагерь контрреволюции. Кржижек пишет, что поражение революционного движения, закрепившее на многие десятилетия угнетение чешского народа габсбургской монархией, было предопределено именно политикой либеральной буржуазии, а вовсе не политическими акциями радикальных демократов, не Пражским восстанием, не недостатком якобы революционных настроений в массах, как это утверждала буржуазная историография.

В этой связи Я. Кржижек дает и оценку национальным гвардиям как вооруженной силе буржуазии, создававшейся при прямом содействии органов власти империи. Гвардии стали фактическим довеском старой реакционной армии и имели своей главной задачей вовсе не защиту революционных завоеваний народа и конституции, а прежде всего и главным образом "сохранение спокойствия и порядка", т.е. защиту имущества и политических интересов буржуазии и ее союзников в борьбе прот и в революции (182, с. 247-248).

В противовес либералам Кржижек характеризует радикальных демократов как представителей демократического, народного течения, политической школой для которых стали такие события, как Пражское восстание, октябрьское вооруженное восстание в Вене, революционная борьба венгров, национальные столкновения, оппортунистическая политика чешских буржуазных либералов и революционные события в Центральной и Западной Европе. Он особо выделяет стремление радикальных демократов к последовательному осуществлению целей буржуазно-демократической революции, их бескомпромиссную позицию по отношению к старому режиму и его представителям — дворянству и бюрократии. Их требования всеобщего избирательного права и однопалатного парламента имели целью полное устранение дворянства с политической арены. Отсюда и стремление всемерно опираться на народные массы, прежде всего — на крестьянство, в интересах которого радикальные демократы отстаивали требование отмены барщины без выкупа, призывали крестьян вооружаться для защиты своих прав. Я. Кржижек ссылается на разработанный Э. Арнольдом под влиянием майского (1848 г.) восстания в Вене план подготовки крестьянского восстания с целью ликвидации привилегий дворянства. Этот неосуществившийся план предусматривал сосредоточение в Праге к моменту предстоявшего созыва Чешского сейма нескольких десятков тысяч вооруженных крестьян, под воздействием которых имелось в виду добиться полного очищения сейма от реакционеров. Как принципиальную ошибку радикальных демократов Я. Кржижек справедливо отмечает то, что в период, предшествовавший Пражскому восстанию, и в ходе восстания они так и не выдвинули лозунг парцелляции и передачи крестьянам помещичьей земли. Именно этот лозунг мог бы решительно радикализировать настроения и действия крестьянских масс в период тогдашнего революционного подъема. Выдвинутый Э. Арнольдом лишь весной 1849 г., этот лозунг уже не мог

поднять массы — было уже поздно, революция уже потерпела к тому времени поражение (182, с. 76—85).

Я. Кржижек указывает на стремление радикальных демократов добиться улучшения материального и социального положения пролетариата, а также на тот важный факт, что решение национальных проблем они подчиняли (что соответствовало задачам европейской революции) интересам борьбы против реакции, т.е. прежде всего против дворянства и феодальной бюрократии. Именно с этих позиций они видели союзников в германских и австрийских демократах, проявляли открытые симпатии к революционной борьбе итальянцев, а затем и венгров.

На основании конкретных материалов чехословацких архивов Я. Кржижек убедительно показывает, что абсолютное большинство формирований и членов национальных гвардий, состоявших в основном из представителей буржуазных слоев населения и возглавлявшихся, как правило, офицерами-дворянами, в ходе Пражского восстания и при возникновении социальных волнений на местах выступили активно против повстанцев и участников волнений, на стороне армии и режима. В этой связи следует отметить, что в моей работе 1951 г. о событиях в Чехии в 1848 г. (192) ввиду отсутствия тогда достоверных данных по этому вопросу было преувеличено участие национальных гвардейцев на местах в акциях по оказанию помощи Пражскому восстанию. Работы Кржижека существенно уточняют этот аспект событий 1848 г. в чешских землях.

Представляют интерес подсчеты Я. Кржижека относительно численности противостоявших пражским повстанцам и народным выступлениям на местах объединенных сил войск Виндишгреца и национальных гвардий. Он пишет, что после присоединения к пражскому гарнизону частей местных гарнизонов из городов и крепостей Градец-Кралове, Пардубице, Тёрезин, Локет и Жатец общая численность подчиненных Виндишгрецу войск составила 40 тыс. человек. Суммарная численность отрядов национальных гвардий превышала 100 тыс. чел., в том числе в Праге национальная гвардия насчитывала около 7 тыс. чел., из которых, по свидетельству Й.В. Фрича, лишь примерно 50 чел. приняли сторону повстанцев в Клементинуме (182, с. 127).

В целом следует весьма положительно оценить работы Я. Кржижека как серьезный вклад в историографию революции 1848—1849 гг. в чешских землях.

Ценные данные для характеристики политических направлений в чешском обществе в годы революции и взаимоотношений между ними содержатся в работе Яна Новотного "Славянская липа 1848—1849" (111), ставшей первой монографией, специально посвященной этой первой политической организации чешской буржуазии (преимущественно — буржуазной интеллигенции), возникшей в конце апреля 1848 г.

Инициатива создания общества "Славянская липа" исходила от ради-

кальных демократов, прежде всего — бывших "рипилистов", но на начальном этапе его деятельности большинство в руководящих органах составляли либералы. Тем не менее влияние радикалов на практическую деятельность общества, на проводимые им конкретные акции было значительным.

Среди главных целей, которые имели в виду радикальные демократы при создании общества, был поиск организационных форм, которые способствовали бы закреплению первых завоеваний буржуазной революции. В соответствии с этим один из главных пунктов его программы предусматривал "защиту и развитие конституционного принципа". Остальные пункты требовали последовательного осуществления в монархии Габсбургов национального равноправия, гарантий против угроз со стороны великогерманского национализма, развития взаимоотношений и связей между славянскими народами Австрийской империи, а также мер в поддержку чешской промышленности и торговли на рынках других регионов этой империи, особенно с преимущественно славянским населением. В этих направлениях и развивалась главным образом агитационно-пропагандистская деятельность общества, описываемая в монографии Я. Новотного.

Представляет интерес характеристика Я. Новотным позиции "Славянской липы" относительно вооруженного восстания в Вене в октябре 1848 г. Эта позиция, отражавшая общую политическую линию чешской буржуазии, была в целом отрицательной. Руководство "Славянской липы" поддержало, в частности, действия чешских депутатов австрийского рейхстага, покинувших революционную Вену, и высказалось за перемещение рейхстага в другой город. Однако, пишет Я. Новотный, внутри "Славянской липы" имелись различия в оценке венской революции. Радикально-демократическое крыло не отвергало революционное восстание венского населения как таковое: оно решительно выступило против "великогерманского национализма" и "мадьярофильства" его вождей. В то же время радикальные демократы осознавали, что поражение революции в Вене неизбежно приведет к усилению позиций реакционных сил в империи, что, в свою очередь, осложнит осуществление чешской национально-политической программы, даже в ее австрославистском варианте. После поражения венской революции "Славянская липа" выступила против репрессий, обрушенных на повстанцев военной камарильей. Некоторые представители радикального крыла "Славянской липы" приняли участие в подготовке "майского заговора" 1849 г. и были репрессированы, хотя это общество как национально-политическая организация не имело отношения к заговору.

В книге Я. Новотного обоснованно отмечаются непоследовательность, политические колебания и ошибки участвовавших в деятельности организаций "Славянской липы" радикальных демократов, проявившиеся, в частности, и в их отношении к венской революции, в поддержке австрославистского курса чешских либералов и т.п. Нельзя, однако, не видеть, что это во многом объяснялась, помимо прочих причин, и тем, что демократические левые круги немецких депутатов австрийского рейхстага

открыто и часто в резкой форме отстаивали не учитывавший интересов славянских народов националистический великогерманский курс, а относительно национальных споров в Венгрии придерживались промадьярских, антиславянских позиций. Все это серьезно запутывало и усложняло межнациональные отношения, мешало чешским радикальным демократам занять в ходе событий 1848-1849 гг. последовательно революционные позиции, о чем подробнее речь пойдет ниже, в третьей главе настоящей монографии^{1ж}.

Неотъемлемой и весьма активной составной частью радикально-демократического движения в 1848-1849 гг. была революционно настроенная часть студенчества, прежде всего - пражского, вставшая в первые ряды повстанцев чешской столицы в июне 1848 г. Студенческому движению этих лет в последние десятилетия было посвящено лишь несколько работ, из которых остановимся на двух важнейших.

Сжатый, но содержательный очерк участия студентов пражского университета в революционных событиях содержится в опубликованной в 1964 г. "Краткой истории Карлова университета" (247, с. 179-190). Автор очерка Карел Кучера подчеркивает, что "участие студенчества в Пражском восстании относится к наиболее ярким страницам истории пражского университета" (247, с. 187). Он отмечает, что хотя к моменту начала восстания многие студенты разъехались на каникулы либо отправились в революционную Вену, что сократило численность студенчества в Праге и, следовательно, возможности активных действий там, все же его радикальная группировка сумела встать во главе сражавшихся на баррикадах пролетарских, ремесленных и мелкобуржуазных слоев пражского населения. Они были подготовлены к этому активным участием в предшествовавших политических событиях марта - мая 1848 г., влиянием революционных выступлений в Вене и в европейских странах. Важную положительную роль сыграло длительное политическое сотрудничество чешских и немецких студентов, их совместные выступления в ходе событий под радикальными лозунгами, их контакты с демократическими слоями сельского и городского населения, с рабочими, ремесленниками Праги.

"Студент 1848 года, - пишет К. Кучера, - не был аудиторным студентом, он был прежде всего членом академического легиона. Клементинум и Каролинум^{2ж} были для него центрами студенческих собраний" (247, с. 186). Он подчеркивает, что к концу мая ключевые позиции в студенческом союзе "Славия" занимали уже радикалы и "Славия" вместе с обществом "Славянская липа" представляли собой центр всего радикально-демократического направления. Его программа была в тот период нацелена на буржуазно-демократические преобразования, однако от национал-

^{1ж}Краткую общую характеристику книги Я. Новотного "Славянская липа 1848-1849" см. также в рецензии А.С. Мыльникова (248).

^{2ж}Одно из главных зданий пражского университета. - Примеч. ред.

либералов радикальные демократы отличались важным требованием ликвидации барщины без выкупа. Пропаганду этого требования студенты развернули в провинции, а в Праге устанавливали связи с рабочими, главным образом в пролетарском районе Подскалье. Возглавлявшаяся Й.В. Фричем военная секция "Славии", готовившаяся к вооруженному отпору реакционной военщине, пропагандировала оправданность, а в случае наступления реакции — и необходимость насильственных, революционных методов борьбы (Там же).

Касается автор очерка также участия пражского студенчества в подготовке "майского заговора", студенческих выступлений весной 1849 г. в поддержку Кошута и против Елачича.

Более обстоятельно, с привлечением обширного архивного материала вопрос об участии пражского студенчества, прежде всего учащихся Политехнического института, в революционных событиях 1848—1849 гг. рассмотрен в монографии Франтишека Илека, опубликованной в двух частях в 1965 и 1968 гг. (106; 107).

В первой части — "Пražский Политехнический институт и его студенты в революционном 1848 году" — автор анализирует социальный состав чешского студенчества, степень активности и организационные формы участия его различных слоев в общественной жизни и политической борьбе первых месяцев революции. Особое внимание он уделяет Пражскому восстанию 12—17 июня 1848 г., его последствиям и развитию политических процессов в чешских землях и в Вене во второй половине 1848 г.

Естественно, основное внимание автора сосредоточено при этом (как это вытекает и из названия работы) на характеристике участия в революционных событиях студентов Политехнического института, их роли и места в студенческом движении чешских земель в ходе этих событий. Он подчеркивает более демократический в сравнении с университетским студенчеством социальный состав учащихся Политехнического института, происходивших по большей части из низших слоев мелкой буржуазии и в своем большинстве поступавших на учебу уже после нескольких лет практической работы в сельском хозяйстве, в ремесленном производстве, на промышленных предприятиях или в учреждениях.

Характеризуя положение в студенческом лагере в целом, Ф. Илек приходит к выводу, что пражские студенты играли выдающуюся роль в революционном движении того времени, образуя в своей значительной части его боевую, радикально настроенную силу, которая, несмотря на внутреннюю дифференциацию, была относительно организованной, вооруженной и частично прошедшей военную подготовку. Особое место когорты студентов-политехников в рамках академического легиона определялось тем, что она была наиболее многочисленной (43% всех студенческих вооруженных формирований) и дисциплинированной и тем, что благодаря своей радикальной позиции она была ближе других к народным массам, к их политическим настроениям, в противовес пражской национальной гвардии. В студен-

ческом братстве "Славия" студенты-политехники составляли большинство, активно участвовали в деятельности его секций, в том числе и возглавлявшейся Й.В. Фричем наиболее радикальной военной секции "Славии".

Ф. Илек констатирует, что накануне Пражского восстания лидеры чешской радикальной демократии рассматривали студентов Политехнического института как важную и надежную опору в развертываемой борьбе; так же смотрели они и на большую часть студентов философского факультета Карлова университета. В меньшей степени это относилось к студентам медицинского и юридического факультетов университета. Такая оценка подтвердилась и в ходе восстания, когда политехники вместе со студентами философского факультета проявили наибольшую среди учащейся молодежи активность, организованность и стойкость, за что и подверглись суровым репрессиям. Тем не менее уже через месяц после подавления восстания они снова организовались под руководством избранного ими "Комитета пражских студентов", возглавленного наиболее радикально настроенным студентом-политехником Вацлавом Павлом Кляйнертом, активно призывавшим в октябре 1848 г. к солидарности с венской революцией, к поддержке повстанцев австрийской столицы.

Вторая часть монографии Ф. Илека целиком посвящена теме, выраженной в ее названии: "Участие студентов в подготовке революции в Чехии в 1849 году". В ней характеризуются студенческое движение в период октября 1848 г. до марта 1849 г., международные связи чешского студенчества и формы его непосредственного участия в подготовке восстания, обстоятельства провала "майского заговора" 1849 г. и его последствия. Автор подчеркивает, что в событиях мая 1849 г. в концентрированной форме проявилось противоборство радикально-демократического и национально-либерального направлений в чешской политике, произошло столкновение двух национально-политических программ и тактик. По словам Ф. Илека, вражда между обоими направлениями в период подготовки восстания обострилась до крайних пределов ненависти, когда Ф. Палацкий и К. Гавличек не скрывали своего желания, чтобы Арнольд был арестован, а организаторы восстания разрабатывали планы насильственного устранения либералов от руководства национальным движением (107, с. 500-501).

В подтверждение этого он приводит факт выдачи Палацким доверительно сообщенных ему сведений о подготовке восстания императорскому наместнику в Праге Карлу фон Мечери. Студент-медик Ян Гензел, узнавший о планах повстанцев от своего близкого друга - студента Политехнического института Яна Недвидека, входившего в состав руководства подготовкой восстания, оказавшись по вине Палацкого в руках властей, выдал им эти планы. Он сообщил, что заговор готовят "ультрадемократы" во главе с Сабиной и Арнольдом в контакте с немецкими демократами и польскими эмигрантами; что восстание начнется в Праге, где к повстанцам присоединится часть войск, и распространится на провинцию, где поднимутся крестьяне против помещиков; что будут захвачены крепости Терезин

и Йозефов; что имеется в виду подвергнуть репрессиям аристократов и лидеров национально-либеральной партии; что в распоряжении заговорщиков уже имеется более 800 ружей и т.п. (107, с. 481).

В результате принятых властями мер сторонники радикально-демократической программы, участвовавшие в подготовке восстания, были арестованы раньше, чем доказали свою способность к революционному действию. В Праге на несколько лет было введено осадное положение, и либералы-австрослависты получили возможность всю вину за последующие несчастья свалить на революционеров, пишет Ф. Илек. Он подчеркивает, что "весной 1849 г. потерпели поражение обе чешские программы. Но одна из них - при попытке не сдаться без боя, а другая - без такой попытки" (107, с. 501).

Ф. Илек характеризует восстание в Праге в июне 1848 г. и попытку восстания в мае 1849 г. как два кульминационных пункта в развитии радикально-демократического движения революционных лет. Он отмечает, что в отличие от Пражского восстания 1848 г., уже давно оцениваемого прогрессивной историографией как выдающийся революционный акт, "майский заговор" 1849 г. до последнего времени по большей части замалчивался или принижался, трактовался как нечто, находящееся за пределами чешского революционного движения, в чем отразилось влияние буржуазно-либеральной историографии. Между тем сравнение обстоятельств этих двух событий свидетельствует о том, что оба они связаны с действиями примерно одного и того же круга революционно настроенных людей. Тот факт, что в июне 1848 г. дело дошло до прямого вооруженного столкновения с войсками, а в мае 1849 г. такое столкновение было предотвращено властями, говорит в пользу первого из этих событий. Другие же факторы, характеризующие значительно более высокий уровень подготовки нового восстания, позволяют автору высказать мнение о большом историческом значении "майского заговора". Он указывает на большую зрелость программы радикалов весной 1849 г., на их планы международного сотрудничества в восстании с европейской демократией с целью свержения монархии, завоевания независимости чешских земель, провозглашения республики, образования союза европейских республик, устранения феодального дворянства, parcelляции помещичьих земель, раздела имущества богатей и т.д. (107, с. 459-472, 502).

Наиболее глубокое различие между революционными выступлениями в июне 1848 г. и в мае 1849 г. Ф. Илек видит в разном характере практических революционных акций: в первом случае - это открытые массовые действия на улицах и площадях, во втором случае - заговор, подпольная деятельность. Автор оценивает эту особенность действий радикалов весной 1849 г. как их главную отрицательную черту и ставит под сомнение ссылки сторонников такой тактики на то, будто бы революционное движение здесь с начала 1849 г. пошло на убыль. Он полагает спорным и неизученным вопрос о том, в какой мере тезис об отливе революционной волны применим к Чехии периода между мартом и маем 1849 г. В подтвержде-

дение своего мнения он приводит установленные факты выступлений и волнений безработных, молодежи и других слоев населения в конце апреля - начале мая 1849 г. Главную причину неуспеха подготовки восстания Ф. Илек усматривает не в "отливе революционной волны", а в выявившейся неспособности радикалов возглавить выступление масс на п р а к т и к е. По представлениям автора, большинство известных лидеров радикалов (за исключением Арнольда) не вело конкретной организационной и политической работы в массах, ограничиваясь в основном пропагандой в прессе. Вместе с тем Ф. Илек признает, что эта пропаганда оказала определенное воздействие на широкие слои населения, хотя трудно пока определить в какой мере. Бесспорно лишь, что весьма сильно она влияла на студенчество.

Студенты, пишет Илек, стали весной 1849 г. наиболее последовательными носителями идеи радикальной демократии, при том готовыми и к практическим действиям. Он высказывает сожаление по поводу того, что студенты, принявшие на вооружение идеи радикально-демократических публицистов, оказались, однако, в одиночестве в момент, когда захотели эти идеи осуществить. По мнению Илека, единственным, кто использовал революционные настроения студенчества, был М. Бакунин, не нашедший должной поддержки своим планам со стороны чешских радикальных демократов. "Таким образом, - пишет Илек, - только пражские студенты и Бакунин одни объединились для подготовки восстания в Чехии" (107, с. 503).

Такая трактовка представляется неточной, поскольку в этом случае, во-первых, революционно настроенное студенчество не рассматривается как составная часть радикально-демократического движения, противопоставляется ему как нечто совершенно самостоятельное, изолированное от основных направлений национально-политической борьбы. Во-вторых, такая трактовка, по сути дела, отрицает всякое участие радикальных демократов из нестуденческих слоев в подготовке восстания в контакте с Бакуниным и другими европейскими демократами, что не подтверждается выводами некоторых других авторов.

Вопрос о позиции и деятельности М.А. Бакунина в 1848-1849 гг., о степени и характере его влияния на чешское и словацкое общественное движение тех лет, о его участии и роли в Славянском съезде, Пражском восстании 1848 г. и в подготовке восстания весной 1849 г. выходит за пределы нашей темы и требует самостоятельного и обстоятельного рассмотрения. Здесь отметим лишь, что он привлекал и привлекает внимание чехословацких историков, особенно в Чейхана (249), а также Й. Кочи (97), З. Шамбергера (109), Т. Ивантышиновой (250) и др. Из советских авторов эту тематику затрагивала Н. Пирумова в своей книге о Бакунине (170).

В статье Й. Кочи "Чешская политика и Воззвание к славянам М. Бакунина" особо подчеркивается, что это "Воззвание" содействовало усилению тенденций демократического интернационализма в политических пози-

циях радикальных демократов, пониманию ими неизбежности поражения демократического движения при дальнейшем ограничении его узкими национальными рамками, осознанию необходимости создания общего фронта демократических сил всех народов Центральной Европы. Чешские радикалы провозглашали уже, хотя и непоследовательно, это необходимое для защиты революции требование на страницах своих газет, но в практическом плане предпринять что-либо не смогли. Действуя в границах национально-чешской территории чешских земель, они не сумели создать эффективно функционирующую организационную сеть, контакты пражских радикалов со своими единомышленниками в чешской провинции не были широкими. Имея относительно сильные позиции в пражском центре "Славянской липы", радикальные демократы значительно меньшим влиянием пользовались в ее местных филиалах, где по большей части преобладали либералы.

Бакунинское "Воззвание к славянам" и его личные контакты с чешскими радикальными демократами, с пражским студенчеством активизировали эти демократические слои в период подготовки к вооруженному восстанию в Чехии, которое предполагалось скоординировать с революционными выступлениями в Германии, прежде всего в Саксонии (97, с. 136).

Опубликованная в 1980 г. статья З. Шамбергера "Майский заговор в Чехии в 1849 г. и Михаил Бакунин" (109) представляет собой одну из последних по времени работ, в которой обобщаются итоги изучения чехословацкими историками вопроса о характере общественного движения первых месяцев 1849 г. в чешских землях. Ввиду этого остановимся на содержании этой статьи несколько подробнее.

З. Шамбергер констатирует факт фиксации радикальными демократами уже осенью 1848 г. своих разногласий с либералами по ряду вопросов в демократических органах печати "Občanské poviny", "Pražský večerní list" и "Noviny Lípy Slovanské". В них все чаще стали публиковаться статьи с критикой национальных либералов, затрагивающие в ряде случаев и социальную проблематику. Разногласия и противоречия усилились в марте 1849 г., после роспуска Кромержижского рейхстага, продемонстрировавшего полный провал политического курса чешских либералов. Все шире стало распространяться понимание того, что остановить дальнейшее наступление реакции может лишь последовательно проводимая демократическая политика, опирающаяся на поддержку широких слоев народа. В этой обстановке и появляется "Воззвание к славянам" Бакунина. Шамбергер оценивает как честные и искренние стремления Бакунина объединить усилия чешских и немецких демократов, содействовать включению все более радикализирующегося общественного движения Чехии в широкие рамки европейского демократического революционного движения.

Вместе с тем Шамбергер подчеркивает, что "революционизация" общественного движения в чешских землях имела объективный характер, развивалась и до выступления Бакунина с его "Воззванием", о чем свидетельствует распространение здесь, особенно среди студенчества и мелкобуржуазных слоев, демократических и республиканских идей в предшествующие

месяцы, главным образом под влиянием печати радикальных демократов.

Автор отмечает, что слабым местом позиции Бакунина в его отношении к Чехии и ее революционным возможностям были нежелание и неспособность считаться должным образом с конкретными условиями и реальной обстановкой в чешских землях. Именно этим объясняет Шамбергер неудачу попыток Бакунина договориться с наиболее ярким представителем чешских радикальных демократов Э. Арнольдом. По мнению Шамбергера, в основе возникшего между ними взаимного недоверия лежали различия в подходе к революционной практике и в общей концепции. В противовес бакунинскому стремлению "экспортировать" революцию Арнольд отстаивал ее "естественную внутреннюю причинность, порождаемую специфическими противоречиями, проявляющимися в собственно Чехии в отношении к Австрии, к правящему в ней феодальному классу, к трону, и обусловленными прежде всего социальными факторами. При этом Арнольд никогда не отвергал связи революционных выступлений в Чехии с общеевропейским революционным движением" (109, с. 369).

Шамбергер пишет, что в отличие от бакунинского узко заговорщического подхода Арнольд полагал необходимым добиваться широкой опоры в провинции, где в ряде областей вообще не было никаких правительственных войск, что создавало, по его мнению, перспективу совместного успешного выступления сельского населения с городским пролетариатом. Именно на достижение этой цели была направлена революционная агитация Арнольда в провинции.

Отсюда, говорит Шамбергер, проистекал и различный подход Арнольда и Бакунина к срокам восстания. Арнольд полагал необходимым подождать решительной победы венгров над императорскими войсками и приближения венгерской революционной армии к границам чешских земель, т.е. рассчитывал больше на венгерскую, чем на саксонскую (германскую) помощь, на которую в первую очередь ориентировался Бакунин.

Отмечает Шамбергер (со ссылкой на протоколы допросов Арнольда) и его ориентировку на то, чтобы путем массовых отказов от уплаты налогов и от поставок рекрутов в армию вынудить правительство применить репрессии, которые послужили бы сигналом к восстанию. В процессе его подготовки следовало в различных областях чешских земель накапливать оружие и организовывать обучение военному делу.

Особо подчеркивает автор активную роль студенчества в подготовке восстания, а также все более возрастающие революционные потенции пролетариата (прежде всего пражского), хотя и не имевшего тогда еще самостоятельных форм организации, но становившегося уже серьезной политической силой. Этого не принимал во внимание в своих планах Бакунин, рассчитывавший главным образом на помощь сельского населения.

На относительную слабость влияния Бакунина на подготовку восстания указывает и тот факт, что существовавшие в среде заговорщиков планы формирования революционного правительства не предусматривали включения

в него кого-либо из прямых сподвижников Бакунина и вообще вынашивались без какого бы то ни было его участия.

Представляет интерес характеристика Шамбергером основных причин провала "майского заговора" 1849 г. в чешских землях. На первое место он ставит преждевременность и неуспех восстания в Дрездене, быстро подавленного. Второй причиной он считает плохую, неумелую конспирацию, в результате чего о подготовке восстания знал чрезмерно широкий круг лиц, в том числе и не участвовавших в этой подготовке. В результате власти заблаговременно, уже с февраля, были достаточно хорошо осведомлены обо всем и имели возможность выбрать наиболее подходящий момент для нанесения удара по заговорщикам.

В качестве третьей причины провала "майского заговора" автор называет позицию чешской либеральной буржуазии и ее лидеров, которые в своей ненависти к революции и к демократам не только пошли на недвусмысленные предупреждения в своей печати властей о готовящемся восстании, но не остановились и перед прямым политическим доносом (автор имеет в виду упоминавшийся уже факт передачи Палацким властям сведений, полученных им по этому поводу из студенческих кругов). "Это было завершением не только политического, но и морального краха либералов, искавших выхода из тупика, в котором оказался потерпевший фиаско австрославизм, с помощью доноса на тех, кто находился по другую сторону баррикады. Они как бы сразу же в начале своего формирования предвосхитили на сто лет вперед поведение буржуазии как класса", — пишет Э. Шамбергер (109, с. 373). Однако главный недостаток подготовки восстания и главную причину его провала Шамбергер видит в заговорщическом характере подготовки, в чем в наибольшей степени проявилось влияние Бакунина, в других отношениях нередко переоцениваемое.

Шамбергер предпринимает попытку реконструировать планы и программные установки заговорщиков, подчеркивая однако, что такая реконструкция может быть лишь весьма условной ввиду неоднородности состава заговорщиков и наличия множества не совпадающих по своему характеру влияний на ход подготовки восстания со стороны различных политических сил. Он указывает, что заговорщики рассчитывали на быстрое вовлечение в восстание сразу же после его начала различных демократических слоев населения и на его координацию с революционными выступлениями в других странах. Идеино-политическая программа была рыхлой, включавшей самые разнообразные воззрения — от буржуазного республиканизма до идей социального утопизма, от общедемократических антифеодалных взглядов до попыток сформулировать социальные цели движения как борьбу за повышение материального благосостояния трудящихся классов. Переплетение идей и представлений европейских мелкобуржуазных утопических социалистов, Бакунина, венских демократов, польских революционеров, Арнольда, Сладковского, Сабины и др. создало весьма запутанную и противоречивую идейную основу практических действий участников заговора по подготовке

восстания, не смогло, да и не могло оформиться в единую, более или менее четкую идейно-политическую платформу. Тем не менее Шамбергер считает необходимым оценить деятельность радикальных демократов и студенчества по подготовке вооруженного восстания весной 1849 г. как важную акцию чешского народа в борьбе против наступающей реакции, как в ряде аспектов более зрелое политическое выступление, чем Пражской восстание в июне 1848 г.

В заключение укажем на статью В. Чейхана "Итальянско-славянское общество в Турине и радикальное движение в Чехии весной 1849 г.", содержащую интересные свидетельства о стремлении чешских радикальных демократов к контактам с итальянскими революционерами, призывавшими австрийских славян к совместной борьбе против империи Габсбургов как против общего врага, а также об использовании чешскими радикалами информации о революционных событиях в Италии для политической пропаганды в своей печати в период подготовки восстания (118, с. 313-352).

ж ж ж

Содержащиеся в приведенных выше работах факты, их анализ и обобщение свидетельствуют, на наш взгляд, о несостоятельности попыток приписания прогрессивности идейно-политических взглядов и политической роли чешских радикальных демократов в общественной жизни второй половины 40-х годов XIX в., особенно в период революции 1848-1849 гг. Эти факты подтверждают, что радикальная демократия, зародившаяся как политическое направление в мелкобуржуазной среде, но выражавшая интересы и широких трудящихся масс, занимает достойное место в истории прогрессивных, революционных традиций чешского народа в период, предшествовавший возникновению в чешских землях организованного рабочего движения.

Вместе с тем эти факты достаточно убедительно подтверждают реакционный, контрреволюционный характер политической практики чешской либеральной буржуазии в ходе революции 1848-1849 гг.

Глава III НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И РЕВОЛЮЦИЯ

В настоящее время можно считать общепризнанным в чехословацкой марксистской историографии, что реально сложившаяся в Австрийской империи к середине XIX в. система национальных взаимоотношений, особенности развития взаимоотношений различных народов империи в ходе революции 1848-1849 гг., иными словами, специфика проявления здесь в этот период национального вопроса стала одной из главных причин поражения буржуазной революции, ее незавершенности. Однако в конкретной трактовке этого общего вывода применительно к отдельным регионам и народам империи есть и различия, и противоречия, и неточности.

Так, например, И. Коржалка (251) видит главную причину глубоко негативного влияния национального вопроса на судьбу революционных процессов 1848-1849 гг. в чешских землях в том, что "на одной территории (т.е. на территории чешских земель. - И.У.) развивались одновременно два буржуазных национальных движения, чешское и немецкое, которые в основном вопросе - о национальном государстве - имели прямо противоположные программы" (251, с. 386).

Такая точка зрения верна, разумеется, в том смысле, что отмеченное И. Коржалкой обстоятельство действительно имело место и играло главенствующую роль в развитии здесь национальных противоречий. Но в то же время предложенное им объяснение неполно, а потому и недостаточно верно.

Неполно потому, во-первых, что оно не учитывает факт развития на территории чешских земель (в Силезии) также и польского национального движения, имевшего свою специфику и особые цели; потому, во-вторых, что оно не учитывает влияние на национально-политическое развитие чешских земель в годы революции тех процессов, которые происходили тогда на территории земель короны св. Стефана и сопровождались резким обострением противоречий и столкновений между мадьярами и немадьярским населением Венгрии, прежде всего - родственными чехам словаками; потому, в-третьих, что чешско-немецкие разногласия и противоречия не ограничивались различным подходом к вопросу о национальном государстве, а распространялись также на экономическую, идеологическую, культурную сферы. Таким образом, предложенное И. Коржалкой объяснение, верное в своей основе, не выражает, однако, всей сложности национального вопроса в монархии Габсбургов, оказывавшего пря-

мое воздействие на развитие национальных движений в чешских землях, а следовательно, и на чешское национальное движение.

Чешский национальный вопрос был составной частью общеавстрийского национального вопроса, сущность которого в период революции 1848-1849 гг. состояла в противоречиях и столкновениях буржуазно-национальных движений славянских народов империи, а также венгерского (точнее - мадьярского), румынского, итальянского национальных движений, во-первых, с немецким национальным движением, во-вторых, между собой и, в-третьих, с объективными интересами социальной революции. Эти интересы требовали ликвидации Австрийской империи, существовавшего в ней реакционного режима, без чего невозможно было осуществление назревших социально-экономических, политических, национальных и иных преобразований на капиталистической основе, невозможно было последовательное осуществление целей буржуазной (буржуазно-демократической) социальной революции.

Австро-немецкие и мадьярские революционеры стояли на позициях буржуазного национализма и не смогли в силу этого предложить другим народам империи, в том числе чехам, приемлемые для них принципы национальной политики, национально-политические программы. Тем более не смогли они выработать такую политическую практику, которая объединила бы их с революционными элементами других народов в совместной борьбе против феодализма и габсбургского режима. В результате они столкнулись с национализмом буржуазии угнетенных славянских наций, ставшей противником революции и союзником контрреволюционных сил. Этим революции был нанесен тяжелый удар, способствовавший тому, что тогда не была выполнена до конца ни одна из взаимосвязанных главных задач, стоявших перед народами Австрийской империи: ликвидация феодальных производственных отношений и абсолютизма, завоевание угнетенными народами национальной свободы. Реакционная многонациональная империя Габсбургов была спасена, процесс утверждения капитализма и буржуазных отношений растянулся на долгие годы. Определенную - и при том немалую - роль в этом сыграло и чешское буржуазно-национальное движение.

Изучению его характера, условий и особенностей развития и исторической роли в ходе революции 1848-1849 гг. чехословацкая историография уделяла в рассматриваемый период значительное внимание (252).

х х х

Одним из первых чехословацких историков по принципиальным аспектам проблематики чешского национального движения выступил в рассматриваемый период О. Ржигач^ж. В его опубликованной в 1954 г. статье "О национальном движении и национальном вопросе в 1848-1918 гг." (253)

^жМы не касаемся здесь вышедшей в свет в предшествующий период (в 1848 г.) книги А. Климы "1848 г. в Чехии" (219), поскольку оценка ей уже давалась ранее (192; 220; 221 - предисловие).

указывается на контрреволюционный характер национальной политики чешской либеральной буржуазии, совпавшей в период революции с политическим курсом венского правительства и императорского двора и ставшей одной из главных и наиболее надежных опор в их борьбе против революции, а объективно — оказавшей поддержку и царской России. Позиция чешской либеральной буржуазии в национальном вопросе, пишет О. Ржига, сделала невозможным формирование единого фронта революционных сил разных наций и национальностей, помогла укрепить позиции реакции, подавить возраставшие симпатии чешского народа и радикальных демократов к венгерской революции в 1849 г. О. Ржига подчеркивает, что контрреволюционная помощь чешской буржуазии венскому двору и правительству, как и трусливость немецкой буржуазии, способствовали тому, "что революция 1848—1849 гг. с точки зрения национальной не выполнила своей исторической задачи ... что переход крестьянства к капитализму осуществлялся в безмерно тяжелых условиях так называемым прусским путем", тому, что стало возможным дальнейшее существование монархии и реакционного режима, утверждение военной диктатуры (253, с. 55—56).

Общую характеристику развития чешского национального движения на разных этапах революции 1848—1849 гг. дал в своей книге "Чешский национализм в XIX веке" Ф. Червинка (254). Книга эта охватывает период с последних десятилетий XVIII в. до начала первой мировой войны, ввиду чего интересующей нас проблематике посвящена лишь часть монографии. Автор дает свою трактовку "чешского вопроса" на фоне центрально-европейских общественных процессов, предшествовавших революции, показывает истоки и особенности начального периода чешского национального движения, выделяет в нем главные политические направления, характеризует их идеологические и социальные основы. Особое внимание уделяет он формированию и практической реализации идеологии австрославизма, ее влиянию на ход политической борьбы в монархии Габсбургов, взаимоотношениям национальных движений чешского и других славянских народов с немецким и мадьярским национальными движениями, столкновению буржуазного национализма господствовавших и подчиненных наций в империи.

В центре соответствующих разделов книги Ф. Червинки стоит проблема чешско-немецких противоречий и разногласий как основы развернувшейся в годы революции национально-политической борьбы. При этом Червинка подчеркивает, что чешско-немецкий спор 1848—1849 гг. стал фактором, серьезно осложнившим развитие освободительного движения во всей Центральной Европе, отрицательно сказался на судьбах революции в этом регионе. Разбирая обстоятельства, давшие основоположникам марксизма основания говорить о революционных и контрреволюционных народах в период революции 1848—1849 гг., Ф. Червинка дает обоснованное, на наш взгляд, толкование правильного подхода к этой проблеме. Говоря о революционных и контрреволюционных народах, пишет он, следует принимать эти термины в том смысле, "что разные национальные движения в определенную эпоху

и в определенной ситуации играли объективно прогрессивную или реакционную роль, тогда как в иную эпоху и при иной ситуации движения тех же народов могут играть роли противоположные" (254, с. 70). Последующее историческое развитие дает основания для подобного рода выводов.

Ряд соображений, существенных для обобщенной характеристики чешского национального движения, содержится в опубликованных в 1974 г. статьях Й. Кочи.

В первой из них - "О некоторых аспектах чешского национального движения в XIX в." (255) - отмечается, в частности, что в результате чрезмерного сосредоточения чехословацкими историками, занимавшимися революцией 1848-1849 гг., внимания на анализе лишь политики чешских либералов и радикальных демократов произошло выпадение из их поля зрения социального, политического и национального движения народных масс, в особенности - формирующегося пролетариата. По мнению Й. Кочи, к середине 1970-х годов преобладали чрезмерно общие характеристики "левого имманентно позитивного революционного движения народных масс" (255, с. 453) без необходимого конкретного анализа относящихся к этой теме фактов и их научной интерпретации.

Отмечает Кочи и тот факт, что на оценку политических течений в чешской политике периода революции 1848 г. существенно влияла сама историографическая концепция национальной истории. «Наша историография, - пишет Кочи, - подобно венгерской, польской, югославской, немецкой и другим историографиям развивается преимущественно в рамках изучения своей собственной национальной истории таким образом, что формулирует свою специфически национальную историческую концепцию, в соответствии с которой "благо нации" является высшим критерием и судьей при оценке исторических явлений. Понимаемая в таком духе концепция, - подчеркивает Кочи, - содержит опасность националистического подхода...» (Там же). Таким именно подходом объясняет он наличие противоречащих друг другу, а часто и противоположных взглядов марксистских историков различных социалистических стран относительно оценки тех или иных политических течений и группировок у народов Центральной Европы в историческом прошлом.

В качестве примера он ссылается на выявившуюся бесплодность некоторых двусторонних дискуссий чехословацких и венгерских историков, поскольку эти дискуссии не смогли вырваться из заколдованного круга подобных национальных концепций и упирались обыкновенно в конце концов в спор о том, чья буржуазия в большей мере виновата в поражении революции.

Кочи указывает на бесперспективность попыток решать подобного рода вопросы с позиций отстаивания абстрактных "национальных интересов" столкнувшихся в ходе революции 1848-1849 гг. народов. Он видит единственно возможный выход в переходе на позиции классового анализа национальных интересов буржуазии стран Центральной Европы, в дифферен-

цированном подходе к оценке национальной и революционной политики господствующих и угнетенных наций, в признании того факта, что требования национального равноправия не противоречили требованиям и задачам общей демократизации общества как прогрессивной тогда цели буржуазной революции, а находились в соответствии с этими требованиями и задачами.

С этими соображениями Й. Кочи нельзя не согласиться как с вполне справедливыми и обоснованными.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в написанной Й. Кочи совместно с В. Матулой и опубликованной в том же 1974 г. статье "О некоторых вопросах чешского и словацкого национального движения в буржуазной революции 1848-1849 гг." (41), основанной на их докладе на международном научном симпозиуме историков ЧССР и ГДР в Бехине. Авторы обращают в этой статье внимание, в частности, на то, что в 1960-х годах в чехословацкой историографии под флагом борьбы с проявлениями догматизма и схематизма в исторической науке стали проявляться сильные тенденции ревизионизма, возрождавшие буржуазные взгляды по национальному вопросу. В политике, проводившейся чешской буржуазией в XIX в., ревизионисты пытались найти пример и образец для современного политического развития. С этой целью они не только воспроизводили, но и защищали характерную для буржуазных либералов 1848 г. идею о подчинении социальных интересов народа национально-классовым интересам буржуазии. Они переоценивали и абсолютизировали роль интеллигенции в общественном процессе и в национальной жизни, с внеклассовых и внеисторических позиций интерпретировали буржуазно-демократические (общедемократические) лозунги свободы, демократии и гуманизма.

В этой связи авторы статьи подчеркивают, что проводившаяся чешской буржуазией в 1848-1849 гг. как во внутреннем (внутри нации), так и во внешнем (т.е. в отношениях с другими народами, особенно с немцами и мадьярами) плане политика должна быть оценена как "косвенная служба контрреволюционным силам" (41, с. 60).

Применительно к чешским землям это положение раскрывается в разделе статьи, написанном Й. Кочи ("Чешский вопрос в революции 1848 г."). Кочи рассматривает в нем принципиальные аспекты развития национально-го движения в чешских землях, специфику чешско-немецких отношений в них в органической взаимосвязи с национальной проблематикой в габсбургской империи и во всем регионе Центральной и Юго-Восточной Европы в целом. Он указывает, что обычно подчеркиваемая историками "национальная гармония" между чехами и немцами в первые дни революции вовсе не свидетельствовала о возможности "обойти" в ходе событий чешско-немецкие противоречия и разногласия. По мнению Кочи, эта "гармония" не могла стать возможной и сколько-нибудь долговременной моделью решения национального вопроса в чешских землях. "Это была, наоборот, кратковременная, в известном смысле аномальная ситуация, вызванная специфическими условиями" (41, с. 66).

Характеризуя далее цели, преследовавшиеся чешской и немецкой буржуазией, их коренную противоположность в ряде важнейших аспектов развивавшихся общественных процессов, Кочи выделяет вопрос об участии в выборах во Франкфуртский парламент как исходный момент обострения чешско-немецких противоречий и борьбы. Тот факт, что отрицательная позиция в отношении к участию в этих выборах, занятая, по сути дела, всеми группировками чешской буржуазии, включая радикальных демократов, нашла поддержку и в широких слоях чешского народа, Кочи объясняет влиянием сложившихся уже традиций национально-освободительной борьбы против немецкого господства и национально-политической активностью чешской буржуазии с первых дней революции. Кочи пишет, что антифранкфуртская позиция чешского общества "действительно соответствовала его материальным и национальным интересам или, иначе говоря, дальнейшему развитию капитализма у чехов" (41, с. 71), ввиду чего сам факт отрицательного отношения к Франкфурту нельзя априори оценивать негативно. С этим можно согласиться, если иметь в виду, что окончательная оценка такой позиции должна быть дана в сопоставлении с потребностями и интересами европейской буржуазно-демократической революции.

По мнению И. Кочи, и само по себе требование ликвидации габсбургской монархии, взятое вне более широких революционно-политических связей, также не может быть оценено однозначно положительно или отрицательно. В подтверждение этой мысли он ссылается на то, что, дескать, совершенно по-разному следует оценивать это требование в том случае, если оно представляет собой часть революционно-демократической концепции, формулируемой с точки зрения интересов победы европейской революции, и в том противоположном случае, если оно отражает тенденции к поглощению чужих территорий в соответствии с планами контрреволюционной немецкой буржуазии.

И. Кочи вполне обоснованно подчеркивает: "Нет сомнения в том, что последовательная революционно-демократическая концепция Маркса и Энгельса, требовавшая ликвидации не только Австрии, но и Пруссии как главных столпов Священного союза в Европе, включавшая призыв к революционной войне против царизма и к осуществлению самых полных революционно-демократических перемен, которые одновременно устранили бы и все следы национального угнетения, была наиболее прогрессивной и полностью оправданной. В этой концепции действительно не было места для сохранения столь исторически скомпрометированного образования, каким была габсбургская монархия" (41, с. 71). Кочи справедливо видит историческую вину чешской либеральной буржуазии не в том, что она отвергла участие в работе Франкфуртского национального собрания, а в том, что она встала на путь контрреволюционной политики и тем самым волевым образом изменила и национально-освободительным целям своего народа.

Большое внимание автор уделяет характеристике австрославизма и его

объективной роли в ходе революции, политической позиции чешских депутатов австрийского рейхстага, критике ошибочной национальной политики германских и венгерских буржуазных революционеров.

Отмечая, что события 1848—1849 гг. стали практической проверкой австрославистской программы, стратегии и тактики чешских национал-либералов, Кочи указывает на попытки последних и в послереволюционный период отстаивать и защищать эту неоправдавшую себя программу и основанную на ней политическую практику, их призывы продолжать эту политику "строго легальными средствами", "терпеливо выждать благоприятной обстановки и твердо верить в то, что правительство в конце концов встанет на разумный путь". Этой сомнительной аргументацией, пишет Кочи, национал-либералы оправдывали свою пассивность после поражения революции. Он подчеркивает, что более высокий уровень понимания причин поражения революции в чешских землях проявили чешские радикальные демократы, "обоснованно усматривавшие корни неуспеха чешской политики в узколобном национализме и в недостаточной революционной решительности" (41, с. 81).

Продолжая впоследствии изучение различных аспектов чешского национального движения, Й. Кочи возвращается к проблематике революции 1848—1849 гг. в своем докладе на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте (ФРГ), опубликованном в 1985 г. в сборнике чехословацких материалов к этому конгрессу (256). В этом докладе он дает общую характеристику организационных форм развития чешского национального движения в предреволюционные годы и непосредственно в ходе революции, останавливается на характере и деятельности различных национальных обществ и организаций ("Матица чешская", "Промышленное общество", "Чешский рипил", "Славянская липа"), студенческих союзов ("Славия", "Чешско-моравское братство"), газет ("Národní noviny", "Noviny Lipy slovanské"). Автор исследует такие возникшие в ходе событий в Праге национально-политические органы, как Святовацлавский комитет, Национальный комитет, а также национальная гвардия и ее структурные подразделения.

Разработка принципиальных проблем чешского национального движения, его классового характера и политической направленности в теоретических статьях О. Ржиги, И. Коржалки, Й. Кочи и В. Матулы, а также в монографиях и общих курсах А. Климы (16; 17), Ф. Червинки (18), О. Урбана (19; 48), В. Чейхана (20), Й. Полишенского (21), В. Гусы (214; 215) и других авторов сопровождалась активным изучением чехословацкими историками ряда конкретных вопросов, входящих в эту проблематику и имеющих важное значение для ее правильного понимания.

К числу таких вопросов отнесем в первую очередь сферу чешско-немецких отношений и противоречий в ходе революции 1848—1849 гг. и оценку их роли в судьбах этой революции.

Среди первых и принципиально важных работ по этому кругу вопросов должна быть названа опубликованная в 1950 г. книжка бывшего лидера левого крыла немецкой социал-демократии в Чехословакии и одного из основателей КПЧ Карла Крейбиха "Немцы и чешская революция 1848 г." (257). Для этой небольшой по объему работы характерен последовательно классовый подход к анализу национальных движений, к оценке политики их лидеров и различных направлений. Крейбих подчеркивает, что именно в ходе событий 1848 г. было отчетливо видно, как чешская буржуазия объединялась с немецкой против "радикалов", прежде всего в страхе перед рабочим классом, и как в то же время чешские и немецкие радикалы — представители революционной мелкой буржуазии, главным образом студенчества, в решающие периоды боролись сообща против реакции.

Подвергая критике политику буржуазии обеих наций, Крейбих особо останавливается на позиции К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу, выделяя при этом их острые характеристики национальной политики господствующих классов государств Германского союза, проявившейся в ходе революции общей реакционности немецкой буржуазии. Он указывает на причины того, что Маркс и Энгельс выступали тогда за включение в состав будущей единой германской республики всех государств и земель, входивших в состав Германского союза, в том числе и чешских земель. "Маркс и Энгельс были тогда за присоединение к единой германской республике, поскольку революция могла победить лишь в случае, если бы была ликвидирована и габсбургская монархия. Эту победу они не могли представить себе иначе как создание не только единой, но и действительно демократической германской республики, которая, разумеется, должна была... провозгласить свободу народов, до сих пор угнетавшихся Германией. В такой германской республике, — пишет Крейбих, — чешскому народу гибель не угрожала бы" (257, с. 11).

Он осуждает чешскую буржуазию за то, что она в союзе с чешским феодальным дворянством помогла сохранить австрийскую монархию и подавить австрийскую и чешскую революцию, а тем самым и революцию германскую, в результате чего была спасена и прусская монархия, а исторически неизбежное объединение Германии осуществилось не революционным путем, а путем расширения в 1871 г. прусской монархии до масштабов прусско-германской империи. В результате германская угроза для чешского народа не уменьшилась, а возросла. В то же время Крейбих подчеркивает, что главная вина за конечное поражение революции лежит все же на немецкой буржуазии, которая своей политикой национального угнетения других народов толкала и чешский народ в объятия габсбургской контрреволюции.

Крейбих указывает на двойственность позиций австро-немецкой буржуазии и венского двора в отношении к Франкфурту и к проблеме объединения Германии, анализирует экономические и политические причины этого. Остро критикует он шовинистическую по отношению к чехам позицию нем-

цев в чешских землях, особенно в их пограничных с Германией (т.е. с Пруссией, Саксонией, Баварией) районах. Именно в этих районах прежде всего развернулись националистические античешские выступления уже с начала апреля 1848 г. в связи с данными императором 8 апреля в ответ на петиции из Праги обещаниями ввести языковое равноправие в школах и учреждениях чешских земель и потребовать от государственных чиновников и судей в этих землях знания как немецкого, так и чешского языков. Эти обещания были восприняты немцами чешских земель как угроза их привилегированному положению фактически господствующей в монархии нации. В немецком пограничье начались массовые манифестации с требованиями не только административного обособления населенных немцами районов чешских земель, но и прямого присоединения их к Германии. Нарастающий немецкий национализм способствовал усилению национализма чешского. Особой остроты чешско-немецкий конфликт достиг в связи с Пражским восстанием, которое немецкая буржуазия восприняла и трактовала как антинемецкое, невзирая на участие в нем немецких радикалов и на отсутствие каких-либо подтверждений такой версии. Крейбих делает краткий обзор дальнейшего развития немецко-чешских противоречий, показывая их пагубность для австрийской и европейской революций.

Обширный фактический материал, характеризующий развитие этих противоречий в ходе революции, раскрывающий их существо и специфику в конкретных условиях такой промышленно-развитой и населенной преимущественно немцами части Чехии, какой был г. Либерец и его округа, содержится в книге Й. Белды "Либерец в революционном 1848 году" (24). Автор подчеркивает, что г. Либерец, принадлежавший тогда к числу наиболее развитых в промышленном отношении городов не только чешских земель, но и всей Австрийской империи, стал центром пропаганды великогерманских устремлений и национальной вражды к чехам, главным пунктом деятельности националистического "Центрального (первоначально - Конституционного) союза немцев в Чехии".

Как и в других местах чешских земель, отмечает Белда, национальные чешско-немецкие разногласия и противоречия в этом районе до начала апреля 1848 г. открыто не проявлялись. Первым очевидным их проявлением стали остро античешские публикации в начавшей выходить в свет 1 апреля 1848 г. либерально-буржуазной немецкой газете "Reichenberger Wochenbericht aus der Nähe und Ferne" и поместившей уже в первом номере подстрекательскую против чехов информацию из Праги. В дальнейшем пишет Белда, этот еженедельник стал активным национальным противником чехов, не упускавшим ни одной возможности для атак против чешских национальных устремлений, против всего чешского, особенно в период борьбы по вопросу о выборах во Франкфуртский парламент и в период Пражского восстания (24, с. 84).

Автор анализирует причины обострения античешских настроений в регионе, указывая на то, что оно было вызвано не общими требованиями национального равноправия, а конкретным требованием знания государст-

венными служащими чешского языка и особенно административного объединения Чехии, Моравии и Силезии. Требование объединения земель чешской короны и равноправия обеих национальностей в обучении и в системе государственного управления при условии существования избираемого на широкой основе собственного сейма с законодательными полномочиями, а также ответственного министерства и центральных учреждений в Праге, воспринималось не только как требование последовательного равноправия обеих национальностей, но и как получение чешской национальностью перевеса, угрожающего интересам немцев. Обвиняя чехов в сепаратизме, немцы утверждали, что этот "чешский сепаратизм" может привести к отпадению чешских исторических земель от австрийской монархии и к поглощению их царской Россией, пишет Белда (24, с. 86).

В духе великогерманского национализма действовал и созданный в Вене в начале апреля 1848 г. "Союз немцев из Чехии, Моравии и Силезии", усиленно раздувавший национальную вражду к чехам во всех чешских землях империи. Белда прослеживает в своей книге роль либерецкой немецкой либеральной буржуазии на последующих этапах развития немецко-чешских противоречий - в связи с выборами во Франкфурт, Пражским восстанием, венской революцией в октябре 1848 г. и т.п.

Отмечая, что на всех этих этапах Либерец последовательно и однозначно отстаивал великогерманские тенденции, автор указывает вместе с тем, что этот курс проводился не всеми слоями немецкого населения города. Пролетариат вообще почти что не был затронут этими тенденциями, мелкобуржуазные слои проявляли колебания, опасаясь усиления конкуренции со стороны германской промышленности. Белда делает вывод, что главным носителем великогерманских про frankфуртских идей была немецкая либерально-буржуазная интеллигенция и бюрократия, в наибольшей степени вовлеченная в великогерманское национальное движение и наиболее активно противодействовавшая тенденциям чешско-немецкого национального равноправия. «Весь немецкий либерально-буржуазный лагерь видел в этот период во Франкфурте-на-Майне главный противовес чешским или - как сами немцы утверждали - панславистским тенденциям. Немецкой либеральной буржуазии удалось также, по крайней мере в этот летний период 1848 г., втянуть в ожесточенную национальную борьбу большую часть мелкой буржуазии, пугая ее угрозой со стороны "славянского элемента" для немецкой национальности, австрийской монархии, императора и германской революции», - пишет Белда (24, с. 228).

Автор подчеркивает, что для развития событий в г. Либерец имел большое значение факт совместных выступлений умеренных либералов и радикального крыла немецкой буржуазии, составлявших до октября 1848 г., по сути дела, единый лагерь, причем "радикальная часть, главным образом интеллигенция, не выходила в своих политических требованиях (за единичными исключениями) за рамки либеральных лозунгов. Поэтому в тот период Либерец выглядел столь единым и вполне великогерманским. Кроме того, радикальное крыло либерецкой буржуазии было в этот период еще

слабым" (24, с. 229). Лишь октябрьская (1848 г.) революция в Вене изменила обстановку, пробудив средние слои населения, постепенно осознавшие, что в Вене речь шла о наступлении реакции на революционные завоевания вообще.

Как показано в книге, немецкие умеренные либералы г. Либерец избрали осторожную тактику, не выступали сразу открыто против революции, стремясь удержаться у руководства общественным движением и предотвратить таким образом революционный взрыв. Радикальное же крыло не сумело опереться на народ, разорвать свои связи с либералами, проявляло колебания, чем фактически помогло умеренным либералам, которые после падения революционной Вены в конце октября 1848 г. открыто перешли на сторону реакции и к сотрудничеству с монархией. Белда подчеркивает, что именно в этот момент "в страхе перед углублением революции и перед угрозой своим классовым интересам немецкие умеренные либералы протягивают руку либералам чешским, которые уже с начала революционного движения 1848 г. строили свою тактику на сотрудничестве с монархией и расчетах на ее благодарность за это" (24, с. 229).

Автор осуждает немецких радикалов за то, что они своей пассивностью в решающие моменты развития революции, по сути дела, помогли либералам и властям предотвратить в Либереце революционные выступления мелкой буржуазии и пролетариата, что означало большую помощь монархии, венскому двору, поскольку такие выступления в столь экономически и политически важном районе империи могли бы стать весьма серьезной поддержкой венским революционерам.

Приведенные в книге Белды материалы существенно помогают раскрытию позиций и тактики немецкой буржуазии в чешских землях в период революции, пониманию и правильной оценке ее политики.

Некоторые экономические и политические аспекты этой проблемы рассматриваются в работах В. Вомачковой. Первая из них — это статья "К национальному вопросу в буржуазной революции 1848 г. в чешских землях" (258). В ней Вомачкова указывает на двойственность позиции венского правительства и двора относительно проблемы объединения Германии. С одной стороны, такое объединение, при котором половина земель габсбургской монархии в силу их принадлежности к Германскому союзу стала бы непосредственной составной частью другого суверенного государства, было несовместимо с суверенитетом Австрии. С другой стороны, Австрия считала свое участие в объединительном движении в Германии необходимым, чтобы не утратить свое влияние среди германских государств, а тем самым и среди народов габсбургской монархии. Особенно сильно эта двойственность отразилась на политических и экономических устремлениях немецкой буржуазии в чешских землях.

Вомачкова рассматривает в статье вопрос об экономических предпосылках объединения австрийских земель с Германией и об отношении чешской и немецкой буржуазии к этому вопросу. Особо останавливается она на со-

стоявшемся 28 августа 1848 г. в г. Теплице съезде представителей немецкого населения чешских земель, обсуждавшем вопрос о присоединении к Германскому таможенному союзу, и на распространенной чешским "Промышленным обществом" анкете по этому вопросу. Вомачкова отмечает, что противоречия и борьба вокруг проблемы вступления Австрии в Германский таможенный союз привели к усилению чешско-немецкого антагонизма, поскольку немцы здесь высказались в своем подавляющем большинстве за вступление, а чехи - против. В статье раскрываются причины этого и характеризуется аргументация сторон, на позиции которых влияли как экономические, так и национально-политические факторы.

Отмечая острую античешскую позицию Теплицкого съезда, его резкие выступления против правомочий пражского Национального комитета и Чешского сейма, категорический отказ от какого бы то ни было сотрудничества с чехами и от совместного с ними представительства в земском сейме и органах управления, его требование разделения монархии на языковые (национальные) области, Вомачкова подчеркивает, что конечной целью теплицкой программы должно было стать объединение немецких районов чешских земель с Германией. "Таким образом, - пишет она, - не в Вене, а во Франкфурте, в объединении с соседней Германией видели немцы из пограничных областей возможность сохранения своего прежнего ведущего положения" (258, с. 8).

Весьма резко в национальном отношении сформулированному на Теплицком съезде мнению немцев из пограничных районов ("никакого сотрудничества с чехами, политическое объединение с Германией!") все более решительно противостояла позиция чешской буржуазии, имевшая широкую поддержку в чешском обществе. Она была однозначно отрицательной относительно присоединения к Германскому таможенному союзу, как и вообще относительно проблемы политического и экономического объединения с Германией. "Чешская буржуазия искала защиту против Франкфурта прежде всего в политической и экономической ориентации на славян. Не промышленная и густо населенная Германия, а славянские рынки на востоке и юге могли обеспечить чешским промышленным изделиям достаточный сбыт. Таможенное единство с Германией создало бы таможенную границу между чешскими и австрийскими землями, с одной стороны, и венгерскими и южнославянскими землями - с другой, в результате чего сбыт чешских товаров в эти земли был бы затруднен не только более высокими ввозными пошлинами, но также и германской конкуренцией, которая проникла бы сюда прежде всего из Саксонии и Пруссии" (258, с. 9).

Поясняя таким образом позицию чешской буржуазии, Вомачкова выдвигает на первый план соображения экономические, исходя из того, что полное отделение венгерских и южнославянских земель от Австрии (в случае объединения ее с Германией) означало бы для чешской промышленности потерю выгодных источников дешевого сырья и рынков сбыта своих промышленных изделий. При этом имелось в виду, что эти находившиеся в

значительной мере в руках чешской буржуазии источники сырья и рынки сбыта могли при изменении ситуации оказаться в руках англичан.

Вомачкова подчеркивает в своей статье, что, как показывают факты, наибольшей остроты национальные споры между чехами и немцами достигали в Чехии. В то же время она отмечает, что, говоря об Австрии в целом, немецкое национальное движение по вопросу об объединении с Германией предстает не таким единым, как чешское, единодушно отвергавшее такое объединение.

Значительная часть немцев в Австрии, пишет Вомачкова, не поддерживала идею объединения с Германией, ориентировалась на Вену, стояла за сохранение существовавшего государственного образования — габсбургской монархии, хотя при этом позиции разных социальных слоев были различными — в соответствии с их классовыми интересами.

Вомачкова приходит к выводу, что за объединение Австрии с Германией выступали главным образом немцы-демократы из мелкобуржуазных и смежных с ними слоев. Что же касается немецкой промышленной буржуазии, то ее значительная часть отвергала объединение, опасаясь конкуренции более развитой промышленности других германских государств и земель. Близка к такому подходу была и позиция немецкой бюрократии, не желавшей подчиняться чужой администрации и уже в силу этого стоявшей за сохранение Австрийской системы, ее государственной системы, аппарата и т.п.

В этой связи Вомачкова высказывает свои соображения и относительно австрославизма как национально-политической программы чешской буржуазии. Она, в частности, отмечает, что австрославизм чешской буржуазии в 1848 г. диктовался не только экономической заинтересованностью в восточных рынках империи, но и опасениями за собственный, внутренний рынок, которому в случае объединения с Германией тоже угрожала конкуренция германских фабрик, а также аргументами и интересами политическими и национальными. Вомачкова подчеркивает, что австрославистская программа была классово-ограничена интересами буржуазии. Это проявилось, в частности, в том, что буржуазия пробивала дорогу этой национально-политической программе с помощью реакционных феодальных сил, в том числе — династии. "Чешское и немецкое национальные движения, — заключает Вомачкова, — были связаны с процессом формирования буржуазных наций и на смешанной в национальном отношении территории австрийской монархии с неизбежностью вступили во взаимные конфликты, которые были использованы реакцией для раскола революционных сил и победы над революцией" (258, с. 16).

Положения этой статьи, рассматриваемую в ней тему Вомачкова развивает во вводной главе в предпринятой ею в 1970 г. обширной публикации документов по проблеме присоединения Австрии к Германскому таможенному союзу в 1848 г. (259). Вводя в текст этой работы значительный новый фактический материал, Вомачкова сохраняет здесь принципиальный подход и основные выводы, сформулированные в первой статье.

Специфику развития национального вопроса в Северо-Западной Чехии в рассматриваемый нами период затрагивает Я. Бакала в опубликованной в 1978 г. статье (260), основные положения которой не расходятся с содержанием упомянутых выше работ.

Несколько небольших работ посвящено характеристике национальных противоречий в австрийской Силезии и северной Моравии.

Среди них назовем прежде всего статью А. Гробельного "О некоторых этапах национального движения в Силезии и в Остравской области в 1848-1918 гг." (261). Автор подчеркивает специфику этого региона, населенного тремя национальностями: немецкой, польской и чешской, развивавшимися здесь под воздействием таких факторов, как претензии Пруссии на особое положение в Европе, стремление польской эмиграции и населения всех трех частей разделенной Польши к восстановлению Польского государства, претензии чешской буржуазии на гегемонию в союзе федерализированных в рамках габсбургской монархии славянских народов и, наконец, панславистские теории разных оттенков (261, с. 453).

Он отмечает, что идея единства чешской нации и чешских земель стала проникать в Силезию уже в марте 1848 г. и в различных национальных и социальных слоях вызвала разную реакцию. Выработанный Святовацлавским комитетом в Праге и опубликованный 22 марта 1848 г. проект административного объединения Чехии, Моравии и Силезии получил первоначально поддержку чехов, поляков и немцев в Тешине, а также феодалов и немецкого бюргерства всей Силезии. Однако вскоре возникли разногласия: представители помещичьих кругов и ряда городов (Билско, Яблунков, Фридек, Богумин и др.) стали выступать против такого административного объединения из опасения ограничения или упразднения "земских прав Силезской провинции".

В г. Опаве немецкое бюргерство протестовало против присоединения австрийской Силезии к Чехии, поскольку рассматривало свою территорию как отторгнутую часть Прусской Силезии и видело во вхождении Австрии в состав объединенной Германии путь к воссоединению обеих частей Силезии. Вслед за Опавой подобную позицию заняли и другие города Опавской Силезии, где все более усиливалась профранкфуртская античешская агитация, подавлявшая слабую агитацию чешской интеллигенции в пользу объединения с Моравией и Чехией.

Конкретными фактами Гробельный подтверждает вывод о том, что страх перед сильными германскими соседями был одной из важных причин того, что чешское буржуазное национальное движение объективно поддержало австрийскую контрреволюцию.

А. Гробельный подчеркивает, что социальная основа чешского и польского национального движения в Силезии была относительно узкой, на первом плане здесь выступала интеллигенция — лица так называемых свободных профессий (врачи, адвокаты), мелкие чиновники, учителя народных школ, преподаватели гимназий, близко стоявшие к мелкой буржуазии, а

также зажиточные крестьяне. Именно в этих слоях проявлялись в тех или иных формах противоречия с национально-политическими позициями немецкого бюргерства и интеллигенции, а также с помещиками-феодалами, преимущественно немецкими или онемеченными. Более широкие слои чешского и немецкого населения, занятые в основном социальными проблемами, в буржуазно-национальное движение не втягивались, поэтому немецкая пропаганда здесь была направлена главным образом против чешской и польской интеллигенции как основных носителей национального самосознания (261, с. 454-456).

Касаясь этой проблематики в одной из своих работ, В. Жачек (262) констатирует, что в Силезии процесс формирования чешского и польского национального самосознания из общего для них в предреволюционный период с л а в я н с к о г о с а м о с о з н а н и я развивался крайне медленно, но в ходе революции их носители выступали уже как дифференцировавшиеся в национальном отношении чешский и польский народы, точнее - части чешского и польского народов. Он подчеркивает отсутствие в этот период каких-либо разногласий или противоречий между чехами и поляками, общность их позиций в ходе политических событий.

Развития в Силезии немецко-чешско-польских отношений в ходе революции касается В. Жачек в другой своей статье - о деятельности тешинского немецкого демократа левого направления Адольфа Колачека (164). В этой статье представляют интерес, в частности, данные о выступлениях населения Тешинской Силезии в поддержку революции в Вене в октябре 1848 г.

Перипетиям национально-политической борьбы в Моравии и Силезии в революционные годы посвящена часть книги М. Трапла о чешском национальном возрождении в этом регионе (30). Он отмечает, что развитие чешского национального движения в Моравии отставало от Чехии с точки зрения организации и уровня политического самосознания городских слоев, интеллигенции и особенно сельского населения. Резко осуждает М. Трапл проявившийся в ходе событий буржуазный национализм, противопоставивший чешских либералов и демократов в чешских землях немецким сторонникам революции, что в решающей степени содействовало победе реакции (30, с. 103). Касаясь положения в Силезии, объединенной в административном отношении с Моравией, Трапл указывает на низкий уровень национального самосознания силезского населения славянского происхождения, в том числе чешского, как в городах, так и на селе. Трапл объясняет относительно слабую национальную активность силезских чехов малочисленностью собственной интеллигенции и тем, что "для патриотов в Чехии и Моравии Силезия была *terra incognita*, ввиду чего они уделяли ей мало внимания" (30, с. 104).

Вспышку чешско-немецких национальных разногласий в Моравии, как и в Чехии, Трапл связывает с вопросом о выборах во Франкфуртский парламент и, в частности, с негативным влиянием венского националистичес-

кого "Союза немцев из Чехии, Моравии и Силезии в защиту их национальности", а также католической церковной иерархии. Свою характеристику развития чешско-немецких противоречий в этот период Трапл завершает выводом о том, что с точки зрения интересов революции развернувшаяся в чешских землях, в том числе в Моравии, национальная борьба была злом, став одним из главных условий поражения революции 1848-1849 гг. (30, с. 113).

В истории изучения национально-политической проблематики революционных лет особое место занимают работы Й. Колейки, выполненные им за последние 20 лет (70-866). К нашей теме относятся прежде всего серия его статей, опубликованная в 1980-1984 гг. в журналах "Časopis Matice moravské" и "Slovanský přehled" (74-86), а также монография «"Принцип национальности" и интернационализм в 1789-1860 годах», вышедшая в свет в 1984 г. (70).

Чтобы представить себе процесс и последовательность разработки Й. Колейкой этой проблематики, рассмотрим кратко содержание этих работ в хронологическом порядке. При этом не будем останавливаться здесь на тех его статьях 1970-х - 1980-х годов (71-74), содержание которых позднее вошло в той или иной форме в текст названной монографии.

Остановимся прежде всего на статье "Национальный вопрос в революции 1848-1849 гг.: О критериях оценки национальных движений" (75). В ней Й. Колейка делает обзор взглядов основоположников марксизма на характер национальных движений того времени, их оценок исторической роли этих движений в сопоставлении с целями и интересами европейской революции, анализирует их подход к оценке революционности или контрреволюционности тех или иных национальных движений, группировок и деятелей. Автор рассматривает здесь вопрос о причинах того, почему К. Маркс и Ф. Энгельс важнейшим критерием для такой оценки считали отношение к царской России, к царизму как оплоту реакции в Европе.

С учетом выводов современной марксистской историографии ГДР Й. Колейка присоединяется к точке зрения тех авторов, которые полагают, что для действительно объективной оценки национальных движений чехов, словаков и других славянских народов Австрийской империи в 1848-1849 гг. необходимо выяснить, в каких взаимоотношениях развивались отдельные национальные революции и какую позицию занимали демократические силы Германии по отношению к национально-освободительным движениям в соседних землях.

В этой связи Колейка указывает на целесообразность предпринять специальное исследование позиции различных народов по отношению к чешскому и словацкому национальным движениям, выяснить степень обоснованности представлений о необходимости вхождения чешских и альпийских земель Австрии в объединенную Германию. Он подчеркивает, что чехословацкая историография событий 1848-1849 гг., как и историография ГДР, отвергает представление о том, что Чехия (чешские земли), были тогда частью Гер-

мании, и с этой точки зрения рассматривает взаимосвязи национального движения чешского и словацкого народов с австронемецким, польским, мадьярским и другими движениями как взаимосвязи не общегерманские, а центральноевропейские.

Колейка констатирует, что чехословацкая марксистская историография считает революционную концепцию Маркса и Энгельса о необходимости ликвидации Австрии и Пруссии как главных столпов Священного союза наиболее прогрессивной и полностью обоснованной концепцией, с которой, разумеется, не имели ничего общего стремления реакционной и контрреволюционной прусской буржуазии к ликвидации габсбургской Австрии в интересах гогенцоллерновской династии.

Точно так же чехословацкая историография не считает возможным рассматривать стремление части австронемецкой буржуазии к объединению Австрии с Германией с целью сохранить преобладание немецкого элемента в Австрии "как форму революционно-демократического решения вопроса о ликвидации отжившей габсбургской империи" (75, с. 230).

Сходную проблематику освещает опубликованная И. Колейкой в 1981 г. работа «Национальный вопрос в Австрийской империи в период "весны народов"» (78), в которой автор ставит вопрос о взаимосвязи национально-политических движений отдельных народов, сравнении их политических программ и тактики. В этой работе дается общая характеристика многонациональной монархии, хода революционных событий в различных ее частях и в Вене, раскрываются позиции разных национально-политических течений и группировок в среде австрийских немцев по вопросам об отношении к объединению Германии, к выборам во Франкфуртский парламент, к национальному движению чехов и других славян в период до середины июня 1848 г. В статье характеризуется также развитие национально-политической обстановки в Венгрии в тот же период, антиславянская политика мадьярских революционеров.

Следующим этапом разработки этой проблематики была публикация в двух номерах журнала "Slovansky prehled" исследования И. Колейки "Национально-объединительное движение немцев и их отношение к соседям в период буржуазной революции 1848-1849 гг." (76; 77). Автор снова возвращается здесь к мысли о том большом значении, которое имело для демократических сил Германии в ходе революции их отношение к национально-освободительным движениям в соседних землях, подчиненных монархиям Гогенцоллернов и Габсбургов. В этой связи Колейка подчеркивает, что «познание хода и целей буржуазной или буржуазно-демократической революции в Германии, включая ее отношение к соседям и вообще ее "внешнюю политику", представляет собой важную, если не основную предпосылку и условие оценки движения наших народов в 1848-1849 годах» (76, с. 273).

И. Колейка отмечает, что до сих пор чехословацкая марксистская историография изучала революцию в Германии прежде всего с точки зрения непосредственных взаимоотношений чехов с Франкфуртом, откидывая в

германской печати на Пражское восстание, рассматривала позиции К. Маркса и Ф. Энгельса по "чешскому вопросу", сотрудничество чехов с немецкими демократами в Саксонии весной 1849 г. Между тем, пишет Колейка, особого внимания чехословацкой историографии заслуживает и изучение германской буржуазной революции, и прежде всего само движение за объединение Германии. При этом он отмечает возможность опереться на результаты исследований революций 1848-1849 гг. историками Советского Союза и ГДР.

В первой части своего исследования Колейка указывает на несколько форм немецкого национально-объединительного движения и его "внешней политики" к началу 1848 г.: 1. Радикальное направление в среде интеллигенции, выступавшее за свободную единую Германию, дружественно и братски относящуюся к полякам, итальянцам, французам и венграм. 2. Стремление прусской буржуазии к экономическому объединению в таможенном союзе; главным противником этой тенденции была Австрия и северо-западные города и микрогосударства (Нижнесаксонский налоговый союз). 3. Сторонники младогегельянской идеи объединения Германии в борьбе против Австрии и России и при опоре на Англию и Францию. 4. Вышедший из радикального крыла политической эмиграции Союз коммунистов, программа которого была сформулирована в "Манифесте Коммунистической партии". 5. Течение среди ученых, литераторов и публицистов, распространявших якобы "надпартийную" программу объединения Германии "всюду, где звучит немецкий язык", направленную против России и "панславизма", а иногда и против Франции и Австрии (76, с. 276).

Проанализировав в этой части различные концепции путей и целей объединения Германии, Колейка обобщает их основную направленность. Он отмечает, что подавляющее большинство немецких консерваторов и либералов, а также часть мелкобуржуазных демократов отстаивали тот взгляд, что Германия должна возникнуть как минимум в масштабах границ существовавшего Германского союза, включая территории, населенные чехами, поляками, словенцами и итальянцами, и что ее составной частью должны стать и другие области Пруссии, а возможно и те территории на западе или северо-западе, на которых жило говорящее по-немецки население (Шлезвиг-Гольштейн, Лимбург, Эльзас-Лотарингия). Колейка показывает, что некоторые представители немецких политических и общественных кругов думали о создании "великой Германии" в виде "комплекса государств" или "союза государств", охватывающего всю Центральную, а также Юго-Восточную Европу, т.е. территорию в границах от входившей тогда в состав России Прибалтики до устья Дуная. Имела хождение и идея включения в состав Германии всех стран и народов между Францией и Россией. Подобного рода проекты и идеи высказывались по большей части неофициально "частными лицами", в то время как на парламентской почве большинство отстаивало идею объединенной Германии в границах Германского союза (76, с. 284-285).

Во второй части работы Й. Колейки (77) рассматривается позиция и тактика Маркса и Энгельса и начавшей выходить с 1 июня 1848 г. под редакцией Маркса "Новой Рейнской газеты" по национальному вопросу, острая критика ими шовинистической политики Франкфуртского национального собрания в "польском вопросе" и в "итальянском вопросе".

Следующую серию статей Й. Колейка посвящает обсуждению Франкфуртским национальным собранием проблемы взаимоотношений Германии с Австрией и связанного с этим "чешского вопроса" (79;80; 81). Последний дебатировался депутатами парламента в связи с итогами выборов в него в чешских землях и особенно остро в связи с Пражским восстанием, характер и цели которого, как и Славянского съезда в Праге, были полностью искажены большинством депутатов, особенно австрийских немцев, а также немецкой прессой. Приводимые автором материалы (выдержки из стенографического отчета о заседаниях Национального собрания, пресса и т.п.) подтверждают, что остро античешские (и антиславянские вообще) выступления во Франкфуртском национальном собрании и в немецкой прессе не могли не иметь соответствующего отклика в чешских землях и бесспорно оказали негативное влияние и на развитие чешского национального движения, на его характер, усилив и в нем националистические элементы и тенденции.

Колейка констатирует, что сопоставление взглядов немецкой либерально-национальной буржуазии, мелкобуржуазных демократов и революционной демократии на общественное движение славян и конкретно на Пражское восстание свидетельствует о правильности выводов новейшей историографии ГДР относительно позиций немецкой мелкобуржуазной демократии. Последняя, подобно пражским немецким республиканцам, отвергала обоснованность национальных требований чешского народа и считала необходимым в политических отношениях рассматривать чехов как немцев. Как отмечает Колейка, недоверие и антипатия к чехам у многих немецких мелкобуржуазных демократов, как и у либералов, приобрели характер проявлений национализма и шовинизма, превратились летом 1848 г. в какой-то "славянский комплекс" (79, с. 12-13).

Коренным образом отличалась от таких взглядов на славян, в частности чехов, позиция революционных демократов, руководимых К. Марксом и Ф. Энгельсом, о чем свидетельствовали известные статьи "Пражское восстание" и "Демократический характер восстания", опубликованные в "Новой Рейнской газете" во второй половине июня 1848 г. (2; 3). Приводя содержание этих статей Ф. Энгельса, Колейка подчеркивает, что точка зрения "Новой Рейнской газеты", в соответствии с которой Пражское восстание было "однозначно демократическим", представляла собой исключение в тогдашней немецкой печати, поскольку и демократическая пресса не придерживалась подобного рода взглядов, характеризующих Колейкой как "радикально антиавстрийские и одновременно прочешские" (79, с. 9).

В двух других статьях этой серии ("Австрийский вопрос в общегерманском национальном собрании во Франкфурте-на-Майне", ч. I, II), опубликованных в 1981 г. (80, 81), подробно рассматриваются дебаты по проекту "имперской конституции". В ходе этих дебатов "австрийский вопрос" возник уже в связи с определением состава (границ) будущего германского союзного государства в первом параграфе проекта: "Германская империя состоит из существующей территории Германского союза..." (80, с. 236). Такая формулировка подразумевала включение в состав Германской империи чешских и альпийских (т.е. населенных австронемцами и словенцами) земель Австрии, в связи с чем возникли длительные и острые споры, проанализированные в статье. Как известно, верх одержала в конце концов концепция "малогерманского" объединения, т.е. без Австрии. Колейка подчеркивает, что анализ дебатов по "австрийскому вопросу" подтверждает обоснованность суровой критики Марксом и Энгельсом деятельности Франкфуртского национального собрания и раскрывает степень истоки антиславянских настроений большинства его депутатов.

В 1982 г. Колейка публикует следующие две статьи, посвященные деятельности австрийского рейхстага в Вене в июне - августе 1848 г. (83; 84). В первой из них дается краткая характеристика национальных фракций рейхстага (немецко-австрийской, чешской, польской, украинской, румынской, югославянской, итальянской) и их политических программ (83, с. 97-104). Во второй рассматриваются национальные аспекты работы рейхстага в июле-августе 1848 г. Отмечаются многочисленные разногласия по вопросам, затрагивавшим национальную проблематику, особенно проявившиеся в дискуссиях о рабочем языке заседаний рейхстага, о принципах формирования его комитетов (конституционный, петиционный и др.) и по другим организационным вопросам.

Многодневные и многоречивые дискуссии по этим вопросам в первые два месяца работы рейхстага не подтвердили надежд на возможность его решительных действий в демократическом духе. "Излишние споры по вопросу о рабочем языке привели к потере рейхстагом массы времени в период, когда так называемая партия двора (камарилья, реакция) еще не отваживалась перейти в открытую контратаку в общеимперском масштабе, когда часть министров немецко-австрийского правительства из опасений перед возможным сепаратизмом земских сеймов (особенно в Чехии и в Галиции) была заинтересована в определенной мере в авторитете рейхстага и когда давление венского населения означало для этого парламента "наследственных земель" солидную опору при решении о принятии возможных демократических законов для Австрии", - пишет Колейка (84, с. 374).

Он отмечает, что подобная благоприятная обстановка существовала еще и в августе, но победы австрийского оружия в Северной Италии и перемирие с Сардинским королевством позволили австрийской реакции уже в конце сентября начать подготовку освободившихся в Италии войск и войск хорватского бана Елачина к выступлению против венгерского пра-

вительства. Национальные раздоры в рейхстаге, выявившие национальную нетерпимость части австро-немецких депутатов, способствовали потере им возможности влиять на развитие событий в демократическом духе.

В 1983 г. в двух номерах журнала "Slovanský přehled" публикуется новая работа Й. Колейки "Подготовка войны против мадьяр в сентябре 1848" (85; 86). В статье последовательно рассматриваются отношения южных славян с венграми (мадьярами), развитие отношений Вены и Пешта, выступление войск Елачича против венгерской столицы, обсуждение "венгерского вопроса" в рейхстаге, формирование антивенгерского (антимадьярского) фронта, с одной стороны, и усиление симпатий в Вене к венгерским революционерам – с другой. Специальное внимание уделяет автор позиции чешских депутатов рейхстага в этих вопросах, их роли в формировании антимадьярского фронта. Он приходит к выводу, что преданность двору и венскому правительству, проявленная чешскими буржуазными либералами в период, предшествовавший октябрьской революции в Вене, предопределила и их враждебное отношение к этой революции.

Специальную статью посвящает Колейка откликам на Венское восстание в чешских землях, а также в Галиции и у южных славян (86а). Он отмечает, что К. Гавличек, Ф. Ригер и другие чешские либералы всячески подчеркивали, будто бы вспыхнувшая в Вене в октябре 1848 г. борьба носит национальный, антиславянский (со стороны немцев и мадьяр) характер. Они утверждали, что если победит революционная Вена, то победит и Франкфурт и монархия распадется; если же победит армия (Виндишгрец), то монархия сохранится. Следуя этой логике, чешские либералы оказались в лагере контрреволюции. Констатируя, что поначалу (в ходе Венского восстания) точку зрения либералов в основном разделяли и некоторые радикальные демократы (например, К. Сабина), Колейка указывает как на общую базу этого временного единства на концепцию австрославизма. В то же время он подчеркивает, что в среде радикальных демократов были и иные подходы и оценки, например, у Франтишка Гавличека, Я.С. Вавры и других, понимавших, что поражение Венского восстания станет победой политической реакции в империи.

Чешские либералы и те радикалы, которые встали на позиции прогабсбургского лоялизма, доказывали обоснованность своего австрославизма необходимостью отдавать предпочтение принципу "национальности" перед "свободой" в том смысле, что хотели прежде всего обеспечить для чехов и остальных славян ту или иную форму государственности (самоуправления), и только после этого готовы были согласиться со "свободой", понимаемой как установление демократии, буржуазно-демократического строя (86а, с. 272).

Вопросу о характере дискуссий, проходивших в ноябре 1848 г., относительно соотношения понятий и политических лозунгов "свобода" и "национальность" Й. Колейка посвящает статью, опубликованную в 1984 г. (86б). Он показывает в ней, что по мере развития событий позиции ра-

дикальных демократов все больше отличаются от либеральных, постепенно усиливается понимание неправильности, ошибочности отрыва друг от друга и противопоставления этих понятий и лозунгов, понимание того, что национальные требования и чаяния могут быть осуществлены лишь при условии утверждения демократических свобод и принципов и что сами эти принципы и свободы могут быть последовательно осуществлены лишь в условиях национального равноправия.

Немецкие и венгерские демократы исходили из приоритета "свободы" перед "национальностью", но понимали это таким образом, что "немецкая" и "мадьярская" свобода настолько прогрессивна и притягательна, что в этом свете всякие стремления ненемецких и немадьярских народов к национальному равноправию являются излишними, несвоевременными, противоречащими торжеству принципа "свободы", реакционными. «Представители же ненемецких и немадьярских народов отстаивали, однако, точку зрения ... что необходимо одновременно или даже предварительно обеспечить интересы собственной национальности, обосновывая это тем, что "и самая большая свобода без национальности ничего собой не представляет" или, по выражению Карла Гавличека, "политическая свобода без национальной не имеет ценности"» (86б, с. 29, 31). Именно из такого противопоставления национальных интересов демократическим свободам и вытекало, пишет Колейка, поддержка либералами и частью демократов действий контрреволюции против революционной Вены и Венгрии.

Автор выступает против необоснованного приписывания Венской революции в октябре 1848 г. национально-немецких целей как якобы главного ее содержания. Он пишет: "Восстание было в первую очередь политическим движением радикальной мелкой буржуазии и стихийным выступлением пролетариата против военно-политической реакции в австрийской части габсбургской империи. Восстание имело также демократическо-интернациональные черты: оно выступило прежде всего в защиту мадьяр (против военного похода в Венгрию), звучали и призывы, направленные против военной оккупации итальянской Ломбардии" (86б, с. 31). Автор указывает также на многонациональный состав участников Венского восстания (немцы, мадьяры, поляки, итальянцы, некоторые украинцы и даже отдельные лица чешской и южнославянских национальностей).

Колейка подчеркивает, что усиливавшаяся в октябре - ноябре 1848 г. критика либералов со стороны радикальных демократов свидетельствовала о все большем понимании последними того, что осенью 1848 г. речь шла не о споре между немцами и чехами, а о споре между теми, кто стоял на консервативных, прогабсбургских позициях, и теми, кто отстаивал радикально-демократические позиции, а таких было больше в немецкой среде. Именно понимание этого позволило части пражских студентов выразить симпатии венским повстанцам. Поэтому же в пражской печати уже во второй половине октября стали появляться статьи, в которых подчеркивалось, что в Вене происходит столкновение реакции и свободы.

Колейка констатирует, что с середины ноября 1848 г. чешские радикальные демократы были уже убеждены в том, что в Австрии пришли к власти армия и "реакция", что именно против "свободы", а не против "национальности" в первую очередь нацелены силы реакции. "Понимание взаимоотношения между политической свободой и национальным равноправием позволило авторам статей в пражских радикальных газетах видеть ситуацию в Вене и в Австрии после падения революционной Вены иначе, чем писали и говорили об этом либералы" (86б, с. 36-37), — заключает Колейка.

Позиции чешских депутатов австрийского рейхстага по национальному вопросу Й. Колейка касается в статье, посвященной рассмотрению рейхстагом в период его работы в г. Кромержиже (ноябрь 1848 — март 1849 г.) проектов реорганизации государственной структуры Австрийской империи (82). Особо останавливается он здесь на предложенном Ф. Палацким известном проекте разделения империи на семь территориально-административных частей, в котором он предусматривал разделение чешских земель по этническому признаку на немецкую и чешскую части, что естественно вызвало острую критику и протест (хотя и по разным мотивам) большинства депутатов, как и ряд других предложений Палацкого.

В этой статье Колейка показывает, в частности, что чешские радикальные демократы уже на рубеже 1848 и 1849 гг. стали осознавать вредные последствия раздоров между народами австрийской империи, прежде всего между чехами и немцами, между мадьярами и южными славянами и словаками. С этого времени в практической политике радикальных демократов стали все более определенно проявляться тенденции к сотрудничеству разных народов "в совместной борьбе против общего врага", т.е. против реакции и контрреволюции.

Таким образом, в серии названных выше статей Й. Колейка рассмотрел различные аспекты формировавшихся в период революции 1848-1849 гг. в кругах европейской демократии представлений по национальному вопросу, некоторые важные особенности развития в этот период национальных движений различных народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он также проанализировал отношение к этим движениям, их целям и программам со стороны противоборствовавших в ходе революции политических и социальных сил и течений, определявших характер революционных процессов в государствах Германского союза и в Австрийской империи и содержание деятельности Франкфуртского национального собрания и австрийского рейхстага, различные проекты послереволюционного устройства государств региона и системы взаимоотношений между ними, прежде всего применительно к народам и землям габсбургской монархии и Германского союза.

Завершением этого цикла работ Й. Колейки стала его монография «"Принцип национальности" и интернационализм в 1789-1860 годах» (70). Эта книга, название которой имеет подзаголовок «Возникновение марк-

систской теории национального вопроса и "внешней политики"», включила в себя выводы и некоторые тексты рассмотренных или упомянутых выше статей.

Анализируемая в книге проблематика разделена автором на три хронологических периода. Первый раздел охватывает время от Великой французской буржуазной революции до начала революции 1848 г. и содержит общую характеристику этого периода, представления того времени о таких понятиях, как "нация", "право наций", "принцип национальности", отношения между "нациями-государствами". Особое внимание уделено здесь тогдашним взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному вопросу, прежде всего - относительно проблем, вытекавших из перспектив надвигавшейся европейской буржуазной (буржуазно-демократической) революции. Второй раздел книги посвящен периоду революции 1848-1849 гг., третий - эпохе неабсолютизма 50-х годов XIX в.

Непосредственное отношение к тематике нашей работы имеет, естественно, материал второго раздела, распадающегося, в свою очередь, на четыре параграфа.

Общей задачей раздела автор определяет выяснение значения и роли национальной проблематики в революции 1848-1849 гг. В первом параграфе раздела дается общий обзор хода революции в разных странах Европы, в том числе в государствах Германского союза и в монархии Габсбургов, характеризуются основные задачи и движущие силы революции. Автор делает вывод, что "главным содержанием большинства революционных движений в 1848 г. были требования объединения, освобождения или равноправия для многих народов (наций)" (70, с. 72).

Вывод бесспорно правильный, если понимать его в том смысле, что это было о д н о й из главных задач революции наряду с ликвидацией феодальных производственных отношений и абсолютизма. Но вывод, сформулированный неточно, если понимать его как выдвижение указанных И. Колейкой национальных задач в качестве главных п о с р а в н е н и ю с ликвидацией феодализма и абсолютизма. В этом смысле представляется более точной приводимая здесь самим автором формулировка из статьи И. Кочи и В. Матулы: "Национальный вопрос стал в ряде стран неразрывной составной частью революционного движения" (41, с. 62). Иными словами, завоевание национальных свобод (т.е., осуществление задач объединения, освобождения или равноправия наций), с одной стороны, и ликвидация феодальных порядков, абсолютистских режимов - с другой, были задачами взаимосвязанными в том смысле, что решаться они могли и должны были о д н о в р е м е н н о, поскольку решение национального вопроса было составной частью общей задачи демократизации общества, а последняя, в свою очередь, не могла быть реализована без него.

К этому вопросу, к трактовке понятий "принцип национальности" и "право наций" автор переходит в следующем, втором параграфе раздела. Он констатирует широкое распространение весной 1848 г. этих принципов,

трактовавшихся, однако, далеко не всегда одинаково. Й. Колейка показывает, что, требуя объединения, освобождения или равноправия своей нации, ее политические представители добивались часто такого государственно-правового устройства Европы, таких границ своей государственности, с которыми не могли или не хотели согласиться соседние и некоторые другие государства и национальные движения. «В то время, как одни хотели объединиться на основе языка, другие желали осуществить это на базе исторически сложившейся территории, третьи... на комбинации принципов языка, территории, культуры и "потребностей"» (70, с. 74).

Автор приводит свидетельства того, что немецкие и венгерские (мадьярские) политические лидеры, добиваясь решения своих национально-политических целей в революции, игнорировали национальные интересы славянских и других наций или даже активно противодействовали их осуществлению, ссылаясь на приоритет лозунгов "свободы" перед национальными требованиями. Ответом на это со стороны славянских лидеров было требование равноправия всех — больших и малых — народов, основанного на принципе первоочередности национальных задач. Характеризуя оба эти подхода как противостоящие, Й. Колейка подчеркивает, что "принцип национальности" или "права наций" должен был заключать в себе не только стремление к самобытности и самостоятельности собственной нации, но и признание обоснованности подобных же стремлений у соседних и других народов, готовность (и обязанность) больших и свободных наций помогать добиться свободы угнетенным, борющимся за свое существование, самобытность и равноправие народам. Он отмечает, что наиболее последовательно такое понимание "права наций", "принципа национальности" отстаивали К. Маркс и Ф. Энгельс, указывавшие, что этот принцип содержит не только право для себя, но и обязанности по отношению к другим.

Рассмотрев в третьем параграфе внешнюю политику европейских держав периода революции, Й. Колейка констатирует, что "хотя главным врагом революции 1848 г. была прежде всего Россия, однако правительства Англии и Франции не только сознательно не поддерживали стремлений к переменам в Европе, но и сами содействовали поражению отдельных революционных и освободительных движений" (70, с. 91).

Однако, пишет Колейка, позиция Англии и Франции не была главной причиной поражения буржуазной революции. "Неопытность, неспособность и прямое предательство представителей буржуазии в правительствах Пруссии, Австрии, Сардинии и, наконец, Франции способствовали тому, что международная изоляция русского царизма, возникшая было весной 1848 г., длилась недолго и что старые общественные классы в Австрии и Пруссии смогли продолжить свою политику союза с Россией против революции" (Там же). При этом Колейка подчеркивает, что, хотя правительства Англии и Франции и не заключили с Австрией или Россией какой-либо официальный блок против революции, они все же помогли ее поражению своей политикой сохранения в Европе контрреволюционного статус-кво.

Интересный анализ формирования и пропаганды идей революционного сотрудничества народов Европы содержится в четвертом параграфе второго раздела книги Й. Колейки. Показывая широкое распространение этих идей в годы революции, автор отмечает многочисленные связи и контакты представителей демократических групп Франции, Германии, Англии, Италии, Польши, Венгрии и других стран и приходит на основе этого к выводу, что наличие и размах этих связей позволяют говорить о "европейской демократии", ядром которой с конца февраля до июня 1848 г. были французские революционные демократы, а с июля 1848 г. во все большей степени становились немецкие революционные демократы во главе с Марксом и Энгельсом и их "Новой Рейнской газетой".

Й. Колейка формулирует "главные идеи программы европейской демократии" следующим образом:

1. Революция освободит свой народ и другие народы на основе принципа братства.
2. Тот, кто хочет сам быть свободным, не может угнетать других.
3. Те, кто уже победили дома, окажут революционную помощь еще не свободным и борющимся за свободу.
4. Право на такую помощь (а тем самым и на собственную государственность в будущей "новой" Европе) имеют те, кто сами борются за свое освобождение и содействуют формированию общего фронта революции против главных врагов демократии.
5. Предпосылкой или гарантией победы революции и осуществления принципа братства между народами является революционная война против царизма, против габсбургской монархии и против прусских Гогенцоллернов (70, с. 104).

Важное место в книге Колейки отводится анализу развития в ходе революции взглядов Маркса и Энгельса по национальному вопросу, в особенности их оценке роли национальных движений чехов и других славянских народов в судьбах революции, делению ими в этой связи выступивших на европейской политической арене народов и наций на реакционные, контрреволюционные, с одной стороны, и революционно-демократические — с другой. Колейка усматривает в таком подходе Маркса и Энгельса к этому вопросу отражение влияния на них гегельянства и неполный учет ими всей совокупности обстоятельств, воздействовавших на формирование различных, в том числе славянских национально-политических движений и их программ.

Он пишет, в частности: «Оценка Марксом и Энгельсом славянских народов как контрреволюционных с середины 1848 г. имела, несомненно, объективную основу в политике консервативных элементов чешской, словацкой, хорватской, словенской и сербской наций, но не учитывала в достаточной мере внешних причин и импульсов формирования конкретных позиций чехов, хорватов и др. Хотя Энгельс и осуждал в июне и июле немцев за то, что они толкнули чехов "в объятия контрреволюции", он все же оценивал лишь итоговый результат, то есть последующие позиции чехов и других по от-

ношению к Габсбургам, без учета "национального эгоизма" немцев и мадьяр. Кроме того, мы теперь знаем, что дальнейшее существование господства Габсбургов в Австрийской империи после марта 1848 г. не зависело от позиции славянских народов: решающую роль в этом сыграла прежде всего политика немецко-австрийской буржуазии, которая сохранила в венском (немецко-австрийском) правительстве руководство армией и внешней политикой (союз с царизмом!) в руках "короны" (императора, двора - "hofpartaj"). Также непоследовательно, а затем и контрреволюционно поступала и немецкая буржуазия в прусском правительстве» (70, с. 163).

Можно понять стремление Й. Колейки отвергнуть или уточнить те острые и не подтвержденные дальнейшим ходом истории оценки и выводы основоположников марксизма, которые были сделаны ими в некоторых статьях в ходе революции и вскоре после нее относительно исторических судеб и особенно перспектив исторического развития чехов, словаков и южных славян. Определенная работа в этом направлении проделана и советскими исследователями. Однако приведенные в этой цитате его суждения по этому поводу (как и некоторые другие, содержащиеся в книге) представляются недостаточно обоснованными.

Прежде всего объективной основой оценок Марксом и Энгельсом реакционной, контрреволюционной роли славянских народов и их национальных движений была не только политика консервативных элементов этих народов, но и их либеральной буржуазии, возглавившей национальные движения и приведшей их к столкновению с революцией.

Трудно также согласиться с тем, будто бы в своих оценках позиций славянских народов Маркс и Энгельс не учитывали в достаточной мере внешнеполитический фактор, под которым Колейка понимает "национальный эгоизм" немцев и мадьяр. Достаточно хорошо известно, с какой непримиримостью и остротой осуждали Маркс и Энгельс угнетательскую в отношении других народов политику немецких господствующих классов, характеризуя немцев как нацию, позволившую "превращать себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций..." (2, с. 84). Также хорошо известны и многие другие высказывания, свидетельствующие об остро критическом отношении Маркса и Энгельса к позиции немецкой буржуазии относительно других наций в ходе революции.

И совсем уж сомнительно, необоснованно утверждение Й. Колейки о том, будто бы дальнейшее сохранение господства Габсбургов "не зависело от позиции славянских народов". Если и признать, что решающую роль в этом действительно сыграла политика немецко-австрийской буржуазии, то как же можно сбрасывать со счетов активные выступления против революции в Австрийской империи славянских национальных движений, оказавшихся в руках славянской буржуазии, вступившей в союз с императорским двором, с аристократией, со всеми силами контрреволюции?

А ведь именно этот факт — столкновение национальных движений чехов и других славянских народов монархии Габсбургов (кроме поляков) с австрийской, венгерской, а тем самым и европейской революцией — и послужил основой для оценок основоположниками марксизма объективной исторической роли, сыгранной названными славянскими народами в ходе революции, как реакционной. И именно этот факт позволил В.И. Ленину со всей определенностью утверждать, что у Маркса и Энгельса «... в 1848 г. были исторические и политические основания различать "реакционные" и революционно-демократические нации...» (14, с. 260).

В свое время, еще в 1967 г., Ян Новотный в статье "Дискуссия вокруг вопроса об оценке революции 1848—1849 гг." (46; 47), ставя под сомнение оценки К. Марксом и Ф. Энгельсом объективной роли славянских национальных движений, стремился доказать необоснованность этих оценок тем, что славяне Венгрии, мол, выступали против венгерской революции "не с целью нанести революции поражение, а для защиты собственного национального существования венгерских славян и за равноправие народов в Венгрии" (46, с. 207). Конечно, причины, толкнувшие славянские национальные движения "в объятия контрреволюции" заслуживают всяческого внимания и дальнейшего изучения. Однако объективно-исторический результат столкновения этих движений с австрийской, венгерской, германской, европейской революцией не опровергается подобной постановкой вопроса: оно (столкновение) стало одной из важнейших причин поражения революции. И неправ был Я. Новотный, когда оценивал как необоснованные «известные априорные суждения, которые неисторически делят целые народы на "революционные" (немцы, мадьяры) и "реакционные" (главным образом славяне) без учета сложности их взаимоотношений в буржуазной революции в Центральной Европе, а славянские движения зачисляют слишком однозначно (а потому упрощенно и схоластически) в общий лагерь контрреволюционных сил» (46).

К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин имели основания для таких оценок, рассматривая все эти процессы с точки зрения объективных интересов европейской революции 1848—1849 гг. Другое дело, что у основоположников марксизма, главным образом у Ф. Энгельса, в некоторых статьях периода революции содержались отдельные ошибочные положения, обстоятельный и достаточно взвешенный анализ которых (и причин их возникновения) содержится в подготовленном коллективом советских исследователей предисловии к 5, 6, 8, 11, 43 томам второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако общий, принципиальный подход классиков марксизма-ленинизма к оценке объективной исторической роли национальных движений славянских народов монархии Габсбургов в 1848—1849 гг. не является ошибочным.

Если попытаться в заключение этой темы в самом сжатом виде сформулировать возобладавшую в чехословацкой историографии к началу 1980-х годов в результате многолетних дискуссий точку зрения относительно

оценки основоположниками марксизма исторической роли славянских народов Австрийской империи в революции 1848-1849 гг., то в качестве такого обобщения можно было бы привести суждение по этому поводу Мирослава Гроха в его опубликованной в 1981 г. во многих отношениях интересной книге о буржуазных революциях в Европе.

М. Грох пишет, что К. Маркс и Ф. Энгельс "... вначале приветствовали участие славян в революции (поэтому нельзя приписывать им априорную антиславянскую предубежденность), но позднее они справедливо критиковали переход славян на контрреволюционные позиции. Эта критика обоснована тем, что австрийские славяне - пусть в большей или меньшей степени - объективно оказались в определенной фазе развития событий на контрреволюционной стороне баррикады" (45, с. 375).

На наш взгляд, есть все основания присоединиться к этому выводу, как и к мнению тех авторов, которые видят важнейшие причины возникновения такой ситуации как в ошибочной, шовинистической антиславянской национальной политике немецких и венгерских буржуазных революционеров, так и в националистической политике чешской либеральной буржуазии.

Х ж ж

Вполне понятно, что в рамках изучения национального вопроса в чешских землях в период революции проблематика чешско-немецких отношений получила наиболее полную и разностороннюю разработку, поскольку именно она определяла главное содержание национально-политических процессов в этом регионе.

Несравненно меньшее внимание было уделено отношениям чешско-мадьярским, которых касались, кроме упоминавшихся ранее статей Б. Шинделаржа (31-34), также И. Мацурек в статье "Из истории чешско-мадьярского сотрудничества в 1848-1867 гг." (103) и Я. Новотный в совместной с венгерским историком Э. Ковачем книге "Мадьяры и мы" (103а, с. 173-198). К сожалению, в обеих этих работах конкретно-исторического материала для характеристики чешско-мадьярских отношений в рассматриваемый период крайне мало. Отметим лишь приводимые в книге Э. Ковача и Я. Новотного свидетельства того, что чешские радикальные демократы с конца 1848 г. во все большей степени сознавали значение венгерской революции для общей борьбы против австрийской реакции, для судеб чешского народа, рассматривая Венгрию в качестве "последнего плацдарма свободы народов не только для нас, но и для всей Германии и даже, возможно, для всей Европы", как писал об этом в декабре 1848 г. Э. Арнольд (103а, с. 185). Авторы книги подчеркивают, что в этот период, формулируя программу чешских радикальных демократов, Арнольд выдвинул требование ликвидации австрийской монархии путем совместной с мадьярами и демократическими силами других народов борьбы и создания самостоятельного Чешского государства на республиканской и демократической основах (103а, с. 187).

Меньше, чем можно было бы ожидать, публиковалось работ о чешско-словацких отношениях в 1848-1849 гг. По сути дела, тут почти полным монополистом оказался Ян Новотный, который в продолжение посвященной более раннему периоду (до 1848 г.) его книги "О братской дружбе чехов и словаков в период национального возрождения" (89) опубликовал несколько сравнительно небольших работ, близких по содержанию с точки зрения конкретно-исторического материала, но имеющих отличия в трактовке принципиальных теоретических вопросов.

Первая из этих работ, опубликованная в 1963 г., была посвящена чешско-словацким отношениям на первом этапе революции 1848 г., т.е. до Славянского съезда и Пражского восстания включительно. При этом автор, отмечая активное участие лидеров словацкого национального движения (Штур, Гурбан и др.) и в съезде, и в восстании, подчеркивает их тесные связи с радикальными демократами и бóльшую, чем у чешских либералов, прогрессивность и демократизм в подходе к решению национального вопроса (90, с. 387-388). Я. Новотный оценивает в этой статье первый этап революции 1848 г., включая Славянский съезд и Пражское восстание, как время наивысшего развития прогрессивной линии чешско-словацких отношений эпохи национального возрождения (90, с. 388).

Продолжение этой работы, посвященное периоду от Славянского съезда до поражения революции в 1849 г., было опубликовано Я. Новотным уже в 1968 г. (91), после публикации им упоминавшейся выше статьи 1967 г. относительно дискуссий об оценке характера революции 1848-1849 гг. (46). В духе положений этой дискуссионной публикации выдержано и опубликованное в 1968 г. продолжение статьи Я. Новотного 1963 г. Он счел необходимым извиниться в ней за приведенную выше оценку первого этапа революции 1848 г. как кульминации прогрессивной линии развития чешско-словацких отношений, заявив, что в этой его оценке проявились, дескать, непреодоленные еще влияния прежних догматических, схематических, упрощенных и т.п. взглядов относительно национальных движений чехов, словаков и других угнетенных славянских народов. Он подчеркнул, что это относится в особенности к оценке славянских движений после поражения Пражского восстания и октябрьской революции в Вене, в период "политического конфликта австрийского и венгерского правительств и национальной войны в Венгрии" (91, с. 299).

Я. Новотный пояснил изменение своих позиций тем, что "преодоление догматизма и процесс возрождения в чешской и словацкой марксистской историографии, характерный для последнего периода ее развития (т.е. для периода кризисного развития в ЧССР в 1968 г. - И.У.), породили, вполне естественно, и стремление сформировать новый взгляд на ход революции 1848-1849 гг., на реальную роль освободительных движений чехов, словаков и других угнетенных славянских народов" (91, с. 300). В этой связи Я. Новотный подчеркивает, что он имеет в виду "показать, что прогрессивная линия чешско-словацких отношений в национально-ос-

вободительной борьбе в период революции 1848-1849 гг. не завершилась сотрудничеством делегатов Славянского съезда демократической и радикальной ориентации и участием словаков в боях на пражских баррикадах в ходе июньского (святодуховского) восстания против австрийской реакции, а продолжалась в совместных усилиях, направленных на доведение революции до конца". Поясняет эту мысль автор в том смысле, что "с точки зрения национально-политического положения чехов и словаков решающим моментом была борьба за последовательное осуществление принципа национального равноправия в рамках габсбургского государства, за укрепление конституционного принципа, за буржуазно-демократические преобразования, гражданские права, свободы и их конституционное оформление. Если с чешской стороны, - пишет Я. Новотный, - эта борьба велась на платформе политических переговоров, с использованием легальных средств (прежде всего рейхстага), а нередко и необходимых компромиссов, то словаки и остальные угнетенные нации и национальности Венгрии были вынуждены обстоятельствами прибегнуть к вооруженному восстанию против господства мадьяр. Вооруженная национально-освободительная борьба словаков проходила - особенно в первой фазе (т.е. до весны 1849 г.) - при поддержке и прямом участии чешских патриотов" (91, с. 301).

Мы привели эту обширную цитату для того, чтобы стало яснее - что именно менял в 1968 г. в своей позиции и в своих оценках автор. Как вытекает из сказанного, он видел путь к преодолению догматизма и схематизма в том, чтобы переместить кульминацию, высшую точку развития прогрессивной линии чешско-словацких отношений того времени с периода подъема революционного движения в чешских землях, завершившегося Пражским восстанием, на время совместных выступлений чешской и словацкой буржуазии во второй половине 1848 г. и в 1849 г. за реализацию лозунгов австрославизма, т.е. за сохранение габсбургской монархии в преобразованном виде, выступлений, осуществлявшихся как в форме легальной (на почве рейхстага) борьбы чешских либералов против австрийской революции, так и в форме вооруженной борьбы словацких (с участием "чешских патриотов") отрядов против венгерской революции.

Плодотворность и обоснованность подобного рода подхода к истории чешско-словацких отношений не может не вызывать, по меньшей мере, серьезных сомнений. Такой подход нашел свое отражение в той или иной форме и степени и в других опубликованных в 1968-1971 гг. его работах об отношениях чехов и словаков в ходе революции, в том числе в книге "Чехи и словаки в период национального возрождения и до возникновения Чехословацкого государства" (92), в главе "Чехи и словаки в революционные годы" в коллективном труде "Словацкая весна. Словацкое восстание 1848-1849 гг." (93), в статье "О проектах совместного государственно-политического решения чешского и словацкого вопросов в революции 1848-1849 гг." (88).

В то же время следует отметить, что в этих работах Я.Новотного обоб-

щен значительный фактический материал для характеристики чешско-словацких отношений рассматриваемого периода. Примерно то же можно сказать и о монографии Я.Ткадлечковой-Вантуховой "Чехи и словаки в национально-освободительной борьбе до австро-венгерского соглашения [1867г." 95).

Более фундаментальную разработку получила проблематика чешско-польских отношений и связей этого периода, особенно в капитальном труде Вацлава Жачека "Чехи и поляки в 1848 г.", опубликованном в двух частях в 1947-1948 гг. (263) и послужившем основой для его обобщающей обширный архивный, документальный, историографический материал главы во втором томе коллективного труда "Чехи и поляки в прошлом", вышедшего в свет в 1967 г.

Перу В. Жачека принадлежит и глава о чешско-югославянских отношениях и связях в 1848-1849 гг. в коллективной монографии "Чехи и южные славяне в прошлом", изданной в 1975 г. под редакцией Й. Кочи (100). И он же опубликовал исследование о связях в этот период чехов с украинцами Галиции (102).

Работы В. Жачека, Я. Новотного, Я. Ткадлечковой-Вантуховой и других авторов об отношениях и связях чехов со славянскими народами Австрийской империи содержат обширный и важный конкретно-исторический материал для характеристики процессов формирования национально-политической программы чешской буржуазии как программы австрославизма.

Наиболее полно вопрос о чешско-русских отношениях в период революции, а точнее говоря - об отношении к царской России, к русскому народу чешских радикальных демократов и национал-либералов, освещен В. Чейханом в написанной им главе для "Истории чешско-русских отношений в 1770-1917 гг." (96). Речь в этой работе идет главным образом о контактах радикальных демократов с М. Бакуниным, о реакции чешской общественности на его политические выступления и конкретные акции в связи со Славянским съездом, Пражским восстанием, "майским заговором" 1849 г., а также об откликах в чешских землях на внешнеполитический курс Николая I, особенно на его интервенцию против революционной Венгрии, на политику царизма в польском вопросе и т.п.

Наконец, в связи с вопросом об отношениях чехов с другими славянскими народами, упомянем о двух опубликованных в 1968 г. работах, рассматривающих проблематику так называемых славизмов, т.е. различных концепций межславянских отношений: "славянской взаимности", "славянской общности", австрославизма и т.п. Речь идет о книге Франка Вольмана "Славизмы и антиславизмы в период весны народов" (265) и о главе Вацлава Чейхана об австрославизме в 1848-1849 гг. в коллективном труде чехословацких авторов "Славянская идея в национальной жизни чехов и словаков" (266). Мы выделяем названные две работы потому, что в них затронуты вопросы, связанные с попытками реализации этих идей непосредственно в ходе революционных событий в 1848-1849 гг. и с объективными историческими последствиями таких попыток.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы, выраженные в названиях глав настоящей работы, избраны автором в качестве основного содержания историографического обзора потому, что именно они являются, на наш взгляд, ключевыми для понимания характера процессов общественного развития чешских земель в 1848-1849 гг.

Уже проделанная чехословацкими историками работа по изучению форм и степени участия народных масс в революционных событиях этих лет, хотя она далеко еще не завершена, позволяет тем не менее сделать тот важный вывод, что степень воздействия социально-политической активности крестьянства и пролетариата, мелкобуржуазных слоев города и деревни, их революционных выступлений в 1848-1849 гг. на общее развитие обстановки в чешских землях, на политическую дифференциацию в лагере буржуазии, на формирование контрреволюционного блока консервативных сил, либеральной буржуазии, правительства и двора была более значительной, чем это представлялось до публикации работ Й. Кочи, Б. Шинделаржа, Ф. Роубика и других авторов, разрабатывавших в последние десятилетия эту тематику. Накопленный уже теперь материал дает, на наш взгляд, основания относить революцию 1848-1849 гг. в чешских землях, как и в Австрийской империи в целом, к числу незавершенных революций буржуазно-демократического типа.

Значительно расширили и углубили чехословацкие историки характеристику идейно-политических позиций и политической практики чешской буржуазии в ходе революции 1848-1849 гг., ее взаимоотношений с другими классами и социальными слоями чешского общества - мелкой буржуазией, крестьянством, пролетариатом, дворянством; с политическими институтами габсбургской монархии - императорским двором, правительством, рейхстагом, земским управлением чешских земель. Прделанная в этой области большая работа позволяет уточнить оценки политической роли чешской буржуазии в общественных процессах того времени как класса, выдвинутого ходом истории на позиции гегемона буржуазной (буржуазно-демократической) революции и не выполнившего этой миссии ввиду, по существу, предательской в отношении ее целей политики либеральной буржуазии.

Одним из важнейших достижений чехословацкой историографии в послевоенные десятилетия стало серьезное усиление внимания к процессам по-

литической дифференциации в чешском буржуазном лагере, к формированию и деятельности радикально-демократического направления как той политической силы, которая в годы революции более полно, чем другие политические группировки, выражала объективные интересы и потребности нации, народных масс.

Несмотря на различия в подходе отдельных авторов к этой теме, общие результаты их исследований дают основания рассматривать созданную радикальными демократами 40-х годов XIX в. традицию как наиболее прогрессивную и революционную в период, предшествовавший возникновению в чешских землях организованного рабочего движения.

Больших положительных результатов добились чехословацкие историки и в изучении национальной проблематики общественно-политической борьбы в революционные годы. Было существенно продвинуто вперед не только изучение основных теоретических аспектов национального вопроса, развития межнациональных отношений в чешских землях, национальной политики различных социальных слоев чешского общества, но и обстоятельно (особенно в работах Й. Колейки) проанализирована та межнациональная и международная обстановка, в которой формировались идейно-политические течения чешского национального движения и которая оказала во многом определяющее воздействие на обострение национальных столкновений в монархии Габсбургов, столь пагубно сказавшихся на судьбах австрийской и европейской революции.

На фоне проделанной чехословацкими историками работы рельефно выделяются две темы, заслуживающие, на наш взгляд, первоочередного дальнейшего изучения: (а) социально-политическая борьба крестьянства, пролетариата и городской мелкой буржуазии чешских земель как важнейший фактор развития революционных процессов 1848-1849 гг. и (б) чешская радикальная демократия как составная часть европейской революционной демократии 40-х годов XIX в.

Обе эти темы связаны с раскрытием главного содержания общественных процессов в чешских землях, прогрессивных, революционных традиций национальной истории, а, следовательно, и перспектив развития чешского общества в последовавшие десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Э н г е л ь с Ф. Начало конца Австрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 471-478.
- 2 Э н г е л ь с Ф. Пражское восстание // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 84-85.
- 3 Э н г е л ь с Ф. Демократический характер восстания // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 112-114.
- 4 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Внешняя политика Германии и последние события в Праге // Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 212-215.
- 5 М а р к с К. Революция в Вене // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 449-450.
- 6 Э н г е л ь с Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 175-186.
- 7 Э н г е л ь с Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 289-306.
- 8 Э н г е л ь с Ф. Война в Италии и Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 409-412.
- 9 Э н г е л ь с Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 3-113.
- 10 Э н г е л ь с Ф. Германия и панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 202-208.
- 11 Э н г е л ь с Ф. Чешским товарищам к Первому мая. Воспоминание из времени 1848 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 420.
- 12 Э н г е л ь с Ф. О военной диктатуре в Австрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 43. С. 438-441.
- 13 Л е н и н В.И. Революция типа 1789 или типа 1848 года? Полн. собр. соч. Т.9. С. 380-382.
- 14 Л е н и н В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы). Полн. собр. соч. Т. 27. С. 252-266.
- 15 Л е н и н В.И. Итоги дискуссии о самоопределении. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 17-58.
- 16 Klíma A. Revoluce roku 1848 Pr., 1952.
- 17 Klíma A. Revoluce 1848 v českých zemích. Pr., 1974.
- 18 Červinka F. Přehled dějin Československa v epoše kapitalismu. I. 1848-1849. Pr., 1959.
- 19 Urban O. Česká společnost 1848-1918. Pr., 1982.
- 20 Čejchan V. Revoluční a národní hnutí českého lidu v letech 1848-1849 // Přehled československých dějin. D. II. 1848-1918. Svazek 1. 1848-1900. Maketa. Pr., 1960. S. 7-95, 127-130.
- 21 Polišenský J. Revoluce a kontrarevoluce v Rakousku 1848. Pr., 1975.
- 22 Šolle Z. Revoluční léta 1848-49 // Československá vlastivěda. Díl II. Dějiny. Svazek 2. Kapitola III. Pr., 1969. S. 145-162.
- 23 Šolle Z., Gajanová A. Po stopě dějin: Češi a Slovinci v letech 1848-1938. Pr., 1969.
- 24 Belda J. Liberec v revolučním roce 1848. Liberec, 1959.

- 25 Randýsek R. Revoluční leta 1848-1849 ve Strakonických // Jihočeský sborník historický. 1970. N 1. S. 24-28.
- 26 Robek A. Rok 1848 ve světle zápisků kronikářů středočeského kraje // Český lid. 1973. N 3.
- 27 Robek A. Rok 1848 v zápiscích středočeských lidových kronikářů // Český lid. 1973. S. 133-148.
- 28 Šolle Z. Praha v období 1848-1918 // Dějiny Prahy. Pr., 1964.
- 29 Trapl M. Olomouc v revolučním roce 1848 // Sborník Krajského vlastivědného muzea v Olomouci. Odd. B. IV/1956-1958. Olomouc, 1959.
- 30 Trapl M. České národní obrození na Moravě v době předbřeznové a v revolučních letech 1848-1849. Brno, 1977.
- 31 Šindelář B. Ohlas mad'arské revoluce 1848-1849 na Moravě a ve Slezsku // Rozpravy ČSAV. Sešit 3. Pr., 1957.
- 32 Šindelář B. Ohlas říjnových revolučních udalostí Vídeňských z roku 1848 na Moravě a ve Slezsku // Československý časopis historický (далее: ČSČH). 1956. Č. 2, 3.
- 33 Šindelář B. O revolučním roce 1848 v Brně // Věda a život. Pr., 1957. S. 139, 189.
- 34 Šindelář B. O úloze lidových mas v revolučním dění roku 1848 na Moravě a ve Slezsku // ČSČH. 1956. Č. 2. S. 207-231; N 3. S. 388-417.
- 35 Kolejka J. České národně politické hnutí na Moravě v l. 1848-74 // Brno v minulosti a dnes. Sborník. Brno, 1960. S. 301-371.
- 36 Drábek J. Olomouc v revolučním roce 1848. Olomouc, 1948.
- 37 Grobelný A., Chlebowczyk J. K průběhu buržoazně-demokratické revoluce 1848-1849 na Těšínsku // Studie o Těšínsku. 1978. N 6. S. 220-245.
- 38 Žáček V. Revoluce ve Slezsku v l. 1848-49 (Materiály) // K otázkám dějin Slezska. Sborník. Ostrava, 1956. S. 175-185.
- 39 Šindelář B. K ohlasu říjnového povstání vídeňského a mad'arské revoluce r. 1848-49 ve Slezsku // Ibid. S. 131-136.
- 40 Revoluce 1848-1849 ve Střední Evropě: Sborník referátů z mezinárodního vědeckého symposia historiků v Bechyni (10-11 září 1973). Pr., 1974.
- 41 Kočí J., Matula V. K některým otázkám českého a slovenského národního hnutí v buržoazní revoluci 1848-1849 // Ibid. S. 55-98.
- 42 Šindelář B. K některým teoretickým otázkám buržoazní a buržoazně demokratické revoluce // Ibid. S. 117-143.
- 43 Novotný K. Dělnické hnutí v českých zemích v letech 1848-1849 // Ibid. S. 186-210.
- 44 Jordan F. Dělnické hnutí a revoluce 1848 v českých zemích // Ibid. S. 175-185.
- 45 Hroch M. Buržoazní revoluce v Evropě. Pr., 1981.
- 46 Novotný J. Diskuse kolem hodnocení revoluce 1848-1849 // ČSČH. 1967. N 2.
- 47 Novotný J. K současné polemice našich a mad'arských historiků o marxistické hodnocení revoluce 1848-1849 // Historický časopis. 1967. N 2. S. 237-238.

- 48 Urban O. Otázky dovršení buržoazní revoluce v habsburské monarchii // Slované historické studie. XIII. Pr., 1982.
- 49 Novotný K. Účast dělnictva v buržoazní revoluci r. 1848-1849 v českých zemích // Slované historické studie, XIII. Pr., 1982. S. 143-168.
- 50 Novotný K. Hnutí typografického dělnictva v Praze roku 1848 // Zápisky katedry československých dějin a archivního studia. Vyd. Karlova Universita. Fil.-hist. fakulta. Ročn. III. Pr., 1958. Č. 1, 2.
- 51 Novotný K. Nepokoje železničních dělníků roku 1848 // ČsPS. 1953.
- 52 Novotný K. O národním vědomí českého dělnictva ve 40 letech 19 století // K národní problematice českých zemí v 19. a 20 století. Pr., 1977. S. 7-21.
- 53 Novotný K. První český časopis pro dělnictvo - Kampelíkův "Hlásník" z roku 1848 // Novinářský sborník. X. Pr., 1965.
- 54 První kroky k vítězství: Čtení o počátcích našeho dělnického hnutí / K vydání připravili Karel Novotný a Milan Mýška. Pr., 1966.
- 55 Dokumenty k dělnickému hnutí v českých zemích r. 1848-1849 / Vyd. K. Novotný. Pr., 1976.
- 56 Grobelný A. Stávkové hnutí dělnictva na Ostravsku v l. 1848-1866 // Radostná země. 1955. S. 97-101.
- 57 Vrbata J. et al. Sto let bojů českého dělnictva: 1848-1948. Pr., 1979.
- 58 Malý K. Policejní a soudní perzekuce dělnické třídy v druhé polovině 19 století v Čechách. Pr., 1967.
- 59 Št'astný V. Počátky dělnického hnutí slovanských národů habsburské monarchie // Slované historické studie. XIII. Pr., 1982. S. 211-234.
- 60 Adamčík S. Hladové bouře a selské renitence ve Slezsku r. 1947 // Slezský sborník. 1951. S. 206-211.
- 61 Drkal S. Selské renitence na Bilovecku v letech 1846-1848 // Slezský sborník. 1956. N 2. S. 183-194.
- 62 Klíma A. K rolnické otázce v revoluci 1848 // Dějepis a zeměpis ve škole. Pr., 1959. Č. 6.
- 63 Kocí J. Příspěvek k rolnické otázce v Čechách v r. 1848. III // ČSČN. 1957. Č. 2. S. 248-266.
- 64 Пурш Я. Развитие капитализма в сельском хозяйстве чешских земель в 1848-1879 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962. Минск, 1964. С. 521-570.
- 64a Purš J., Radimský J. Náhrada za zrušené feudální povinnosti na největších panstvích v českých zemích po roce 1848 // Československá vlastivěda. II. Dějiny. Pr., 1969. Svazek 2.
- 65 Roubík F. Revoluční rok 1848 a rolnictvo. Pr., 1955.
- 66 Houbík F. Hlas vesnické chudiny 1848 // Dějiny a současnost. 1959. N 4.
- 67 Zuber R. Poddanské bouře v Bílé Vodě a Horních Hořticích v roce 1848 // Slezský sborník. 1956. N 4. S. 457-467.

- 68 Urban O. Buržoazní revoluce v habsburské monarchii a národnostní otázka // K národnostní problematice českých zemí v 19 a 20 století. Pr., 1977. S. 23-56.
- 69 Urban O. Kapitalismus a česká společnost: K otázkám formování české společnosti v 19 století. Pr., 1978.
- 70 Kolečka J. "Národnostní princip" a internacionalismus 1789-1860: Vznik marxistické teorie národnostní otázky a "zahraniční politiky". Brno, 1984.
- 71 Kolečka J. Socialistické představy reorganizace Střední a Jihovýchodní Evropy (1848-1918) // Zborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského: Slovenská otázka a Stredná Evropa v novovekých dejinách. Br., 1971. S. 25-34.
- 72 Kolečka J. Předpoklady a zdroje vzniku socialistické teorie národnostní otázky a zahraniční politiky (do 4. 1848) // Časopis Matice moravské (далее: ČMM). 1978. N 3/4. S. 265-290.
- 72a Kolečka J. Marxovo a Engelsovo pojetí "národní" či "národnostní" otázky v období před rokem 1848 // ČMM. 1979. N 1/2. S. 49-63.
- 73 Kolečka J. Národní a mezinárodní cíle evropské demokracie v revolučních letech 1848-1849 // ČMM. 1979. N 3/4.
- 74 Kolečka J. Zahraniční politika evropských mocností v revolučních letech 1848 a 1849 // ČMM. 1980. N 1/2.
- 75 Kolečka J. Národnostní otázka v revoluci 1848-1849: O kritériích hodnocení národních hnutí // Slovanský přehled (далее: SP). 1980. N 3. S. 224-231.
- 76 Kolečka J. Národně sjednocovací hnutí Němců a jejich vztah k sousedům v období buržoazní revoluce 1848-1869: Příspěvek k národnostní otázce ve Střední Evropě // SP. 1980. N 4. S. 273-285.
- 77 Kolečka J. Národně sjednocovací úsilí Němců a jejich vztah k sousedům (květen až srpen 1848) // SP. 1980. N 5. S. 353-365.
- 78 Kolečka J. Národnostní otázka v Rakouské monarchii v období "Jara národu" // ČMM. 1981. N 1/2. S. 77-100.
- 79 Kolečka J. Německé Národní shromáždění ve Frankfurtu nad Mohanem o Rakousku a o "české otázce" r. 1848 // SP. 1981. N 1. S. 1-13.
- 80 Kolečka J. "Rakouská otázka" v celoněmeckém Národním shromáždění ve Frankfurtu n/Moh. (Září-listopad 1848) // SP. 1981. N 3. S. 235-248.
- 81 Kolečka J. "Rakouská otázka" v německém Národním shromáždění ve Frankfurtu nad Mohanem (Prosinec 1848 - duben 1849) // SP. 1981. N 5. S. 394-409.
- 82 Kolečka J. Návřhy na reorganizaci Rakouské říše na říšském sněmu v Kroměříži (listopad 1848 - březen 1849) // Sborník prací Filoz. fak. Brněnské univerzity. Řada historická (C). Brno, 1981. S. 95-110. N 28.
- 83 Kolečka J. Rakouský sněm ("Reichstag") ve Vídni. (červen-spreu 1848) // SP. 1982. N 2. S. 97-104.
- 84 Kolečka J. Rakouský sněm ("Reichstag") ve Vídni v létě 1848. Národnostní problematika v červenci - srpnu 1848 // SP. 1982. N 5. S. 364-374.

- 85 Kolečka J. Příprava války proti Maďarům v září 1848. I. (K dějinám etapy "mezi revolucí a kontrarevolucí" v rakouské říši) // SP. 1983. N 2. S. 115-124.
- 86 Kolečka J. Příprava války proti Maďarům v září 1848. II // SP. 1983. N 4. S. 287-296.
- 86a Kolečka J. Ohlas vídeňského povstání v českých zemích, v Haliči a u Jihoslovanů // ČMM. 1983. N 3/4. S. 258-273.
- 86b Kolečka J. Diskuse o vztahu "svobody" a "národnosti" z listopadu 1848 // ČMM. 1984. N 1/2. S. 29-39.
- 87 Krejchlich K. Němci a česká revoluce roku 1848. Brno, 1950.
- 88 Novotný J. K projektům společného státně politického řešení české a slovenské otázky za revoluce 1848-1849 // Zborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského-Historica. Ročn. XXII. Br., 1971.
- 89 Novotný J. O bratrské družbě Čechů a Slováků za národního obrození. Pr., 1959.
- 90 Novotný J. Příspěvek k vzájemným vztahům Čechů a Slováků v první etapě revoluce roku 1848 // Historický časopis. 1963. N 3. S. 366-388.
- 91 Novotný J. Češi a Slováci v národně politických bojích od Slovenského sjezdu do porážky revoluce 1848-1849 // Historický časopis. 1968. N 3. S. 299-330.
- 92 Novotný J. Češi a Slováci za národního obrození a do vzniku československého státu. Pr., 1968.
- 93 Novotný J. Češi a Slováci v revolučních letech // Slovenská jar: Slovenské povstanie 1848-1849. Bratislava, 1971.
- 94 Matula V. Revolúcia 1848-1849 a Slováci // Historický časopis. 1974. Č 2. S. 209-225.
- 95 Tkadlečková-Vantuchová J. Češi a Slováci v národnoslobodzovacom boji do rakúsko-uhorského vyrovnania roku 1867. Br., 1970..
- 96 Čejchan V. Česká společnost a carské Rusko v letech 1848-1849 // Dějiny česko-ruských vztahů. 1770-1917. Pr., 1967.
- 97 Kočí J. Česká politika a Bakuninův "Hlas k slovanům" // Slovenské historické studie. X. Pr., 1974. S. 113-140.
- 98 Klíma A. Rusko a revoluce 1848 v jihovýchodní Evropě // Dějiny a současnost. 1966. N 3. S. 9-14.
- 99 Švankmajer M. Četník Evropy // Dějiny a současnost. 1969. N 4.
- 100 Žáček V. Za buržoazní revoluce roku 1848 a 1849 // Češi a Jihoslované v minulosti. Pr., 1975. S. 289-343.
- 101 Hostička V. Spolupráce Čechů a haličských Ukrajinců v letech 1848-1849. Pr., 1965.
- 102 Žáček V. Ze styků Čechů a západních Ukrajinců v revolučních letech 1848 a 1849 // Z dějin československo-ukrajinských vztahů. Slovenské studie. I. Br., 1957. S. 351-374.
- 103 Macůrek J. Z dějin česko-maďarské spolupráce v letech 1849-1867 // SP. 1969. N 5.
- 103a Kovacs E., Novotný J. Maďaři a my. Z dějin maďarsko-československých vztahů. Pr., 1959.
- 104 Pešková J. Utopický socialismus v Čechách v XIX století. Pr., 1965.
- 105 Kosík K. Místo a význam radikálních demokratů v dějinách pokro-

- kové české politiky a ideologie // Čeští radikální demokraté. Výbor politických statí z r. 1848-1870. Pr., 1953; Idem. Česká radikální demokracie: Příspěvek k dějinám názorových sporů v české společnosti 19 století. Pr., 1958.
- 106 Jílek F. Pražská politechnika a její studenti v revolučním roce 1848 // Sborník národního technického muzea v Praze. 1965. N 4. S. 269-366.
- 107 Jílek F. Účast studentů na přípravách revoluce v Čechách roku 1849 // Sborník národního technického muzea v Praze, 1968. N 5. S. 337-508.
- 108 Šamberger Z. Majové sprisahanie 1849 v Čechách // Pravda. 31.V 1964.
- 109 Šamberger Z. Květnové spiknutí v Čechách roku 1849 a Michail Bakunin // SP. 1980. N 5. S. 366-378.
- 110 Bartocho J. K dějinám Lípy slovanské v Olomouci r. 1848-1849. Uherské Hradiště, s.a.
- 111 Novotný J. Slovanská lípa 1848-1849: K dějinám prvního českého politického spolku. Část I: Od založení spolku do svolání sjezdu slovanských lip. Praha, 1975; Část 2: Od sjezdu slovanských lip do zániku spolku. Pr., 1976.
- 112 Suchá M. Slovanská lípa v Plzni: Příspěvek k historii revolučních let 1848-1849 // Minulosti Západočeského kraje. Plzeň, 1963. D. II.
- 113 Žáček V. České a jihoslovanské Slovanské lípy v roce 1848 // Literární archiv. Sborník Památníku národního písemnictví. VI. Pr., 1971.
- 114 Osvald V. Žurnalistika české radikální demokracie. Pr., 1969.
- 115 Hrzalová H. Podnětnost a působivost obrazů české skutečnosti z let 1848-1849 jak je zachytily noviny radikálů // Novinařský sborník. 1959. N 1.
- 116 Гребеничкова Р. Чешские радикальные демократы и Герцен // Проблемы изучения Герцена. М., 1963.
- 117 Zumr J. Čeští radikální demokraté a A.I. Gercen // J.V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře. Pr., 1956.
- 118 Čejchan V. Italsko-slovanský spolek v Turině a radikální hnutí v Čechách na jaře roku 1849 // Slovanské historické studie. Pr., 1960.
- 119 Arnold E. Sebrané spisy. Pr., 1954.
- 120 Kočí J. Rec. na: Sebrané spisy radikálního demokrata Emanuela Arnolda // ČSČH. 1956. N 3. S. 507-511.
- 121 Červínka F. Nad vydáním "Sebraných spisů" Emanuela Arnolda // Filosofický časopis. 1955. N 3. S. 279-287.
- 122 Kosík K. Politické názory Emanuela Arnolda // Filosofický časopis. 1953. N 3/4. S. 184-202.
- 123 Kočí J. Emanuel Arnold. Pr., 1964.
- 124 Krížek J. O radikálním demokratu Emanuelu Arnoldovi // Historie a vojenství. 1965. N 4. S. 692-694.
- 125 Šamberger Z. Emanuel Arnold - radikální demokrat z roku 1848 //

- Sborník archívních prací Archívu ministerstva vnitra. Ročník 1. Pr., 1951. Č. 1. S. 17-164.
- 126 Šamberger Z. Radikální demokrat Emanuel Arnold, jeho význam a dílo // Arnold E. Sebrané spisy. Pr., 1954. S. 7-44.
- 127 Volf J. Agitace E. Arnolda na českém venkově na jaře 1849. Časopis pro dějiny venkova. Č. 9. XXVIII. S. 491.
- 128 J.V. Frič - básník a revolucionář: Výbor z díla. Pr., 1953.
- 129 Frič J.V. Naši předchůdci. Pr., 1953.
- 130 Frič J.V. Paměti D.I-III / K vydání připravil K. Cvejn. Pr., 1957, 1960, 1963.
- 131 Frič J.V. Písně z bašty a jiné básně. Pr., 1952.
- 132 Frič J.V. Spisy. D. I: Politické články z let 1847-1864. Pr., 1956.
- 133 J.V. Frič v dopisech a denících / Uspořádal K. Cvejn. Pr., 1955.
- 134 Boudová K. Úloha J.V. Friče v revolučním studentském hnutí roku 1848-1849 // J.V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře. Pr., 1956. S. 43-91.
- 135 Cvejn K. Doslov // Frič J.V. Písně z bašty... S. 230-241.
- 136 Cvejn K. Doslov // Frič J.V. Naši předchůdci. S. 242-246.
- 137 Cvejn K. K pamětem J.V. Friče // Frič J.V. Paměti. I. S. 7-13.
- 138 Cvejn K. K druhému svazku "Paměti" J.V. Friče // Frič J.V. Paměti. II. S. 7-9.
- 139 Grebeníčková R. J.V. Frič // J.V. Frič - básník a revolucionář... S. 7-12.
- 140 Grebeníčková R. K literárním názorům mladého J.V. Friče // J.V. Frič a demokratické proudy... S. 334-361.
- 141 J.V. Frič a demokratické proudy...
- 142 Kočí J. Radikální demokrat. Rudé právo. 1979. 7 IX.
- 143 Kosík K. J.V. Frič - český buržoazní revolucionář // J.V. Frič a demokratické proudy... S. 7-42.
- 144 Sivek A. K stykům J.V. Friče s polskou emigrací pařížskou // Slezský sborník. 1953. N 4. S. 517-525.
- 145 Soldán J. Rec. na kn: Žáček V. J.V. Frič // Časopis matice moravské. 1979. N 1/2.
- 146 Šimáček O., Šimáčková B. Politická činnost J.V. Friče v šedesátých letech // Frič J.V. Spisy. I. S. 5-46.
- 147 Urban Z. Neznámý J.V. Frič. Tvorba. 1974. 11. IX.
- 148 Vávra J. Záslužná kniha o životě a revolučnosti J.V. Friče // SP. 1980. N 6.
- 149 Wirthová B. Básnické dílo J.V. Friče // J.V. Frič a demokratické proudy... S. 308-333.
- 150 Žáček V. Josef Václav Frič. Pr., 1979.
- 151 Sabina K. O literatuře. Pr., 1953.
- 152 Sabina K. Oživené hroby (obrázky). Pr., 1953.
- 153 Sabina K. Sociální studie: Pojednání o socialismu. Pr., 1950.
- 154 Sabina K. Synové světla. Pr., 1953.
- 155 Purš J. K případu Karla Sabiny. Pr., 1959.
- 156 Purš J. Ještě o Karlu Savinovi // Literární noviny. 1960. 9. I. N 2.

- 157 Vozka J. Karel Sabina o vývoji společnosti k socialismu // Sabina K. Sociální studie... S. 7-54.
- 158 Bouček A. Karel Sladkovský. Pr., 1948.
- 159 Kaláb M. Augustin Smetana. Brno, 1950.
- 160 Bauerová M., Michňáková J. K novým dokumentům z rukopisné pozůstalosti Augustina Smetany // Filosofický časopis. 1957. N 4.
- 161 Klácel F.M. Výbor z díla. Pr., 1964.
- 162 Dvořáková Z. František Matouš Klácel. Pr., 1976.
- 163 Jerábek D. J.M.Klácel a obrozenská Morava // Klácel F.M. Výbor z díla.
- 164 Žáček V. K politické činnosti Adolfa Kolatschka v letech 1848-1862 // Slezský sborník. 1972. N 4. S. 265-280.
- 165 Žáček V. František A.Zach. Pr., 1977.
- 166 Svobodová D. Činnost Kašpara Noce na jihočeském venkově r.1848 // Jihočeský sborník historický, 1962. N 1/2. S. 46-52.
- 167 Čeští radikální demokraté (Výbor politických statí). Pr., 1953. Тогда же обстоятельную рецензию на этот сборник опубликовал И. Кочи: Коčí J. Výbor politických statí českých radikálních demokratů // ČSČH. 1954. N 2. S. 303-313.
- 167a Čeští utopisté devatenáctého století // Sestavil Jan Novotný. Pr., 1982.
- 168 Мильников А.С. Место и значение чешских радикальных демократов в чешской историографии 19 века // Новая и новейшая история. 1964. № 2. С. 37-47; см. также его рецензию на кн.: Novotný J. Slovanská líra 1848-1849 // Сов. славяноведение. 1979. № 4.
- 169 Бремеева Г.И. Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич: Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 40-60-х гг. XIX в. М., 1984; См. также ее рец. на кн.: Žáček V. Josef Václav Frič // Сов. славяноведение. 1980.
- 170 Цирумова Н.М. Бакунин. М., 1970.
- 171 Удальцов И.И. Историография чешского национального возрождения: новейшие чехословацкие и советские исследования (1950-1980). М., 1984 (см. гл. 5).
- 172 Kočí J. Havlíček a radikální demokraté // Dějiny a současnost. 1966. N 4.
- 173 Kočí J. Karel Havlíček a česká liberální strana po rozeznání Kroměřížského sněmu // SP. 1972. N 3.
- 174 Kočí J. Pronásledování Havlíčkových brožur v roce 1851 // SP. 1974. N 1. S. 8-23.
- 175 Troníček J. Persekuce Karla Havlíčka Borovského v pobřežnovém Rakousku // Časopis Matice moravské. 1951. N 1/2.
- 176 Bělka F. Kapitoly z dějin českého revolučního myšlení. Havlíčkův Brod, 1960.
- 177 Čechová G., Martínek J. Národní výbor v r. 1848 // Sborník archivních prací Archívu ministerstva vnitra. Pr., 1954. V. IV. Č. 1.
- 178 Roubík F. Petice venkovského lidu z Čech k Národnímu výboru z roku 1848. Pr., 1954.
- 179 Radimský J., Wurmová M. Petice moravského lidu k sněmu z roku 1848. Pr., 1955.

- 180 Krížek J. Národní gardy 1848 - první ozbrojená moc buržoasie v Čechách // Historie a vojenství. 1952. N 1. S. 77-91.
- 181 Krížek J. Buržoasní nacionalismus a armáda v roce 1848 // Historie a vojenství. 1952. N 2. S. 113-121.
- 182 Krížek J. Národní gardy v roce 1848: K otázce první ozbrojené moci buržoasie v Čechách. Pr., 1954.
- 183 Lepšík J. Stavby obležení v Čechách v letech 1848-1853: Jejich průběh a obsah. Pr., 1960.
- 184 Hrzalová H. Rozmach českého novinářství v letech 1848-1849 a jeho význam pro vývoj české literatury // Česká literatura. 1957. N 4. S. 409-440.
- 185 Osvald V. Žurnalistika české radikální demokracie. Pr., 1969.
- 186 Trapl M. Novinář Jan Oheral. Ostrava, 1969.
- 187 Šimeček Z. Tisková politika v českých zemích do r. 1848 // ČMM. 1975. N 2. S. 242-252.
- 188 Удальцов И.И. К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848г. // Вопр.истории. 1947. № 5.
- 189 Удальцов И.И. Из истории Пражского восстания 1848г. // Вопр.истории. 1948. № 12.
- 190 Удальцов И.И. Из истории Славянского съезда в Праге в 1848 г. // // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М. 1949. № 1.
- 191 Удальцов И.И. К характеристике политической деятельности Ф.Палацкого // Вопр.истории. 1950. № 10.
- 192 Удальцов И.И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951.
- 193 Удальцов И.И. Историография классовая и национально-политической борьбы в Чехии в 1848г. // Революции 1848-1849. М., 1952.
- 194 Т.П. (разд. гл.63-й). Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец ХУШв. - 1849г. М., 1980.
- 195 Šmerda M. K sociálnímu profilu národu habsburské monarchie před r. 1848 // Slovanské historické studie. 1982. Č. 13. S. 81-120. Tabl. V. S. 114.
- 196 Революции 1848-1849. I-II / Под ред. Ф.В.Потемкина и А.И.Молока. М., 1952. См.гл.19 первого тома, гл.48 и 63 второго тома.
- 197 История Чехословакии. Т. II / Под ред. С.А.Никитина, М.А.Полтавского, Г.Э.Санчука, П.Н.Третьякова. М., 1959. См.гл.УШ.
- 198 Хорева О.А. Национальный вопрос в чешских землях в период революции 1848-1849 гг.: Автореф.дис...канд.истор.наук.М., 1976.
- 199 Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. М., 1965; Она же. Революция в Австрии (1848-1849). М., 1970; Она же. Гл.13, 18, 35 в кн.: Революции 1848-1849. М., 1952. Т.1.
- 200 Ойзерман Т.И. Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 г. М., 1955.
- 201 История южных и западных славян / Учебник под ред. С.А.Никитина, И.М.Белявской, И.Н.Частухина. М., 1957.
- 202 История южных и западных славян (Курс лекций) / Под ред. И.М.Бе-

- лявской, Л.В.Валева, И.А.Воронкова, В.Г.Карасева, И.И.Костюшко, И.В.Созина. М., 1979.
- 203 Белановский В.Н., Иванова О.Е., Ивашкевич В.И., Стецкевич С.М., Чеканова Г.П., Якубовский В.А. Очерки истории южных и западных славян / Под ред. С.М.Стецкевича. Л., 1957.
- 204 Roubík F. Na českém venkově // Věstník československého zemědělského muzea. Ročn. I, 1928. Č 3. S. 261-331.
- 205 Roubík F. Registratura Národního výboru z r. 1848 // Časopis Archivní školy. VI. 1928; Idem. Z korespondence Národního výboru r. 1848 // Česká revue. XXI. 1928; Idem. Dvě úřední zprávy o poměrech na Boleslavsku r. 1848 // Boleslavan. III. 1928; Idem. Český venkov a zrušení roboty v redakční korespondenci Karla Havlíčka Borovského z r. 1848 // Časopis pro dějiny venkova. XXV. 1938.
- 206 Roubík F. Český rok 1848. Pr., 1948.
- 207 Palacký F. Popis Království Českého. Pr., 1848.
- 208 Šindelář V. Přehled dějin dělnického hnutí na Moravě do Heinfeldského sjezdu // ČMM. 1954. S. 3-57.
- 209 Grobelný A. Hladová léta ve Slezsku 1846-1856 // Slezský sborník. 1958. N 1/2.
- 210 Janoušek V. Příspěvek k počátkům dělnického hnutí v jižních Čechách // Jihočeský sborník historický. 1970. N 1.
- 211 Charous J. Nové dokumenty k r. 1848 v Čechách. Pr., 1973.
- 212 Klíma A. Počátky dělnického hnutí v Čechách. Pr., 1948; Tobolka Z. Textiláci-první průkopníci dělnického hnutí v Čechách. Pr., 1950; Kutnar F. Z dějin českého dělnického hnutí. Pr., 1952; Šolle Z. Dělnické stávky v Čechách v druhé polovině XIX století. Pr., 1960.
- 213 Novotný J. František Cyril Kampelík. Pr., 1975.
- 214 Гуса В. История Чехословакии. Прага, 1963.
- 215 Husa V. Dějiny Československa. Pr., 1961.
- 216 Nejedlý Z. Odkaz našich národních dějin. Referát z I Ústřední konference ideových a výchovných pracovníků KSČ. Pr., (1947).
- 217 Nejedlý Z. Komunisté - dědici velikých tradic českého národa. Pr., 1947.
- 218 Лециловская И.И., Фрейдзон В.И. Революция 1848-1849 г.г. и угнетенные народы Австрийской империи//Сов.славяноведение. 1973. № 6.
- 219 Klíma A. Rok 1848 v Čechách. Pr., 1948.
- 220 Вopr.истории. 1948. № 7. С. 123-127.
- 221 Клима А. 1848 год в Чехии: Начало чешского рабочего движения. М., 1949.
- 222 Přehled československých dějin. Maketa.D. II: 1848-1918. Svazek I: 1848-1900. Pr., 1960. S.7-95.
- 223 Удалцов И.И. Еще раз к характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого (историографические заметки)//Сов.славяноведение. 1983. № 6. С. 46-57.
- 224 Šindelář V. František Palacký a dělnická třída // ČMM. 1952. N 1/2. S. 19-40.
- 225 Novotný K. František Palacký a dělnická otázka // ČSČH. 1977. N 5. S. 715-731.

- 226 Dvorský J. Palacký očima naší doby // František Palacký: Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky. Pr., 1977. S. 487-498.
- 227 Novotný J. K politickej činnosti Pavla Jozefa Šafárika za revolúcie 1848-1849 // Historický časopis. 1970. N 4. S. 544-564.
- 228 Stanislav B. Karel Havlíček Borovský. Pr., 1954.
- 229 Klimeš V. Karel Havlíček Borovský - politik a novinář // K.Havlíček Borovský (Výbor z díla). Pr., 1956.
- 230 Udal'cov I. Z dějin národních a politických bojů v Čechách r.1848. Pr., 1954.
- 231 Procházka V. Karel Havlíček Borovský. Pr., 1961.
- 232 Procházka V., Formánek M. Myšlenkový odkaz Karla Havlíčka Borovského. Pr., 1961.
- 233 Kočí J. Havlíček a austroslavismus // Dějiny a současnost. 1966. N 3. S.9-12.
- 234 Kočí J. Karel Havlíček Borovský a počátky austroslavismu // S.P. 1971. N 3. S. 191-201.
- 235 Kočí J. K "slovenské otázce" u Karla Havlíčka Borovského // 1975. N 1. S. 30-34.
- 236 Beránková M. Osobnost. Haló sobota (Příloha Rudého práva). 1981. N 43.
- 237 Beránková M. Karel Havlíček Borovský. Pr., 1973, 1980.
- 238 Nejtek V.M. Novinář Karel Havlíček Borovský. Pr., 1979.
- 239 Sabina K. Sociální studie: Pojednání o socialismu. Pr., 1950.
- 240 Скаржинская В.Д. Обыкновенный ревизионизм. М., 1976.
- 241 Otruba M. Božena Němcová. Pr., 1962.
- 242 Kaňák M. Josef Franta Šumavský. Pr., 1975.
- 243 Hájek J. Josef Kajetan Tyl. Brno, 1950.
- 244 Zdeněk Z.S. Politický význam J.K.Tyla. Pr., 1963.
- 245 Oswald V. Novinář Josef Kajetan Tyl. Pr., 1972.
- 246 Michňáková J. Augustin Smetana. Pr., 1963.
- 247 Stručné dějiny University Karlovy. Pr., 1964.
- 248 Сов.славяноведение. 1979. № 4. С. 105-106.
- 249 Čejchan V. Bakunin v Čechách: Příspěvek k revolučnímu hnutí českému v letech 1848 až 1849. Pr., 1928; Idem. Bakuninovo "Provolání k Slovanům" před tiskovým soudem pražským roku 1849 // S.P. 1931. S. 664-684; Idem. Bakunin v Praze r. 1848 // Český časopis historický. 1932. S. 564-569; Idem. Revoluční slovanství M.A.Bakunina // S.P. 1964. S. 266-284.
- 250 Ivantysynová T. L'udovit Štúr a Michail Bakunin v revolucii 1848-1849 // Zborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského Historica. Ročn. XXI. 1970. Br., 1971.
- 251 Kořalka J. K některým problémům národní a národnostní otázky v českých zemích v období kapitalismu // ČSČN. 1962. N3. S.376-391.
- 252 Принципиальная характеристика этих вопросов в советской историографии изложена в коллективной монографии "Освободительные движения народов Австрийской империи" и в статье И.Лещиловской и В.Фрейдзона "Революция 1848-1849гг. и угнетенные народы Австрийской империи".

- 253 Říha O. O národním hnutí a národnostní otázce 1848-1918 // ČSČH. 1954. N 1. S. 47-68.
- 254 Červinka F. Český nacionalismus v XIX století. Pr., 1965.
- 255 Kočí J. K některým aspektům českého národního hnutí v XIX století // S.P. 1974. N 6. S. 449-454.
- 256 Kočí J. Die Organisationsformen und -mittel der tschechischen national-politischen Bewegung in der Revolution 1848-1849 // History and society: Published on the occasion of the XVIth International Congress of Historical Sciences in Stuttgart 1895 / Ed. by J. Purš. Prague, 1985. P. 403-431.
- 257 Kreibich K. Němci a česká revoluce roku 1848. Brno, 1950.
- 258 Vomáčkova V. K národnostní otázce v buržoazní revoluci 1848 v českých zemích // ČSČH. 1961. N 1. S. 1-16.
- 259 Peotová-Vomáčková V. Připojení Rakouska k německému celnímu spolků v roce 1848 (Edice dokumentů shromážděných Jednotou pro povzbuzení průmyslu v Čechách). Pr., 1970.
- 260 Bakala J. Průmyslová oblast severozápadních Čech a národnostní zápas v letech 1848-1896 // Slezský sborník. 1978. N 4.
- 261 Grobelný A. K některým etapám národního hnutí ve Slezsku a na Ostravsku v letech 1848-1918 // Slezsky sborník. 1965. N 4.
- 262 Žáček V. Počátky národního obrození slovanského obyvatelstva ve Slezsku. Ostrava, 1959.
- 263 Žáček V. Čechové a Poláci roku 1848: Studie k novodobým politickým stykům česko-polským. Pr., 1947, 1948. Části I-II.
- 264 Žáček V. Za buržoazní revoluce r. 1848 a 1849 // Češi a Poláci v minulosti. D.2: Období kapitalismu a imperialismu. Pr., 1967. S. 212-245.
- 265 Wollman F. Slavismy a antislavismy za jara národů. Pr., 1968. S. 170-313.
- 266 Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Pr., 1968.
- 267 Čejchan V. Ještě k otázce vztahu polských účastníků Slovanského Sjezdu k červnovému povstání v Praze roku 1848 // SP. 1966. N 4. S. 241-243.
- 268 Šamberger Z. Zmaření Slovanského sjezdu r. 1848 // SP. 1978. N 6. S. 454-471.
- 269 Žáček V. Spolupracovníci Františka Palackého na manifestu Slovanského sjezdu roku 1848 k evropským národům // Časopis Národního muzea // Historické muzeum. 1976. N 2. S. 63-78.
- 270 Tobolka Z., Žáček V. Slovanský sjezd v Praze 1848: Sběrka dokumentů. Vydáno jako rukopis Slovanským ústavem v Praze. Pr., 1952. Část I.
- 271 Žáček V. Slovanský sjezd v Praze roku 1848: Sběrka dokumentů. Pr., 1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Народные массы и революция	15
Глава II. Буржуазия и революция. Зарождение революционной демократии	33
Глава III. Национальный вопрос и революция	90
Заключение	122
Примечание	124

Удальцов Иван Иванович

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848-1849 гг.
в чешских землях: новые чехословацкие
исследования (1950-1985 гг.)

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор А.В.Болдов. Художник Н.И. Казаков
Художественный редактор И.Д. Богачев

ИБ № 38951

Подписано к печати 20.12.88. А-10671. Формат 60x90 1/16
Бумага для глубокой печати. Печать офсетная
Усл.печ.л. 8,5. Усл.кр.-отт. 8,9. Уч.изд.л. 10,3
Тираж 800 экз. Тип.зак 1134. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д.90

Ордена Трудового Красного Знамени I-я типография
издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

2 р. 10 к.